

Цецен Балакаев

**ДВЕ ЕЛИСАВЕТЫ,
или Соната ля минор**

*Историческая драма в трех действиях
с прологом и эпилогом*

*«Deux Élisabeths, ou Le sonate en la mineur»
Drame historique en trois actes avec un prologue et un epilogue*

Памяти моей супруги Ирины

УДК
ББК
Б

АННОТАЦИЯ:

Сия драма рассказывает о таинственных и почти не разгаданных исторической наукой событиях почти неизвестного нам 18-го столетия, когда Россия стремительно ворвалась и в Европейскую историю и в европейскую культуру, и ворвалась как достойный партнер и соперник тысячелетних монархий Европы и Средиземноморья.

ISBN

© Ц. А. Балакаев. Две Елизаветы. 2012 - 2025

© Издательство «SUPER», 2025

Amsterdam – Санкт-Петербург
2012 - 2025

*Действующие лица:**Возраст действующих лиц указан на начало 1775 года**Екатерина, российская Самодержица, 45 лет от роду
Августа, дочь Императрицы Елисаветы Петровны, 21 года
Самозванка, безродная авантюрьера, 22 лет**Евдокия, фрейлина Екатерины, 19 лет**Панин, граф, канцлер, 56 лет**Орлов, граф, адмирал, 34 лет**Шувалов, обер-камергер, меценат, 47 лет**Рибас, испанец, русский лейтенант, 25 лет**Войнович, серб, русский капитан-лейтенант, 24 лет**Радзивилл, польский князь, воевода виленский, 40 лет**Демарен, маркиз, гофмаршал Самозванки, 50 лет**Иезуит, поляк, секретарь Самозванки, 35 лет**Паисиелло, неаполитанский композитор музыки, 33 лет**Чимарозо, неаполитанский композитор музыки, 25 лет**Иван, внебрачный сын Шувалова, тенор петербургских театров, 30 лет**Игуменья, настоятельница Иоанновского монастыря, неизвестного возраста**Иоанна, итальянка, старая прислуга Августы, неизвестного возраста**Салтычиха, Людоедка и Убийца, узница Иоанновского монастыря, 45 лет**Сторож, глухонемой инвалид при Иоанновском монастыре**Вахтенный, матрос охраны Августы**Синьора и Синьор, неаполитанская знать**Розина и Фигаро, неаполитанские артисты**Цветочницы, неаполитанские девицы**Крестьянка и ее дети**Офицеры и нижние чины Средиземноморской эскадры, авантюристы свиты Самозванки, жители Неаполя, русская придворная знать и гвардия, неаполитанские и петербургские артисты, московские монахи, монахини, богомольцы и нищие, домочадцы, крепостные и домашний оркестр Орлова, цыгане.**Действие происходит в Неаполе, на Капри и в Москве в 1775 и 1785 годах.*

ПРОЛОГ.

«Неаполь»

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Набережная. Слева вдали в туманной дымке виден курящийся Везувий, справа нависают зубчатые башни Святого Эльма. Звучит легкая музыка, за белой мраморной балюстрадой синее море и виднеются мачты и паруса. Отдыхающая публика фланирует по Виа Ривьера. Элегантная пара взмахами рук отгоняет изящно танцующих цветочниц, предлагающих корзинки с цветами...

Синьора: Синьор, наконец-то наши друзья – амичи русси – снова на рейде. Взгляните! Русская эскадра вошла в Кратер, словно бы на параде. Корабли раскрашены флагами, а экипажи, словно ангелы, в белоснежной форме. Ах, как же это красиво!.. Мы, неаполитанцы, столь чувствительны к красоте, и весь город взбудоражен необыкновенными предчувствиями... Как вы считаете, синьор, будут ли амичи русси снова угощать нас, как в прошлый визит год назад?

Синьор: Я не знаю этого, синьора. При дворе ходят слухи, что амичи русси прибыли неспроста. Говорят, что английский посол лорд Гамильтон вручил нашему королю ноту протеста.

Синьора: Святая мадонна, к чему бы это? Ведь амичи русси отменно вежливы, учтивы и щедры, и их девиз «Ничего, кроме хорошего». Вы помните, как после великой победы над османским флотом бесстрашный и щедрый адмирал Орлов повелел, чтобы из фонтанов на этой набережной било вино? Признайтесь, синьор, сколько вы тогда изволили выпить?

Синьор: О си, синьора, это была грандиозная феста, в веках достойная памяти! Столь весело мы отметили великую победу амичи русси, что половина города попадало в воду. Вы знаете, синьора, какой я прекрасный пловец, но в тот день чуть не утонул.

Синьора: Я всегда твержу вам, что вино, табак и женщины до добра не доведут.

Синьор: Но вы уж вспомните и о собственных безумствах, синьора.

Синьора: Вы о русском адмирале Орлове, синьор? Вот это красавец. Истинный лев!словно бессмертный герой, достойный золотых лавров. Ах, какой у него шрам на лице! Этот шрам украшает воина-победителя и влечет к нему сердца дам. И его обворожительные манеры... Перед ним невозможно устоять. Он словно античный император! Вы помните салют и фейерверк русской эскадры? Корабли палили по мановению его рук, а дирижировал он огненной потехой великолепно. Си-си, то было великолепно!

Синьор: Признаться, меня очень впечатлил морской бой, который амичи русси устроили для нашей потехи. Ведь каким же надо быть могущественным вельможей, чтобы вот просто так, ради забавы, сжечь и потопить часть своей эскадры.

Синьора: В тот памятный вечер, синьор, от пушечного жара вспыхнули кружева моего платья. Грации Дио, слуги опрокинули на меня ведро вина из фонтана.

Синьор: А лорд Гамильтон, недовольный тем, как сердечно принимал амичи русси Неаполь, бегал по Виа Ривьере и выглядел, словно дьявол из преисподней – в саже, с обгорелыми манжетами и кружевами и с опаленным париком.

Синьора: Си-си, синьор, говорят, что худший дьявол – с опаленным хвостом и сбитыми копытами. Я помню, как Неаполь следил за судебной тяжбой англичан, пытавшихся взыскать с амичи русси за урон, нанесенный кораблям английской эскадры...

Синьор: А русский посланник синьор Джованни Шувалов под стать адмиралу Орлову. Синьор Шувалов сказал, что лающая собака не кусается, и совершенно проигнорировал маневры англичан. А ведь ходили слухи, что русский стопушечный корабль нарочно протаранил британского флагмана. Вы помните, с каким треском рухнули мачты и как англичане вылавливали из воды свой флаг?

Синьора: О, си-си-си, то было презабавно. Как только англичане достали свой Джек и с гордостью подняли над головами, так амичи русси отсалютовали всеми бортами, и английский ялик тотчас перевернулся, снова утопив флаг.

Синьор: Как раз в том лорд Гамильтон нашел злонамеренное бесчестье для британской короны. И потому сейчас он снова подозревает амичи русси в худых для своей империи намерениях. Кто в воду упал – ходит мокрый. Будет лорд Гамильтон снова сушить свой мундир. Отсюда и гнев, и слезы...

Синьора: Си-си, амичи русси лорда Гамильтона и в воде искупали, и на огне поджарили. Это международная политика, которая нас, простых неаполитанцев, не касается. Пусть англичане ищут козни в действиях амичи русси, а наши берега приветливы к ним. Мы будем рады, коль адмирал Орлов нанесет визит наследной принчипессе и устроит в ее честь великолепный бал. Ведь вы были у нее?.. Я сгораю на ее балах, словно в печи!..

Синьор: О си, синьора, и снова фонтаны Виа Ривьеры заискрятся струями вина. Праздники это наш нрав! Наша страсть! Наша жизнь! Мы живем ради празднеств и пиршеств. Пусть под вечными небесами Неаполя всегда звучат музыка и хрустальный звон бокалов! Не выпить ли нам за это, синьора?

Синьора: Не будьте расточительным, синьор. Ведь амичи русси сегодня же закатят царский пир. Потерпите до вечера, вот тогда мы повеселимся от души...

Подбегает цветочница, но Синьор отсылает ее небрежным жестом. Пара проходит. Выходит Паусиелло и изящно раскланивается с гуляющими. Все с радостью и с почтением приглашают его выпить бокал вина. Паусиелло садится за столик справа, пьет вино и закусывает. Выбегает Розина в платье с небесно-голубым лифом и с корзинкой цветов в руках и поет каватину, обратив лицо к Паусиелло и прижимая к груди письмо возлюбленного.

Розина: Ах! Я его поздно прочла;
Он меня просит иметь явную ссору с опекуном;
Я ее теперь лишь имела,
Но по несчастью помирилась.

Мучитель мой столь несправедлив,
 Что не только имения моего,
 Но и вольности меня лишает.
 О небо! Сжался надо мною.
 Праведное небо! Ты, которое знаешь,
 Когда у кого сердце невинно:
 Ах! Поддай душе моей сие спокойство,
 Которое оно не имеет...

Розина кланяется Паусиелло, ставит у его ног корзинку и исчезает. Выбегает баритон в голубой жилетке и алом неаполитанском колпаке, с бритвой в руках, и поет арию Фигаро, обратив лицо к Паусиелло.

Фигаро: Пробежав многия города
 Прибыл в Мадрид,
 Где испытал театральныя
 Свои дарования,
 Сочинил Оперу,
 Но упал.
 И так перекинув опять
 Свой скарбишко за плечо
 Пошел далее; был в Кастилии,
 В Манхе, в Астурии;
 Перешел Андалузию, Естремадуру,
 Сьерру-Морену и Галицию;
 В ином месте принят хорошо,
 В другом угощен тюрьмою,
 Везде без наличных денег,
 Но со всем тем весел,
 Всегда превыше всех перемен счастья,
 Питаясь бритвой,
 Брея бороды кому ни попало,
 Продолжал мой путь
 И наконец в Севилии поселился,
 Готов служить Вашему Сиятельству,
 Если могу удостоиться Сея чести...

Фигаро с достоинством кланяется Паусиелло, обегает отдыхающих, предлагая им побриться, и, наконец, исчезает.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Входит Чимарозо и раскланивается с публикой. Он подходит к столу Паисиелло и отвечает галантный поклон.

Чимарозо: Буоно джорно, маэстро Паисиелло. Счастлив видеть вас, ведь все вокруг вас всегда звучит божественной музыкой!

Паисиелло: А, это вы, милый юноша! Буоно джорно. Вы мне явно льстите.

Чимарозо: Маэстро, музы венчают славу, а слава венчает муз. Вчера я был в королевском театре Сан-Карло и затем всю ночь не мог заснуть, захваченный вашей чудесной оперой!

Паисиелло: Вот как? Вы мне излишне льстите. Присаживайтесь, маэстро Чимарозо. Сделайте одолжение и составьте мне компанию. Готов побиться об заклад, что вы не завтракали.

Чимарозо: Признаться, вы, маэстро, правы.

Паисиелло: Когда-то я тоже был начинающим музыкантом. Не стесняйтесь, присаживайтесь и смело расправьтесь с этим гастрономическим этюдом. Лучше умереть сытым, чем голодным.

Чимарозо скромно садится и быстро утоляет первый голод. Затем он восхищенно-почтительно внимает старшему коллеге. Временами к столу подбегают цветочницы и бросают им цветы.

Чимарозо: Так вот какую пищу вкушают великие композиторы. Вдохновляюще. Ваш повар, маэстро, истинный виртуоз.

Паисиелло: Осмелюсь дать вам совет, мой юный друг. Когда-то я начинал с написания религиозной музыки, дававшей удовлетворение и спасение моей душе. Что касается желудка, то для насыщения его я писал сонаты и посвящал их благородным и имущим отцам семейств, чьих супругов и дочерей я имел честь обучать основам музицирования. И лишь случай, позволивший мне написать первую оперу...

Чимарозо прерывает его восхищенным вскриком.

Чимарозо: Оперу-буффа «Болтун»! О, маэстро, кого вы столь злобно и весело высмеяли в дебютной опере?

Паисиелло достает из рукава шелковый кружевной платок и вытирает лицо.

Паисиелло: Это страшная тайна, мой юный друг. Ведь вы не желаете, чтобы однажды темной ночью меня зарезали в подворотне? Молчание – золото. А в чем могу признаться вам, то в том, что тот первый успех вскружил мне голову. И сбил меня с истинного богоугодного пути. Да, впрочем, к чему я это? Вот к чему. Вы, маэстро Чимарозо, начали свой долгий путь с места в карьер. С опер! А ведь написание опер требует неисчислимых жертв. Это слишком большое испытание для молодого неокрепшего организма. И я бы осмелился посоветовать вам, мой друг, временами делать передышки и писать небольшие изящные сонаты. Знаете ли, этикие безделушки, какие любят неаполитанские маменьки. Пение скрипочек, переливы арфочки, нежность флейт... Джокозо! Аморозо! Грациозо! А их мужья, потакающие капризам своих половинок, отблагодарят вас по достоинству. Родительская любовь лучший ключ к кошельку любого скряги.

Чимарозо: Но, маэстро, стоит ли тратить время на подобные мелочи? Зачем разменивать талант на пустяки? Неужели вы прерывали поток вдохновения при написании грандиозного исторического полотна «Алессандро в Индии»?

Паисиелло: Кхм... В вас чувствуется нетерпеливое упоение молодости, мой юный друг. Вы спешите жить! Но желудок всегда требует своего. Полный, довольный радостями жизни желудок не отвлекает автора, а рассудок его и мысль находятся в полной гармонии с музами искусств.

Чимарозо: Признаться, маэстро, на сытый желудок я писать не могу. Меня сразу же тянет на Виа Ривьеру, к веселью, где я могу подсмотреть, подслушать и даже, коль посчастливится, принять участие в сюжетах будущих опер. Мною движет дух, а не желудок!

Паисиелло: Ах, эта молодость! Нетерпеливая, жаждущая, кипящая. Бурление чувств... Кхм, круговерть мысли... Но, мой юный друг, к примеру, написание «Алессандро», вкупе с полным желудком, требовало холодного рассудка и тонкого расчета. Я потратил три месяца на изучение текста синьора Метастазियो и сличение его с историческими источниками, а затем, облачившись в мундир, при лентах и орденах, в белых перчатках, ежедневно складывал в единое целое сложившийся в итоге штудий музыкальный текст. По три часа в день. Две недели. И затем еще две недели употребил на отделку, на углубление драматических ситуаций, на придание характерам образности, живости и остроты, на украшение музыкальных фразировок.

Чимарозо: Трудно в то поверить, маэстро. Ведь ваш «Алессандро» смотрится необыкновенно целостным, все в нем едино, неразрывно и совершенно. Я был уверен, что вы присели за столик и написали его... М-м-м... Часов за двадцать непрерывного вдохновения. Вдохновения, близкого к божественности!

Паисиелло: Бог с вами, молодой человек. Мгновенно, по вдохновению, пишутся лишь безделицы, коротенькие оперы буфф, этикие веселые и обязательно оригинальные жизненные срезы, подсмотренные и внезапно ослепившие своею свежестью ситуации. Но вдохновения и оригинальности вам хватит лишь на один акт, но никак не на три или пять для серьезной, большой оперы.

Чимарозо: Но как мне найти богатых и знатных покровителей, маэстро? Я никогда не смогу собраться духом и напрашиваться самостоятельно.

Паисиелло: Выгодные места в лучших неаполитанских домах давно заняты, маэстро Чимарозо. Вам следует искать иностранцев, а больше всего сорят деньгами русские! Они сказочно богаты и не считают средств на удовлетворение своих прихотей. Если вам будет угодно, то я осмелюсь рекомендовать вас двум русским принчипессам. Они наследницы царского престола. Имперского!..

Чимарозо: Ах, дорогой маэстро, я никогда не забуду этой услуги!

Паисиелло: Признаться, я бы с радостью занялся ими сам. Но одна из них, принципесса Елисавета, снимает виллу на Капри, а это далеко и неудобно для меня. Вторая же, тоже принципесса Елисавета, признаться, ведет столь шумный образ жизни, что это, право, может выбить меня из спокойного, размеренного русла музицирования. Ведь в суетном шуме я не слышу голоса муз.

Чимарозо: Извините меня, маэстро, как это возможно, чтобы две наследные принципессы имели одно и то же имя? Неужто они близнецы?

Паисиелло: Ах, не спрашивайте меня об этом, молодой человек. Русские такие странные и такие непонятные. Они слишком богаты! Они невероятно богаты, а богатым дозволено все.

Он достает из кармана письмо и вдыхает аромат бумаги.

Паисиелло: Вот... Словно бы аравийский самум. Надушено тончайшими восточными благовониями. Это приглашение на вечер к той из них, что изволила остановиться в Неаполе, и я возьму вас с собою, представив своим секретарем.

Чимарозо: А хороша ли она, маэстро?

Паисиелло: Молодой человек, принципесса не может быть нехорошей. А эта, уж поверьте мне на слово, настоящий бриллиант. И весь высший свет нашего королевства у ее преизящнейших ножек.

Чимарозо: Ах, маэстро, мое сердце заныло от сладких предчувствий.

Паисиелло: Ни в коем случае не позволяйте себе излишних надежд, молодой человек. Будьте лишь зрителем, хладнокровным свидетелем безумств других. Записывайте в дневник, запоминайте все, и, может быть, однажды вы напишете произведение, достойное памяти потомков. Держите свою голову трезвой и холодной. Вот вам мой совет, мой юный друг.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Прогуливающиеся оживляются, слышны возгласы: «Русский офицер!», «О, наконец-то они снова прибыли!», «Синьоры, готовьтесь к праздникам и балам!» Вбегает Войнович, осматривается, затем живо, чеканя шаг, направляется к столику Паисиелло и с достоинством кланяется. Вокруг все останавливаются и с интересом прислушиваются.

Войнович: Достопочтенный синьор, имею ли я честь видеть славного синьора Паисиелло, композитора королевских театров его величества неаполитанского короля?

Паисиелло: Я к вашим услугам, синьор офицер.

Войнович: Синьор Паисиелло, мне велено доставить вам сие высочайшее письмо из Санкт-Петербурга. Прошу расписаться в его получении.

Паисиелло берет у Войновича книгу и перо, расписывается, читает про себя письмо, затем громко оглашает его содержимое.

Паисиелло: «Мы, волею Божьей Императрица России Екатерина, желаем видеть синьора Паисиелло из Неаполя инспектором и капельмейстером италийской оперы серьезной и буфф в Санкт-Петербурге. Екатерина. Писано в Санкт-Петербурге октября 14-го числа 1774 года».

Раздаются аплодисменты и возгласы «Браво!», «Какое счастье!» и прочее. Цветочницы вновь забрасывают Паисиелло цветами.

Паисиелло: Мне следует ответить немедленно, мой прекрасный синьор офицер?

Войнович: Я подожду столько, сколько вам будет угодно, дабы дать твердый ответ, синьор Паисиелло.

Войнович садится на предложенный стул и наполняет свой стакан. К нему подходит пара неаполитанцев.

Синьора: Мы счастливы, синьор капитан, снова видеть русский флот в Кратере.

Войнович вскакивает и галантно кланяется.

Войнович: Прекрасная синьора, адмирал Орлов считает за высокую честь презентовать флаг Российской империи жителям вашего прекраснейшего города, а особенно его изысканным дамам!

Подбегают цветочницы, Войнович выбирает красивый букет и преподносит Синьоре.

Синьор: Скажите, синьор капитан, а прибыл ли с эскадрой сам отважный и могущественный победитель турок адмирал Орлов?

Войнович: Досточтимый синьор, Божьей милостью адмирал российской эскадры граф Алексей Григорьевич Орлов изволит пребывать в самом добром здравии на борту флагманского корабля «Три иерарха».

Синьора: Синьор капитан, намерен ли адмирал Орлов снова дать бал в честь своего визита?

Войнович: Без всякого сомнения, прекрасная синьора, вас ждут самые веселые увеселения. Офицеры нашей эскадры уже начистили амуницию и кортики до ослепительного блеска.

Синьор: Синьор капитан, значит, будет праздник в честь наследной русской принцессы, которая осчастливила наш прекрасный вечный город своим милостивым пребыванием?

Войнович: Это без всякого сомнения, досточтимый синьор. Члены российской императорской фамилии свято почитаются флотом как помазанники Божии. Корабли эскадры готовятся провести молебен о ниспослании здоровья и благополучия российскому императорскому дому.

Синьора: А будет ли снова фейерверк, синьор капитан? Ведь мы с восторгом вспоминаем празднества, устроенные вашим флотом в честь победы над турками!

Войнович: Слава Богу, прекрасная синьора, порох в погребах мы держим сухим, в громадном количестве, и всегда готовы услужить прекрасным дамам.

Синьор: Извините за неуместный вопрос, синьор капитан, но будут ли снова из наших фонтанов бить струи тосканского вина?

Войнович: Вопрос вполне уместен, досточтимый синьор. Наполнить фонтаны в воле нашего адмирала, самого щедрого и услужливого кавалера. В моей же скромной воле предложить вам по бокалу самого лучшего вина. Честь гостеприимству хозяев – высший закон!..

Синьора, Синьор (оба): Будем веселиться!

Им подносят большие бокалы. Гуляющие машут шляпами и кричат: «Слава русскому флоту!» и «Виват русским!» Девушки осыпают Войновича цветами.

Паисиелло: Вот вам, юный друг, сюжет для новой оперы. Только прошу вас, держите рассудок трезвым, а сердце холодным.

Чимарозо: Маэстро, мое сердце сладко ноет неясными предчувствиями. В грохоте канонады больших барабанов, литавр и тарелок мне слышатся переливы арфы и шепот скрипок.

Паисиелло: Замкните сердце на замок, а ключ выбросьте в Кратер, маэстро Чимарозо. Пишите лишь то, что видите, а не в чем участвуете. Это мой вам самый большой совет. Всегда помните поговорку – важно не бежать, а добежать.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

За сценой оживление. Вбегает Рибас, мундир его в беспорядке.

Синьора: А вот и наш герой! Его сердце всегда горит, жизнь кипит, а страсти бурлят.

Синьор: Кажется, он снова кого-то прикончил. Кому-то праздник, кому-то упокой.

Синьора: Суeta сует, и все – суeta!

Быстро осмотревшись, Рибас направляется к столику Паусиелло и, отдав честь, обращается к Войновичу.

Рибас: Буонджиорно! Честь имею, синьор капитан! Вы русский?

Войнович: Так точно, я имею честь быть капитан-лейтенантом российского флота Ея Императорского величества Екатерины Алексеевны.

Рибас: Синьор капитан-лейтенант, я капитан Самнитского пехотного полка неаполитанской гвардии Хосе де Рибас, двадцати пяти лет от роду. Прошу покровительства и ходатайства для поступления на службу во флот Ее Императорского величества. Готов предложить свою шпагу, отвагу и честь немедленно. Здесь и сейчас!

Войнович: Если вас устроит поступление на службу Ея Императорскаго величества с понижением на два чина – лейтенантом, то извольте, дело сделано.

Рибас: Благодарю, синьор капитан-лейтенант. Прошу вас рассчитывать на меня в самых дерзких предприятиях. Два чина не беда, наверстаю беззаветной службой и отвагой.

Войнович: Вы не боитесь моря, лейтенант российского флота Рибас?

Рибас: Мой отец маршал Мигель де Рибас-и-Буйенс почил год назад, и я последний отпрыск славного и гордого каталонского рода конкистадоров, господин капитан-лейтенант. Я суть военная косточка и моей детской мечтой были рубка в абордажных боях и потопление непокорных эскадр в безбрежном океане...

За сценой снова оживление. Вбегают гвардейцы во главе с офицером. Офицер осматривается и указывает на Рибаса.

Офицер: О диаволо! Вот он, негодяй! Ну наконец-то, попался этот головорез. Немедленно взять его. И не церемоньтесь.

Гвардейцы подбегают к столику Паусиелло.

Войнович: Именем российского флага! Лейтенант Рибас находится на службе Ея Императорского величества Екатерины.

Офицер: Но, синьор капитан, я имею ордер на арест капитана неаполитанской гвардии Рибаса. По правде сказать, это отъявленный бандит. Этим утром он снова подло зарезал знатного синьора.

Рибас: Не зарезал, а убил на дуэли! На честной дуэли.

Офицер: На тайной дуэли!

Войнович указывает на корабельные мачты.

Войнович: Осмелитесь ли вы, синьор, нанести обиду российскому флагу? К вашему сведению, наша эскадра в составе пяти линейных кораблей и двух фрегатов, встав на рейде, сильно потеснила британцев.

Офицер: Кхм... Мда-с. С вашего позволения, синьор капитан, я испрошу дополнительных инструкций от своего начальства. *(К одному из гвардейцев.)* Мигом беги в суд и изложи неожиданные обстоятельства дела. Мигом! Одной ногой там, другой здесь.

Гвардеец сломя голову выбегает влево, а офицер присаживается на предложенный стул. По знаку Войновича всем приносят вино.

Войнович: Покорнейше прошу вас, дамы и синьоры, поднять бокал во славу российского флота! Мы имеем честь нанести визит в Неаполь, дабы насладиться его изысканными видами! И ведь такая красота природы! Везувий, корабли, замки, форты...

Он обводит жестом панораму.

Рибас: Красота? Вы не представляете, синьор капитан-лейтенант, какая здесь разруха и расхлябанность. Одним-единственным залпом наша эскадра сметет стены этих замков и фортов.

Синьора: К сожалению, это так, синьоры. Наше славное войско в столь запущенном состоянии, что на бедняг невозможно смотреть без содрогания.

Офицер вскакивает и бросается со шпагой на Рибаса.

Офицер: Ты, висельник, никогда этого не увидишь, ибо сегодня же будешь болтаться над воротами замка Святого Эльма!

Рибас гордо встает и обнажает шпагу.

Рибас: Вы получите меня только мертвым! Коль уцелеете...

Войнович: Синьоры, прошу вас вложить шпаги в ножны и успокоиться. Средиземноморская эскадра адмирала графа Орлова имеет приказ Ея Императорского величества всемерно поддерживать покой неаполитанского королевства. Сегодня же все вы станете свидетелями самых добрых намерений нашего адмирала. Прошу поднять бокалы за крепкую дружбу между нашими государствами.

Синьора: Дамы и господа, нас ждут великолепные празднества, балы и развлечения! Виват русским и адмиралу Орлову! Будем же веселиться!..

Синьор: Виват русской принципессе, ради которой к нам пожаловал русский флот!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Внезапно все встают и низко склоняются. Проносится восторженный гул «Белла принципесса!», «Русская наследница!», «О, mio dio, какая она красавица!», «Белла донна!» Не спеша входят Августа, в белом платье и широкополой шляпе, и Шувалов, в черном костюме с золотыми позументами, и садятся за столик на левой стороне.

Августа: Боже, какой прекрасный вид!.. Боже, какая ослепительная красота... Эта небесная лазурь вокруг. А этот величественный покой моря! Панорама Кратера и дымящегося Везувия... И эти божественные, нежные звуки канцонет. Ах, батюшка, я бы желала, чтобы вы почаще вывозили меня в Неаполь. Ведь у нас на Капри столь размеренно и скучно. Посмотрите, отец, на этих

счастливых, беззаботных неаполитанцев. До чего они милы и услужливы. Как они изящны и благородны. Вы слышите, ваша светлость, чарующую любовную арию?

Августа прислушивается и поет, вторя дальнему голосу.

Праведное небо! Ты знаешь,
 Чье сердце невинно:
 Ах! Даруй душе моей покой,
 Который она не имеет...

Шувалов: К большому огорчению, каждый шаг, каждое движение вашего царственного высочества вызывают ажиотаж окружающих. А ведь вы здесь инкогнито, и потому вам, ваше высочество, следует быть осторожной и внимательной в исправлении высокой миссии, возложенной на вас всевышним. Береженого Бог бережет...

Подбегают цветочницы и предлагают корзинки с цветами. Шувалов дает им серебряные монетки, те ставят корзинки к ногам Августы, целуют ей руку и выбегают.

Августа: Знаю я то хорошо. Берегись бед, пока их нет. Но мне уже двадцать один год, батюшка, и я вечно одинока, вечно взаперти. Ни одного знакомого, ни единой подруги или друга! Лишь вы, да духовник, да немая и слепая прислуга. Некому мне руку протянуть, ни в чьи глаза заглянуть... Неужто придется мне прожить так свой век?

Подбегают Фигаро в алом колпаке и с гитарой в руке и Розина в голубом платье с пышной юбкой. Шувалов дает им монетки, Фигаро играет на гитаре, а Розина танцует, своим танцем прославляя красоту русской принцессы. Станцевав, оба целуют руку Августы и выбегают.

Шувалов: Так сложились обстоятельства, ваше высочество, так было угодно Господу, чтобы жизнь ваша – честная, чистая, невинная, безгрешная и жертвенная – стала достойным свидетельством благородных и возвышенных чувств вашей царственной матери. Господь поможет вам, Августу, преодолеть мирские соблазны и возвыситься над обыденностью. Суетность жизни ничто в сравнении с предначертанной вам самими небесами славой непорочной девы. Ведь Господь любит праведников.

Августа склоняет голову и, мелко крестясь, молится.

Августа: Да хранят Господь и все святые память о моей матушке во веки веков. Аминь.

Шувалов: Аминь.

Августа: Я верна памяти моей дорогой родительницы, батюшка. Но, все же, прошу вас почаще вывозить меня в Неаполь, дабы хоть краешком глаза, хоть издали, хоть ненадолго, хоть чуть-чуть. Чтобы изредка видеть кипение этой грешной, но такой прекрасной жизни. Ведь говорят, что увидев Неаполь, можно умереть.

Снова подбегают цветочницы и оставляют корзинки с цветами.

Шувалов: Ваше высочество, дабы скрасить вашу жизнь, я распорядился нанять самого известного неаполитанского композитора маэстро Паисиелло. Осмелюсь представить его вам теперь же, ибо он сидит напротив нас и не сводит глаз с вашего высочества.

Шувалов распоряжается отослать Паисиелло бутылку вина, тот подходит к ним с наполненным бокалом и отвешивает церемонный поклон.

Паисиелло: Ваше высокопревосходительство! Вы почтили меня неслыханной честью! Благодарю вас от всего сердца. И коль вы милостиво позволите, то из чувства глубочайшей благодарности я осмелюсь сегодня же ночью написать музыкальную пиесу в честь благороднейшей из благороднейших принципессы Елисаветы, чья сияющая красота достойна сравнения с самыми изысканными образцами античного мрамора.

Шувалов: Благодарю вас, маэстро Паисиелло. В Неаполе говорят, что красота без доброты подобна дому без двери, кораблю без ветра, источнику без воды. Пожалуйста, присаживайтесь.

Шувалов указывает на услужливо поднесенный стул, но Паисиелло пятится.

Паисиелло: Что вы, ваше высокопревосходительство, как это можно? Я не осмелюсь сидеть в присутствии ее высочества, или меня разразит гром.

Шувалов: Что ж, маэстро Паисиелло, тогда и я встану, не обессудьте. Вы получили мое приглашение?

Паисиелло: Вы сделали меня совершенно счастливым, ваше высокопревосходительство, остановив свой выбор на мне, покорнейшем слуге вашей светлости и ее высочества. Но, к огромному сожалению, из-за внезапно открывшихся обстоятельств я с огромнейшими сожалениями вынужден отказаться от столь блестящего предложения. Я готов умереть от горя! Тысячи извинений, ваше высокопревосходительство.

Шувалов: Что же случилось, маэстро? Могу ли я предложить вам свою помощь, дабы благополучно разрешить ваши неожиданные обстоятельства?

Паисиелло протягивает письмо Екатерины.

Паисиелло: Я только что получил это письмо и никак не смею отказаться от царственного предложения.

Шувалов: Ого! Поздравляю вас, маэстро. Ведь теперь вы обеспечены на всю жизнь. Кто доставил вам это письмо?

Паисиелло: Вот этот милый благородный синьор русский офицер.

Войнович: Имею честь вам кланяться, ваше сиятельство. Капитан-лейтенант Войнович, командир фрегата «Слава». Я здесь по приказу Ея Императорского величества!

Шувалов: С прибытием, дражайший господин Войнович. Надеюсь, что вы не забудете навестить меня и снабдить самыми последними домашними новостями.

Паисиелло: Сей благородный офицер приносит только самые счастливые новости, ваше высокопревосходительство!

Шувалов: Это его долг, дорогой маэстро. Вы намерены отправиться в Петербург немедленно?

Паисиелло: Мне следует уведомить моего короля и испросить его дозволения, ваше высокопревосходительство. Его величество относится к моим талантам с огромным пристрастием и, боюсь, пожелает и далее видеть меня на неаполитанской сцене. О, если бы ваше высокопревосходительство изволили посодействовать мне в королевском разрешении принять столь выгодное, столь сказочное предложение вашей самодержицы...

Шувалов: Непременно, дорогой маэстро. Вы можете рассчитывать на меня. Доложите его величеству вашему королю, что получили приглашение из моих рук с настоятельными рекомендациями принять его. Думаю, этого будет достаточно, ибо его величество прислушивается к моим советам.

Снова подбегают цветочницы, получают монетки и оставляют корзинки.

Паисиелло: О, ваше высокопревосходительство, как вы благородны, как великодушны! Дозвольте подписать и преподнести вам в дар мою следующую оперу. А для преподавания музыки ее высочеству принчипессе я осмелюсь рекомендовать несомненный талант, молодого композитора музыки маэстро Чимарозо, урожденного неаполитанца и автора двух преизящных пустяковых опер.

Шувалов: Что ж, быть по сему, маэстро Паисиелло.

По знаку Паисиелло Чимарозо подходит и с почтительным поклоном подносит Августе корзинку цветов. Затем, взяв небольшую гитару, сладким голосом исполняет напoletану. Отдыхающие пары попарно танцуют.

Чимарозо: Когда в пленительном забвеньи,
В час неги пылкой и немой,
В минутном сердца упоеньи
Внезапно взор встречаю твой,
Когда на грудь мою склоняешь
Чело, цветущее красой,

Когда в восторге обнимаешь...
 Тогда язык немеет мой.
 Без чувств, без силы, без движенья,
 В восторге пылком наслажденья,
 Я забываю мир земной,
 Я нектар пью, срываю розы,
 И не страшат меня угрозы
 Судьбы и парки роковой...

Опустившись на одно колено, Чимарозо склоняет обнаженную голову перед Августой.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Раздается оглушительный пушечный залп, сцену заволакивает дымом. Все вздрагивают, с голов слетают шляпы. За первым залпом следуют другие, до тех пор, пока справа за балюстрадой не показывается шлюпка с Андреевским флагом на флагиштоке. Шлюпка причаливает, по команде «Суши весла!» весла поднимаются вертикально и замирают. На набережную выходит Орлов в ослепительно белом с золотом мундире. Его сопровождает свита. Августа скрывает лицо под вуалью. Орлов подходит к столику Шувалова, залпы обрываются.

Орлов: Добрый день, дражайший отец мой Иван Иванович. Неплохо вы здесь устроились. Звонкая гитара, юные девицы, сладкое вино и целые клумбы цветов. Шел я в церковь, да попал на свадьбу.

Шувалов: С прибытием, мой дорогой граф. На какую свадьбу? Это очень неудачная шутка, чур вас за такие слова, Алексей Григорьевич. Живу я тихо и скромно, словно монах-пустынный, и цел лишь вашими слезными молитвами. Службу царскую исполняю я честно и исправно.

Орлов: Дай Бог вам усердия, господин обер-камергер. Я доставил вам письмо из Петербурга и высочайшее повеление. Содержание письма есть государственная тайна, а исполнение его должно быть беспрекословным. Под страхом смертной казни.

Шувалов: То-то я смотрю, с какой помпой, с дымом, грохотом и адской пальбой вы изволили доставить мне тайное письмо.

Орлов пристально смотрит на Паисиелло и Чимарозо, те, почтительно кланяясь, пятятся назад. Орлов выжидающе смотрит на Августа, но Шувалов машет ему рукой. Орлов подает письмо, перевязанное шелковой голубой лентой, которое Шувалов принимает с поклоном и прячет во внутренний карман.

Орлов: Говорят с уха на ухо, а слышно из угла в угол. Пальба сия, любезный Иван Иванович, предназначена для устрашения врагов и к радости друзей нашего государства. Маркиз Пугачев захвачен и отдан в тайную для дознания. Бунт внутри государства задушен. Осталась самая малость – захватить внешних друзей маркиза, и для их-то устрашения и произведен сей малиновый звон.

Шувалов: Внешних врагов? Друзей маркиза Пугачева? Захватить в Неаполе? Боже мой, какие нешуточные страсти, Алексей Григорьевич. Вы словно с луны свалились.

Орлов: Вор у вора дубину украл, да за море сбежал. Господин обер-камергер, немедленно прочтите письмо государыни.

Шувалов достает письмо, внимательно читает, затем снова прячет его.

Шувалов: Алексей Григорьевич, здесь эта авантюрьера. Я не придавал ей такого значения. Думал, что она всего лишь очередная безродная пустобрешка. Мда... Много она на себя всклепала. Ее следует немедленно изничтожить, дабы впредь другим неповадно было.

Августа: Какая авантюрьера?

Орлов: Милая синьорина, не встревайте в чужие государственные дела, коль не желаете закончить свою юную жизнь в мрачной монастырской келье. Мы, русские, говорим: «Не точи нож супротив себя, не вей веревки для своей выи».

Августа: Мне это известно, граф Орлов!

Она приоткрывает вуаль и смотрит прямо в глаза Орлову. Тот падает на колени и почтительно целует край ее платья.

Русские офицеры: Всевышний Боже! Цесаревна!.. Храни господь Ее Императорское высочество! Дай нам счастье и честь послужить ей не на жизнь, а на смерть!..

Августа: Господин обер-камергер, я изволила задать вам вопрос.

Шувалов: Высочайшим повелением мне предписано оказать всемерное содействие в наискорейшем розыске, изобличении, захвате и доставлении в Петербург некоей самозванки, дерзнувшей во всеуслышание объявить себя незаконнорожденной дочерью усопшей императрицы Елисаветы Петровны, царство ей небесное, и находящейся в пределах неаполитанского королевства.

Августа: Боже, какая низость.

Шувалов: Увы, ваше высочество. Вот письмо.

«Друг мой Иван Иванович! Письмо ваше от 27 сентября со всеми приложениями исправно доставлено в мои руки. На ваше собственное письмо отвечаю следующее. Во-первых, ваше желание относительно поимки злодея Пугачева исполнилось: он жив и привезен в Москву, под добрую и крепкую стражу 4 числа сего месяца. Досель еще не видно, чтобы иностранные державы или иноземцы были замешаны в этом гнусном деле, но раскольники в нем участвовали, что ныне со всем прилежанием дознается. Равным образом, более пятидесяти главных коноводов шайки привезены в Москву. Во-вторых, нами получено тайное письмо, обращенное к канцлеру графу Панину от некоей обманщицы, именующей себя дочерью покойной Елисавет Петровны. Здесь известно, что в июле она находилась с князем Радзивиллом в Неаполе, и я советую вам расследовать о ее местопребывании и где она находится, и если возможно, заманите ее в такое место, где вам было бы легко посадить ее на один из наших кораблей и прислать сюда под крепким надзором. Я уполномочиваю вас сим потребовать выдать эту тварь, которая так нагло всклепала на себя невозможное имя и звание, а на случай непослушания, позволяю вам употребить угрозы, если же потребует наказания, то бросить несколько бомб в город; буде же возможно достичь цели без шума, то соизволяю и на это. Велю действовать по обстоятельствам. В-третьих, графу Орлову мною поручено строго проследить, чтобы ваша воспитанница была надежно и крепко охраняема, дабы не имела контактов с злодеями. Будьте благополучны, будьте здоровы; я же вам благосклонная – Екатерина».

Августа: Значит, она изволит быть здесь?

Шувалов: Так точно, ваше высочество, здесь она. Эта вавилонская блудница не стесняясь вслух мутит воду. Столь дерзкое, неслыханное преступление должно быть незамедлительно пресечено. Коль сия непотребная девка испекла пирожок, пусть сама и съест. А графу Орлову ея императорским величеством особо поручено в целости и безопасности, под прикрытием пушек флота доставить вас в резиденцию на Капри, где бдительно и надежно охранять ваш покой от любых преступных посягательств.

Августа скрывает лицо под вуалью, встает и следует к ожидающей шлюпке. Шувалов, Орлов и русские офицеры почтительно сопровождают ее. Неаполитанцы расступаются, низко склонившись. Войнович и Рибас встают и вежливо откланиваются гвардейскому офицеру.

Офицер: Вы есть истинный дьявол с вашим везением, синьор висельник.

Рибас: И дьявол был когда-то ангелом. Даже в этом разбойничьем вертепе. Честь имею!

Войнович: Удача любит храбрых, лейтенант Рибас. Вперед к славе!

Паисиелло: Блажен тот, кто видел ад...

Чимароза: Блажен, кто видел рай...

Паисиелло: Вы о принчипессе, юноша? Любовь начинается с вздохов, мечтаний и скрипок, а заканчивается фантомами. Помните мои слова! Пишите музыку, не участвуя, а лишь наблюдая жизнь со стороны!

Чимарозо: Музыка это жизнь, а жизнь — красота и чувства...

Они присоединяются к русским. Раздается команда «Весла на воду! Табань!», гремят пушечные залпы. Неаполитанцы подбегают к балюстраде и забрасывают отплывающих цветами.

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

«Капри»

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Перед опущенным занавесом взад и вперед ходит Орлов. Голова его опущена, вид и шаги неуверенные. В задумчивости поет.

Орлов: Пчелка золотая!
 Что ты жужжишь?
 Все в круг летая,
 Прочь не летишь?..
 Соты ль душисты
 В русых власах,
 Розы ль огнисты
 В алых устах?..

Орлов: Нет, я не осмелюсь. Она может воспринять это попыткой захватить престол. И станет презирать меня. Невозможно решиться на такое!..

Входят Войнович и Рибас. Орлов вздрагивает, затем принимает уверенный вид.

Орлов: Господа офицеры, вам поручается строго конфиденциальное и опасное задание. Извольте немедленно присягнуть в вечном и нерушимом молчании. Малейшее разглашение вверенной вам государственной тайны будет наказано пожизненным одиночным заключением в подземном каземате Петропавловской крепости.

Войнович и Рибас встают на одно колено, достают кортики, в голос произносят «Клянусь!», затем целуют клинки, после чего поднимаются и внимательно слушают.

Орлов: Вам, капитан-лейтенант Войнович, надлежит немедленно отбыть на фрегате «Слава» на остров Корфу и разыскать там особу, посмевшую прилюдно назвать себя дочерью покойной императрицы Елисавет Петровны. Действовать по обстоятельствам. На подкуп ее окружения можете использовать любые средства, каковые получите под расписку здесь, а при их нехватке вы можете делать любые займы от имени Ея Императорского величества. Сия особа должна быть захвачена и доставлена на борт флагманского корабля «Три иерарха», либо, в случае невозможности сего, навечно сомкнуть свои преступные уста. Приказываю исполнить все быстро и тайно.

Войнович: Слушаюсь, господин адмирал!

Орлов: Вам, лейтенант Рибас, надлежит немедленно разыскать в Неаполе особу, посмевшую прилюдно именовать себя дочерью покойной императрицы Елисавет Петровны и нагло предъявить права на российский престол, якобы незаконно узурпированный здравствующей императрицей. Именоваться она может девицею Франк, как и девицею же Шель, госпожой Тремуиль, баронессой Шенк, шахиней Али-Эмете, султаншей Селиной и принцессой Волдомирской. Уверяет, что при себе имеет подлинные завещания императора Петра Великого, императрицы Екатерины Первой и императрицы Елисаветы. Сия особа умна и дерзка, а ее окружение есть гнездо злейших и гнуснейших врагов российской империи, в связи с чем вам следует соблюдать особые меры предосторожности. Вам следует войти в доверие преступницы и убедить ее в том, что я, движимый чувствами к ее особе и в жажде взойти с нею на российский престол, готов нарушить клятву и привести под ее руку средиземноморскую эскадру. Я сам займусь ею.

Рибас: Будет исполнено, господин адмирал. Удача любит храбрых.

Орлов: Рибас, вам доверено совершенно трудное и тайное дело. Посему ваш девиз иной: «Удача нахрап любит». Исполнить быстро, точно, аккуратно. И помните: вы иль в полковники, иль в покойники.

Офицеры отдают честь и удаляются.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Орлов снова один. Он ходит взад и вперед, сложив руки на груди.

Орлов: Куда ни кинь взгляд, везде самозванцы и самозванки лелеют свои преступные замыслы. Российский престол столь притягателен для авантюристов всех мастей. Сияние царской короны, ослепительное великолепие шапки мономаховой. Раблепная покорность миллионов преданных слуг государевых. И мне в един раз повеление государыни достать из-под земли целых двух самозванок. И обе они выбрали имя той, той одной, кто дороже, драгоценней мне, чем моя ничемная жизнь... О, моя царевна! Ты невинная жертва престолонаследования, приговоренная всю жизнь провести в одиночестве, вдали от мирской суеты, вдали от блеска жизни, достойного тебе по высокому рождению. Царская кровь! Царский трон... Близость к небу, к Богу, к самым истокам государства российского...

А что есть я, лихой разбойник?.. Брат мой, братец Гришка, пробрался в постель императрицы. По любви, по великой любви, по безумной храбрости, по отчаянной бесшабашности! И как он бахвалился... «Вот сделаю мамке цесаревича, престолонаследника, и взлетят однажды Орловы выше адмиралтейского шпиля, выше золотых кремлевских орлов!» И что же сейчас? Ныне он, оттеснен новым фаворитом безродным пьянчужкой Потемкиным и плачется мне в своих слезных цидульках. Оттеснили... Оттерли... Кураж братца выветрился, и нонче все мы, Орловы, в немилости. И даже я, принесший славную, небывалую Чесменскую викторию, чувствую опасный край, дальше которого не смею заглянуть...

Ведь эта царевна, цесаревна Елисавет Иоанновна, именовать которую всем настрого велено немецкой девицей Августой... Ах, сколько женщин вешалось мне на шею, падало мне в ноги. Но лишь одна-единственная, единственная желанная недоступна. Этот непорочный ангел чистой, ясной, нетронутой красоты и несказанного душевного благородства.

Орлов поет мечтательно и грустно.

Пчелка золотая!
 Что ты жужжишь?
 Все в круг летая,
 Прочь не летишь?
 Или ты любишь
 Лизу мою?..
 Соты ль душисты
 В русых власах,
 Розы ль огнисты
 В алых устах,
 Сахар ли белый
 Грудь у нее?..
 Пчелка золотая!
 Что ты жужжишь?
 Слышу – вздыхая,
 Мне говоришь:
 К меду прилипнув,
 С ним и умру...

Вздыхнув, продолжает.

Страшно подумать о ней, и страшно заглянуть себе в душу. Ибо кара государыни будет ужасна.

Могу ли я восстать? Против государыни? Да! Но не против воли и желания самой царевны. Двенадцать лет назад, когда было ей лишь девять, провожал я ее возок, тайно уносящий нежеланную престолонаследницу на чужбину, навсегда от родимого дома. Без какой-либо мысли обидеть ее, приоткрыл я занавеску окошка возка, и... «Клятвopеступник и царевубийца!» Вот что бросила мне в лицо моя маленькая пленница... И сейчас роковая встреча, страшная и ожидаемая всю жизнь... Кто она для меня, слепого орудия исполнения воли государевой? До вчерашнего дня она была никем. А сейчас, о Боже... Я готов все отдать, я готов нарушить любые узы и любые клятвы. Но в силах ли я сделать ее счастливою? Не кого-то, а ее – цесаревну!..

Любой шаг, любая попытка сблизиться с нею будет воспринята как покушение на устои российского государства. Даже неосторожный взгляд способен принести неисчислимые несчастья и

мне, и ей. Власть и ее законы неумолимы и действуют по установленным божественным провидением правилам.

Отец цесаревны, обер-камергер генерал-адъютант Шувалов, преданный слуга престола. Воссоединившись с покойной императрицей, он не имел дурных, преступных замыслов, а лишь исполнял священную волю государыни. Теперь же вот уж двенадцать лет он слепо и преданно исполняет волю Екатерины Алексеевны, по ее высочайшему повелению держа свою дочь вдали от родины. Ибо она одна-единственная по крови законная наследница российского престола, и лишь полное ее забвение, совершенное небытие может сохранить покой государства. Сотни тысяч мужиков пошли за воров Пугачевым, а уж за ради настоящей и законной наследницы прольется немереное море кровушки людской, православной...

Боже, и эти самозванки. Явились тут же неожиданными, негаданными. Хотя... Ведь коли бы не эти безродные самозванки, я так и не встретил бы никогда своей царевны. Боже всевышний, храни в покое и в благополучии и в добром здравии преданную рабу твою русскую царевну Елисавет Иоанновну, в неметчине именуемую девицей Августой Драгановой, и да не останавливай потоки света над ее светлым и чистым ликом. А я, всевышний Господи, готов дать самый страшный обет ради ее, царевны Елисаветы, благополучия.

Орлов падает на колени и бьет лбом поклоны.

О, всесвятый Николае, угодниче преизрядный Господень! При жизни ты никогда никому не отказывал в просьбах, да не откажи рабе Божьей Елисавет Иоанновне, царской дщери... Тьфу ты, дьявол, ведь цесаревна же не моряк, а ходила молиться в московский Иоанновский монастырь в Самесадах, возведенный в честь усекновения главы Иоанна Крестителя...

Крестителю Христов, честный Предтече, крайний пророче, первый мучениче, постников и пустынников наставниче, чистоты учителю и ближний друже Христов! Тя молю, и тебе прибегая не отрини ея от твоего заступления, не остави и мя падшего многими грехи; obnovи душу мою покаянием, яко вторым крещением; очисти ея и мя, грехи оскверненного, и понуди внити, иможе ничтоже скверно входит, в Царствие Небесное. Аминь.

Медленно и торжественно перекрестившись, Орлов выходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Занавес поднимается, открывая большую просторную залу с огромными ажурными окнами и утопающую в цветах. В углу висит образ Иоанна Предтечи в богатом золотом с камнями окладе, ниже него искусный акварельный портрет Елисаветы Петровны. За клавесином сидят Августа и Чимарозо.

Августа: Маэстро, какие божественные звуки! Признаюсь в том, что наполняют они мое сердце сладкой истомой, которой трудно противиться...

Чимарозо: Признаться, ваше высочество, кабы вы играли не поученически старательно, а естественно и свободно, то и мои чувства не сдержались бы.

Августа: Вот как? В чем же моя ошибка, маэстро?

Чимарозо: Искусство исполнения музыки заключается в образности, в смысле, придаваемом музыкантом читаемому им тексту. Когда-то, когда я начинал обучение музыке в монастыре, мой учитель композиции падре Фенароли объяснял аморозо по-своему. «Загляни в свое сердце, в затаенную глубину его, и найди в нем самые восторженные, самые возвышенные чувства к сыну Божьему, пострадавшему за нас и искупившему грехи наши, и излей свои любовь и благодарность к нему – и не скупись на выражение чувства, ибо твои радость и восторг, упоение прославляют Спасителя и раскрывают миру красоту его подвига.»

Августа: Вы обучались в монастыре?

Чимарозо: Я родился в бедной неаполитанской семье, и родители мои были самого бедного положения: отец Дженнаро был каменщиком, а мать Анна – лавандьерой, прачкой. Отец погиб на стройке королевского дворца Каподимонте, а мать умерла во время эпидемии холеры. Я нищенствовал в пятилетнем возрасте, выпрашивая хлеб, и однажды меня отдали в монастырь, где я пел в хоре и проникнулся к божественной красоте музыки. Когда отцы распознали во мне дар к музыке, то отдали в консерваторию Святой Марии из Лорето где, к своему ужасу, я открыл пропасть между светлой радостью религиозной музыки и пагубной страстью мирских стремлений.

Августа: Значит вы, маэстро, можете понять меня.

Чимарозо: Возможно, да, ваше высочество. Но не могу понять другого – почему вы не можете дать волю своим чувствам.

Августа: Ах, маэстро! Такова моя участь. Моя жизнь закрыта и полна ограничений. Во мне течет столь высокая кровь, что бурление ее может принести неисчислимые бедствия российскому государству. Потому я отделена от мира и его радостей глухой стеной, через которую не проникают настоящие жизненные чувства. Мне доступны лишь любовь к Господу и верность памяти моей любимой матушки. Любовь для меня значит только высшие, безгрешные чувства и возвышенные устремления. В любви я вижу и желаю лишь жертвенность и смиренное восхищение красотой небесной. Но аморозо в вашем манускрипте волнует меня по-иному. Не могу объяснить вам, как...

Чимарозо: Ваше высочество, прошу прощения за дерзость, за то, что сочиняя эту сонату в дар вам, мое сердце и моя душа были всецело охвачены восторженным трепетом восхищения вашей милосердной красотой, ибо я не знал о... Позвольте, ваше высочество, забрать назад и уничтожить сию безнравственную пьесу, а завтра же поднести вам новый дар, чистый и безгрешный.

Августа: Маэстро, соната прекрасна, и грехом было бы сжечь ее. Я ее оставляю, и прошу вас сочинить еще, и не обязательно безгрешную. Все же, ваши сочинения скрасят мое одиночество.

Чимарозо: О, ваше высочество, я с радостью напишу цикл сонат.

Августа: Прекрасная мысль, маэстро. Все, полученное мною в дар, попадает в руки ея величества императрицы Екатерины Алексеевны, и, может быть однажды, очарованная вашей музыкой, она пригласит вас в Петербург, чтобы заменить маэстро Паисиелло, чье назначение на место придворного композитора дело решенное.

Чимарозо: Ваше высочество, это будут четыре времени года, или четыре времени дня. Либо, лучше, страстная неделя...

Августа: Нет-нет!.. Мне больше понравится дневной цикл: восходящая заря, знойный полдень, веселый вечер и благоухающая ночь. Пожалуйста, опишите летний неаполитанский день под сенью курящегося Везувия.

Чимарозо: Грациозо, каприччиозо, джокозо, аморозо... Гм... Снова, ваше высочество, проклятое аморозо.

Августа: Маэстро, аморозо не проклятье. Любовь это отрада человечества, любовь побеждает все. Хотя мне запретно это чувство, но читать и мечтать дозволено. Вы читали сказку «Королева голкондская» кавалера де Буффлера?

Чимарозо: О нет, я не имел такого удовольствия, ваше высочество. Но зато я читал партитуру оперы по этой легенде на музыку парижского маэстро Монсиньи.

Августа: Неужели оперы «Алина»? О, как я хотела бы услышать ее! Ведь сказка мне так сильно понравилась, что читаю ей вновь и вновь, находя в этом много утешения. Бедная героиня! Лишь благородный характер и глубокое благочестие помогли ей возвыситься. Став королевой, она упразднила серали, повелев подданным жениться только по любви и жить парами, как то устроил наш господь.

Чимарозо: И опера маэстро Монсиньи также прекрасна, ваше высочество. Вы хотите, чтобы я исполнил арии из нее?

Августа: Сделайте одолжение, маэстро, если то возможно. Но мне также хотелось бы, чтобы в вашей новой сонате была зримой тяжелая и счастливая судьба Алины, королевы голкондской.

Чимарозо: Извольте, ваше высочество. Только извините меня, я могу повторить лишь ноты, но никак не текст арии.

Чимарозо играет, бубня текст под нос. Августа, затаив дыхание, слушает.

Чимарозо: Это ария королевы первого акта, романс, из сцены, в которой она вспоминает свою далекую любовь. Еще раз нижайше прошу вас простить меня за то, что не способен был запомнить текст арии.

Августа: Маэстро, огромное спасибо и, пожалуйста, перестаньте называть меня высочеством. Зовите меня Елисаветой, ибо мы с вами равны в понимании божественной красоты. Как ваше имя?

Чимарозо: Доменико.

Августа: По-русски Дементий, посвященный Господу.

Чимарозо: Почему же, ваше сия... Почему же, благородная Елисавета, русские господа вас именуют Августой, сиречь царственной?

Августа: Потому что я дочь императрицы Елисаветы. Но объявление вслух этого имени может повлечь страшную кару дерзнувшему услышать это. Для всех я Августа, немка, воспитанница российского посланника в Неаполе. И лучше держите при себе свое знакомство со мною.

Чимарозо: Пусть отсохнет мой язык, благороднейшая Елисавета, но не далее, как вчера вечером я был представлен другой принципессе Елисавете, в открытую объявляющей себя дочерью покойной императрицы и единственной законной наследницей русского престола.

Августа: Вот как, Дементий? Второй раз я слышу о ней. Расскажите же мне об этой наследнице.

Чимарозо: Стоит ли занимать ваше внимание, благороднейшая Елисавета, описанием безнравственных излишеств, свидетелем которых я стал в ее салоне? Я чувствую себя неловко, упомянув ее недостойное имя рядом с вашим. Уж лучше пусть господь отрежет мне язык.

Августа: Вы считаете ее недостойной? Почему же, Дементий? Расскажите мне о той, что осмелилась присвоить мое имя. Красива ли она? Умна ли?

Чимарозо: Если вспомнить рафаэлевых мадонн, благородная Елисавета, то ваши черты я нахожу в чистом, ясном и спокойном образе мадонны Литты, а изображение интересующей вас особы можно найти в портрете донны Велаты.

Августа: Ах, Дементий, портрет донны Велаты является образцом истинной, незамутненной красоты!

Чимарозо: Форнарина, с которой Рафаэль списал Велату, была дочерью римского пекаря и, согласно легенде, девицей весьма благочестивой и всецело преданной своему хозяину. Самоявленная Елисавета тоже, по некоторым слухам, является дочерью немецкого булочника, но благочестие ее далеко от рафаэлевского образца. В чертах ее, по-восточному выразительных, скрываются некие излишество и пресыщенность. Я переступил порог ее салона по рекомендации маэстро Паисиелло, желающего найти для меня источник надежного дохода, чтобы мои труды по написанию музыки не испытывали материальных забот, обычных в жизни начинающего композитора.

Августа: Дементий, пожалуйста, не извиняйтесь, а изложите свой визит.

Чимарозо: Приглашение, по которому мы явились к донне Велате, было на гербовой бумаге с двуглавым орлом и подписано Елисаветой Второй, русской принципессой и наследницей престола.

Августа: Ах, какая низость. Продолжайте, прошу вас.

Чимарозо: Мы явились в назначенное время в гостиницу «Ривьера»...

Августа: В «Ривьеру»? На набережной? Неужели она остановилась там? Значит, донна Велата видела вчерашний утренний спектакль, устроенный графом Орловым?

Чимарозо: Конечно, милостивая Елисавета. Ведь даже мертвец вскочил бы из гроба от пушечного грохота русской эскадры. А уж в ее покоях, выходящих окнами на Кратер, все было затянуто пороховым дымом, и разбилась половина хрустального сервиза.

Августа: Это значит, что она была свидетельницей того, как граф Орлов сопровождал меня, и знает о том, что его оглушительное появление было демонстрацией того, что я, настоящая дочь покойной императрицы, нахожусь под защитой российского флота?

Чимарозо: Да, сиятельная Елисавета, она видела все это.

Августа: Хорошо, Дементий, пожалуйста, продолжайте дальше.

Чимарозо: Ее салон полон разношерстной толпы, привлеченной дикой красотой донны Велаты и расчетами на дармовую наживу. Все разговоры, услышанные мною, касались только двух тем: слепого обожания хозяйки и мстительной ненависти к России.

Августа: Дементий, пожалуйста, поведайте только о ней, а не о ненависти к человечеству.

Чимарозо: Маэстро Паисиелло представил меня донне Велате, она взяла меня за руку и, со словами: «Маэстро, я рада видеть вас своим наставником», взглянула мне в глаза... Глаза ее, ярко-зеленые, большие, миндалевидного разреза, производят ошеломляющее впечатление соприкосновения с неким невиданным сказочным существом, а небольшая неправильность, или, вернее сказать, чуть заметное косоглазие, делают ее взгляд трогательным, захватывающим чувства. Признаться, меня, человека богобоязненного и глубоко верующего, взгляд ее не столько поразил, сколько напугал и отвратил от нее. Мне кажется, люди порочные и несправедные должны намертво, навсегда подпасть под ее дьявольские чары. Она несет в себе нечто фатальное, порочное, нечистое.

Августа: Но как же ей верят все, встреченные ею? Ведь не все люди порочны.

Чимарозо: Честных праведных и богобоязненных людей много, но они не попадают в ее круг, ибо Господь во имя спасения невинных душ бдительно следит, чтобы их пути не пересекались.

Августа: Вы сейчас так решили, Дементий?

Чимарозо: Нет! Я сразу же решил про себя, что больше не появлюсь на ее пороге, и, как бы почувствовав это, донна Велата попросила меня написать для нее сонату. Я пообещал и вскоре откланялся, кляня себя в душе за то, что побывал у нее.

Августа: Значит, вы больше не появитесь у своей новой ученицы?

Чимарозо: Боже упаси меня от такого неблагочестивого поступка.

Августа: Дементий, мне хотелось бы, чтобы вы продолжили посещать ее и затем сообщали о том, что происходит в ее салоне.

Чимарозо: Мой жребий брошен... Скрепя сердце, я не могу отказать вам в этой просьбе, но... Мне придется написать в честь нее сонату, а я ни за что не смогу этого сделать. Или же выйдет из-под моей руки апокалипсическая пьеса, за которую святые отцы предадут меня анафеме, а честные люди отвернутся и никогда не подадут руку.

Августа: Тогда возьмите эту сонату и отнесите ей.

Она берет с клавирина манускрипт и протягивает Чимарозе, но тот отшатывается.

Чимарозо: Как так? Это совершенно невозможно!

Августа: Возьмите эту сонату и преподнесите ей, коль вы хотите сделать мне приятное, Дементий.

Чимарозо: Но ведь она подписана вам, сиятельная Елисавета. От всего сердца!

Августа читает обложку манускрипта.

Августа: «Соната ля минор. Прекраснейшей из прекраснейших, сверкающей Полярной звезде, юной русской принцессе Елисавете»... Все правильно. Это написано о ней. Дементий, ваша ученица будет польщена такой изящной дарственной надписью.

Чимарозо: Святой Отец! Отпусти мне грех, на который иду с чистыми помыслами. Я преподнесу ей сонату, но не этот манускрипт, а его копию.

Августа: Тогда, Дементий, садитесь и сейчас же перепишите ее. А затем, с Богом, отправляйтесь.

Чимарозо, беспрестанно крестясь, кое-как усаживается за столик и пишет. Августа садится за клавирина и играет.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Входит Шувалов со свежесрезанными розами в руках. Чимарозо встает, почтительно кланяется и снова садится переписывать.

Шувалов: Добрый день, ваше императорское высочество. Могу ли я осведомиться о том, как идут ваши занятия, и не изволите ли вы чего-либо пожелать?

Он вручает цветы и целует руку Августы.

Августа: Отец! Батюшка! Вы нашли самого лучшего, самого талантливого, самого услужливого и самого милого педагога из всех, кого я желала бы. Представляете, его зовут Дементий.

Шувалов: Гм... Гм-гм-гм... Очень этому рад, ваше высочество! Меня, однако, зовут Иоанном... Иоанном, сыном Иоанна. А моего батюшку звали Иоанном Максимовичем. Упокой, Господи, безгрешную душу этого очаковского ветерана, не дождался он моего совершеннолетия...

Августа: Аминь. Отец, занятые государственными делами, вы совсем не понимаете моих простых, девичьих радостей. Я очень довольна уроком и желаю, чтобы каждое утро маэстро Чимарозо мог беспрепятственно добираться до Капри и возвращаться назад в Неаполь.

Шувалов: Отлично, ваше высочество. Я безмерно счастлив видеть вас в столь прекрасном расположении духа. За маэстро будет ежедневно высылаться посыльный люгер.

Августа: И, оказывается, в Париже исполняют оперу «Королева голкондская». Как мне хочется услышать и увидеть ее. Не могли бы мы заказать моему учителю Дементию, любезному маэстро Чимарозо написать для нас, для нашего домашнего театра, сию оперу? Я была бы совершенно счастлива.

Шувалов: О, непременно, ваше высочество, ведь это милый пустячок. Маэстро может немедленно приступить к сочинительству. Я же pošлю заказы лучшим неаполитанским мастерам изготовить декорации и костюмы. Наш заказ, без сомнения, поддержит художников, ведь мы не мелочимся, как король. А сейчас, если вам будет угодно, я распоряжусь о полднике.

Августа: Маэстро занят срочным переписыванием музыки по моему заказу. Пусть принесут угощение сюда, чтобы он мог подкрепить свои силы.

Шувалов кланяется и выходит отдать распоряжения. Через мгновение он возвращается, следом за ним матросы-стюарды в белом на серебряных подносах вносят угощения, ставят их перед Чимарозой и выходят.

Шувалов: Не угодно ли вам милостиво изволить прогуляться по берегу или в саду?

Августа: Я посижу в саду вечером, а сейчас, батюшка, если у вас есть время, хотела бы побеседовать с вами.

Шувалов: Я в вашем полном распоряжении, ваше высочество.

Августа: Отец, помните ли вы, как маленькой девочкой я бегала по Покровке и в Зарядье, в царских садах, по златоглавым церквям и божиим монастырям?

Шувалов: Да, Августа! Носились вы, словно козочка, босоногою на Кулишках, как когда-то и матушка ваша. И московский люд искренне любил вас и боготворил, и молились о вашем здравии старушки и калеки, и били в ваши именины все колокола, хоть и не приветствовалось это. Было времечко золотое, дни вашего малого детства, радостного и безмятежного.

Августа: Когда вы, батюшка, прибывали в Москву навестить меня, сироту при живых родителях, мы сразу же вместе отправлялись в Иоанновский девичий монастырь, помните ли то, батюшка? Помните, как он был в обутленных развалинах, а затем по повелению матушки он восстал из пепла?

Шувалов: Да, помню, Августа, как не помнить давние грехи. Старая игуменья мать Елена, строгая и суровая, но любящая вас, обходила с вами за руку все келии монастырских насельниц, которые благословляли вас и вручали вам свои нехитрые дары, которые вы затем раздавали бедному московскому люду.

Августа: Батюшка! Отец! Я желаю быть похороненной в том Иоанновском монастыре. На родной стороне. Обещайте мне это.

Шувалов: Господь с вами, ваше императорское высочество, что это вы изволили вздумать? Не богохульствуйте. Как же это можно так говорить? Ведь вы на целый век переживете меня, грешного. Что это вы такое изволили нафантазировать, Августа? Иль больны вы, сердешная? Господи святы, ведь ея императорское величество повелит отдать меня в пытошный приказ да на дыбу, коль что случится с вашим высочеством. Упаси нас Господи.

Августа: Не больна я, батюшка. Мы не знаем, где, как и когда завершится наш путь, но пожелать место упокоения мы можем.

Шувалов: Что с вами, Августа? Что вас тревожит? Не вчерашнее ли известие о самозванке? Сия дерзкая дурная особа в самом скором будущем будет предана в руки правосудия, и люди позабудут о ней, а тень ее больше не будет беспокоить памяти вашей царственной матушки.

Августа: Простите меня, отец. Внезапно и необъяснимо нахлынули на меня воспоминания о детстве, о старой Москве, о добрых людях, о птицах родимой стороны.

Шувалов: Нет вам пути назад на родину, по крайней мере, в близком будущем. Ведь только-только замирили турок и поляков, бунт мужицкой черни еще не до конца потушен, шведы снова волком смотрят и что-то замышляют. Следует нам с вами терпеть. Или разве что случится что-то непредвиденное. Но страшно даже думать о таком.

Августа: Отец, простите меня. И, пожалуйста, проследите, чтобы маэстро Чимарозо не терпел нужды, а имел всего в достатке для своего творчества и приятного времяпрепровождения.

Шувалов: Будьте спокойны о столь дорогом вам маэстро, ваше высочество. Две оперы его, «Экстравагантный граф» и «Мнимая парижанка», были признаны достаточно забавными, но не столь выдающимися, чтобы наполнять кассы театров, и потому были сняты с афиши. Но, коль будет вам угодно, мы можем и их сыграть здесь, на Капри, в своем имении, дабы вы изволили быть довольными и не рвались столь сильно на большую землю.

Августа бросается на шею Шувалову.

Августа: Отец, спасибо вам! Пожалуйста, позабудьте весь тот вздор, что я наплела вам. Позабудьте, пожалуйста, девичьи фантазии. И последнее, батюшка...

Шувалов: Да-с, милая Августа, повелевайте.

Августа: Батюшка, при императорских театрах есть тенор Иван Шувалов. Какое он имеет отношение к нам?

Шувалов: Гм... Никогда я не осмеливался упоминать при вас о нем. Господь знает, откуда вы прознали. Он ваш брат, Августа. Но не по царственной матушке вашей, а за десять лет до вашего появления на свет, когда я был еще совсем молодым, очаровала меня прелестная и бойкая танцовка. Кхм... Ваш брат был определен в театральную школу, ибо у него обнаружился голос необыкновенной красоты, то, что называется большим голосом. Кхм... Я так боялся, что сия новость принесет вам расстройство.

Августа: Но ведь он мне брат, батюшка. Как можно быть расстроенной столь радостной вестью? Ах, как я люблю его и мечтаю увидеть, дабы выразить ему свои преданные чувства. А можно ли его, отец, выписать сюда, на Капри?

Шувалов: Нет, ваше высочество, это никак невозможно. Императрица ни за что не отпустит его, тем более, сюда. Ибо не в ее характере держать семьи в одном месте. Я даже не буду просить об этом, дабы не вызвать ее высочайшего гнева.

Августа: Спасибо, батюшка. Люблю я вас нежно и желаю вам спокойствия и заслуженного вознаграждения за ваши непрестанные труды.

Шувалов: Прошу вас, ваше высочество всегда помнить, что вы есть внучка Петра Великого, императора и самодержца всероссийского, чья слава достигла небес и останется во веки веков в памяти благодарных потомков.

Чимарозо встает с поклоном.

Чимарозо: Ваше высочество, ваша высочайшая просьба исполнена...

Августа: Отлично, мой учитель. Сейчас вас ждет быстрокрылый люгер, который вмиг донесет вас до Неаполя. Возвращайтесь завтра пораньше с новостями!

Августа срывает несколько цветков и вручает Чимарозе. Шувалов и Чимарозо кланяются и выходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Входит Иоанна.

Иоанна: Матушка, поди, устали вы, отдохните, прилягте на кушеточку. А я расчесу ваши прекрасные волосы, полные золотого солнечного света, и почитаю святцы.

Августа: Отчего же мне устать, милая Иоанна? Чай, не пашу я землю, не сею хлеб, не тащу полный невод, а словно птичка небесная сыта и пою с утра до ночи! Жизнь моя праздная. Грех это, Иоанна.

Иоанна: Не то для вас правда, царевна. Грех в другом, когда сладко, а человеку падко. Я об этом молодом италианце. Сама я италианка, и знаю этих молодых неаполитанских синьоров, безденежных, но с большими надеждами. Все эти лаццарони, рыскающие в поисках богатых иностранцев, а особенно иностранок. Все эти услужливые чичерони... Одолели черти святое место.

Иоанна: Я, старая и верная ваша слуга, лучше всех знаю вашу душу. И вижу в ваших глазах лихорадочный блеск, ранее никогда невиданный. Блеск этот в глазах, словно в зеркале, отражает смятение молодой души, не знавшей ранее бурь и тревог вашего опасного возраста. Господи всевышний! Госпожа моя, царевна златокудрая, плечиком к плечу сидит с безродным лаццароне и томные песенки с ним поет, а глаза ее заволакиваются пеленою любовного дурмана. Грехи любезны доводят до бездны, помяните мои слова, старой дуры.

Августа: Да что с тобою, Иоанна? Или сон тебе приснился? Или стукнул кто по голове?

Иоанна: Быть беде, матушка, коль вспыхнут в вас чувства. И тогда закроются на веки перед вами ворота царского рая.

Августа: Боже мой, Иоанна, о чем ты? Что это взбрело тебе в голову мучить меня столь невероятными вымыслами? Итальянец сей, тобою проклинаемый, юноша богобоязненный, глубоко и страстно верующий. И зовут его Доменико, Дементием. Люб он мне своею страстью к музыке, к божественной гармонии, прославляющей настоящие, высокие чувства, а не мнимые сиюминутные страсти. Хороший он человек, и видно это по его лицу и по стати его.

Иоанна: Смотрите, матушка моя любезная, как бы не пришлось вам потом волосы свои бесценные остричь. Позор-то какой будет на века вечные.

Августа: Волосы остричь? Уйти в монастырь? Ах, какая прекрасная мысль, Иоанна. Ведь ты не знаешь, как прекрасен в матушке Москве белокаменной Иоанно-Предтеченский девичий монастырь, и как праведны и чисты в нем инокини. А здесь, в Неаполе и на Капри, нет ни единого храма в честь Иоанна Крестителя, повашему именуемого Джованни Баттистой.

Иоанна: Ах ты ж, Боже праведный! Как они обрадовались. Видите ли, подайте ей непременно самого Баттисту. А ведь меня, грешницу, нарекли в честь Джованни Баттисты, и то вам, матушка,

совсем не ведомо. Не ведомо вам, что он, жизнь отдавший за всевышнего, есть глубоко в сердце моем, как и любого другого праведного неаполитанца. Ну-ка, матушка, давайте помолимся перед святым ликом, дабы отворотить от нас беду да страдание.

Они встают на колени перед иконой и тихо молятся. Августа встает с просветленным лицом.

Августа: Иоанна, спасибо тебе, моя старая подруга. (*Крестит ее и себя.*) Но пойми, что сей итальянец лишь учитель мой, приносящий мне маленькую, совсем небольшую частичку земного счастья, но никак не великую любовь. Спасибо тебе и, пожалуйста, оставь меня сейчас, а вечером мы с тобою погуляем в саду и побеседуем о Господе, а перед сном, как обычно, сядем за вязание и поговорим о старине.

Низко поклонившись, Иоанна выходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Августа одна.

Августа: Что со мною? Почему мне так тревожно, так беспокойно? Неужели музыка внесла в мою душу незнакомые до сих пор смятение и волнение крови? Иоанна права. Тысячу раз она права! Ибо все на земле идет по раз Богом заведенному порядку, и, коль время мое пришло, не миновать мне грешного чувства. Ах, как страшно! Но и сладостное, непривычное мне предчувствие нового охватывает мое существо. От самой себя я не могу скрыть волнения. И перед ликом матушки! Ах, моя дорогая родительница...

Августа бросается на колени перед образом и долго молчит, склонив голову. Затем, сняв портрет императрицы, садится на пол, держа его на коленях.

Одиночество мой удел. В спокойных, размеренных беседах с отцом, перед ликом любимой матери, мне все казалось простым и ясным. Отречение от страстей, тихая и одинокая жизнь в довольстве

и холь, помощь и сострадание бедным и униженным. Все это представлялось мне естественным и близким сердцу и душе. Не знала я, что однажды, в один день, в миг что-то перевернется во мне. Что – не ясно, не понятно, ибо до сель не знаемо. Сейчас мне хочется чего-то большего, нового. Чего – непонятно. Предчувствие ли это любви?

Августа задумчиво умолкает. Она бережно водит рукой по портрету.

Матушка моя, младшая дочь Петрова, была дитем истинной, великой любви. Любви деда моего Петра Алексеевича к простой пленной ливонской девке, волею его ставшей российской императрицей. И все, что могла, что умела моя августейшая родительница, было любить... Она любила страстно и самозабвенно. И ведь во мне течет ее кровь. Я единственная дочь Елисаветы Петровны, именовавшейся небесным ангелом, и унаследовала ее красоту и ее характер. И, значит, ее страсть и всепоглощающее желание любви.

Августа умолкает, целует портрет и вешает на стену, затем становится на колени и молится.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Раздается стук в дверь, входит Орлов.

Орлов: Ваше высочество, маэстро Чимарозо благополучно доставлен в Неаполь. В пути он не сходил с верхней палубы и пел в вашу честь, и я приказал нижним чинам выучить эту песню, дабы отныне она стала гимном, исполняемым в вашем высочайшем присутствии на борту кораблей средиземноморской эскадры.

Августа в замешательстве.

Августа: Боже праведный... Это он!

Орлов: Извините, ваше высочество, но я не понял, что ваше высочество изволили повелеть.

Августа: Граф, мне не терпится услышать сей чимарозин гимн.

Орлов: Вы лишь только извольте пожелать, ваше императорское высочество.

Августа: Сделайте одолжение, господин адмирал. Я вам буду благодарна.

Орлов кланяется и на мгновение удаляется, вернувшись с гитарой в руках и в сопровождении шести матросов в белых форменках. Орлов начинает играть на гитаре, трое матросов стучат в ложки, остальные трое, держа в руках цветочную гирлянду, начинают петь.

Хор матросов в честь юной красавицы Елисаветы

Плененно сердце нежной Лизой:
Вот радостей моих предмет;
Ея невинной взор и милой
Велит тебе забыть весь свет.

Цветущу зря красу и младость
Не чувственным возможно ль быть?
И пения внимая сладость,
Возможно ль пламень утаить?

В тебе одной, драгая Лиза,
Собранье вижу всех приятств,
В тебе одной соединила
Природа тьму своих богатств.

Дала тебе волшебны взгляды,
В одно мгновенье побеждать,
И вдруг мученье и отрады
В сердцах чувствительных рождать.

В лице твоём напечатлела
Румянец с белизной лилей,

Она изобразить хотела
Невинность тем души твоей.

Твой стан украсив простотою,
И стройность сохраня во всем,
Природа хитрою рукою
Явила совершенство в нем.

Как мягкий лен вокруг шеи белой,
Виются нежные власы,
Какие пишет кистью смелой
Художник редкий для красы.

Твой голос, каждое движенье
Для сердца новая стрела,
Восторг его оцепененье,
Тебе неложная хвала.

О коль тот счастлив и доволен,
Кто сердцем властвует твоим!
Он сам окован и неволен,
Но каждой бы желал быть им.

Завидовать сей лестной доле,
Напрасно грудь свою томить,
И быть у Лизы в век в неволе,
С чем можно счастье то сравнить!

Спев, матросы обвивают Августу гирляндой, низко в ноги кланяются и выбегают. Августа и Орлов остаются. Августа стоит, опустив глаза долу и еле дыша, Орлов пожирает ее взглядом. Наконец, тягостное молчание прерывается.

Августа: Граф, памятуя незабвенное старое, с сего дня вам запрещается появляться мне на глаза. Займитесь самозванкой, и не медлите с исполнением воли государыни. Вас с нетерпением ждут в Петербурге!

Орлов преклоняет голову и стремительно выбегает.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Августа остается одна, в задумчивости перебирая цветы в гирлянде.

Августа: Боже! Наконец-то, я все поняла. Смертельный, горький, роковой удар прямо в сердце. Ведь он клятвопреступник и цареубийца... Боже мой! Но не все ли равно? Прожить, прочувствовать лишь один короткий миг. Терпеть было бы выше моих сил, но и с холодной головой я выбрала бы то же. Ведь я – дочь российской самодержицы. Могу ли я быть столь несчастной, чтобы не иметь того, что доступно самому убогому простолюдину?

Августа распахивает дверь.

Орлов! Немедленно вернитесь!

Оставив дверь открытой, Августа подходит к образам и, не вставая на колени, в полный рост медленно осеняет себя крестом. Вбегает Орлов, Августа падает в его объятия. Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

«Ривьера»

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Перед опущенным занавесом в полумраке стоят, обнявшись, Августа и Орлов.

Августа в длинной белой исподней рубашке, по-прежнему с гирляндой вокруг шеи.

Орлов: Верьте мне, моя царевна, что никого до вас я не любил столь страстно, столь глубоко, с таким восторгом и с таким почитанием! Божественное, прекраснейшее чувство осенило меня, недостойного этой милости. Это волшебный сладкий сон,.. И не хочется, и не могу оторвать вас от своей груди.

Глядя dolu, Августа перебирает гирлянду и отвечает не ему, а себе.

Августа: Клятвопреступник и царевубийца! Пав в ваши объятия, я сравнилась с вами.

Орлов: О, как я люблю вас, люблю вас больше жизни! Августа: Правы мудрые книги, любовь эгоистична...

Один цветок падает на пол.

Орлов: Лиза, моя милая Лиза! Я клянусь вам в вечной любви!

Августа: Не клянитесь мне. Клятвопреступник и царевубийца... Вы предадите и убьете.

Она роняет гирлянду.

Орлов: Клянусь! Вы моя жизнь, вы все для меня... Единственная.

Августа пытается освободиться из объятий.

Августа: Граф, вас ждут государственные дела...

Орлов: Ах, не могу оторваться от вас. Еще короткое, сладкое мгновение...

Он в упоении поет.

Орлов: Пчелка золотая!
 Что ты жужжишь?
 Все в круг летая,
 Прочь не летишь?
 Или ты любишь
 Лизу мою?..

Соты ль душисты
 В русых волосах,
 Розы ль огнисты
 В алых устах,
 Сахар ли белый
 Грудь у нее?..

Пчелка золотая!
 Что ты жужжишь?
 Слышу – вздыхая,
 Мне говоришь:
 К меду прилипнув,
 С ним и умру...

Неслышно появляется Рибас.

Рибас: Господин адмирал, пора отчаливать, пока не спал бриз. Вас с нетерпением ждут.

Орлов: До завтра, ваше императорское высочество. До встречи! Ни на единый миг не оставит меня ваш светлый божественный облик.

Орлов и Рибас выбегают. Тихо входит Иоанна.

Иоанна: Дело к тому и шло. Матушка, уж я весь лоб о пол разбила, отмаливая ваш грех. Грех, тяжкий грех... Нет такого человека, чтоб век без греха прожил.

Августа: Пощади меня, Иоанна.

Иоанна: Господь простит, моя царевна. Он един безгрешен, и милостив, и щедр. Спаситель наш, одна в тебе отрада и надежда на избавление.

Августа поднимает цветок и закрывает им лицо.

Августа: Оставь меня, Иоанна. Видеть я никого не могу.

Иоанна: Нагрешила и в кусты, матушка? Теперь ты знаешь, в чем твое истинное предназначение. Ты появилась в мире Божьем, чтобы замолить грехи своей родительницы. Ты знаешь теперь, как сладко было ей закрыть глаза и броситься в пучину наслаждений. Тебе ныне ведомо, к какой беде приводит легкомыслие. Тебе открылась вся истина твоей жизни, твоего существования, твоего предназначения. Жить – Богу служить, Августа.

Иоанна подбирает гирлянду и, поддерживая Августу под руку, выводит ее.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Занавес поднимается, открывая приемную залу Самозванки в отеле «Ривьера».

В простенке между двумя большими распахнутыми настешь окнами на помосте стоит трон, спинка которого украшена золотым двуглавым орлом. Справа стоит клавесин, в обе стороны выходят большие двери. Под звуки полонеза Огинского зала наполняется гостями. Стоя у трона, громким криком и ударами жезла в пол у трона Гофмаршал представляет гостей.

Демарен: Воевода виленский князь Радзивилл!.. Великий гетман литовский принц Огинский! Барон фон Горнштейн!.. Пани и панове, дамы и господа! Отдайте должное красоте, уму и царственной высокородности единственной законной наследницы русского престола принципессы Елисаветы!

В окружении свиты появляется Самозванка, держась прямо и гордо, с Андреевской лентой через плечо, и восходит на трон. Ее сопровождают восторженные возгласы и приветствия. Гости поочередно приближаются к Самозванке и почтительно целуют ей руку.

Демарен: Пани и панове, дамы и господа, полонез.

Дамы и господа разбиваются попарно и торжественно танцуют полонез, отвешивая церемонные поклоны при прохождении мимо трона.

Демарен: Пани и панове, дамы и господа, тарантелла.

Гости весело танцуют тарантеллу, пьянясь ее вихревым темпом.

Демарен: Пани и панове, дамы и господа, менуэт.

Разгоряченные итальянским танцем, гости выпивают и, разобравшись парами, танцуют чинный французский танец, полный взаимных комплиментов и флирта. Веселье в разгаре. Самозванка довольно осматривается, приветствуя окружающих. Радзивилл и Иезуит поочередно обмахивают ее пышным страусовым веером.

Голос из толпы: Ваше императорское высочество, повелите исполнить танцы народностей вашей необъятной империи!

Самозванка встает с трона и сбрасывает с себя платье, оставшись в кружевном шелковом белье и с Андреевской лентой через плечо.

Демарен: Пани и панове, дамы и господа, танец голкондских баядерок!

Самозванка выходит вперед и соблазнительно танцует. Вбегают черные девушки в индусских нарядах и образуют группы вокруг Самозванки. Гости в восторге стонут и обсуждают танец.

Гости: Поразительно чувственно... Это русский танец?.. Нет, голкондский!.. Но где же Голконда в России? Это в Сибири?.. Да нет, Голконда это Индия... Но ведь она русская принчипесса... А еще говорят, что она дочь персидского падишаха... Но позвольте, а как же русская императрица?.. Императрица? Да разве вы не слышали, что она была большой любительницей амурных удовольствий?.. У нас в Польше говорят, что покойная императрица держала большой сераль фаворитов... Вот как?.. О, вы бы видели, каких слонов прислал ей падишах!.. Так значит, наша принчипесса дочь падишаха и царицы?.. Но позвольте, господа, тогда причем здесь турецкий султан?.. Господи, да какой же султан? Вы все перепутали, граф... Но ведь вы же видели на ее пальце султанский перстень с государственной печатью?..

Танец заканчивается, и Самозванка снова восходит на трон. Гости громко кричат.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Входит Чимарозо, кланяется Самозванке и подносит ей манускрипт.

Демарен: Пани и панове, дамы и господа! Маэстро Чимарозо имеет честь преподнести ее высочеству наследной принчипессе Елисавете пиесу собственного сочинения.

Чимарозо: Ваше императорское высочество, прекраснейшая из прекрасных принчипесса Елисавета, окажите мне высочайшую честь преподнести вам сонату, написанную во исполнение вашего пожелания.

Чимарозо целует руку Самозванки, она внимательно листает манускрипт, затем медленно, торжественно и громко читает вслух.

Самозванка: «Соната ля минор. Прекраснейшей из прекраснейших, сверкающей Полярной звезде, юной русской принципессе Елисавете». Как вы галантны, маэстро.

Она обращается к Радзивиллу.

Самозванка: Мой любезный принц, сделайте милость, поднесите маэстро достойный подарок.

Радзивилл крутит усы, неприязненно смотрит на Чимарозу и демонстративно поворачивается к нему спиной. Самозванка встает с трона, подходит к Радзивиллу и снимает с его шеи огромную золотую цепь с большим бриллиантовым крестом.

Самозванка: Принц!.. За непокорность я лишаю вас ордена святой принципессы Елисаветы.

Она поворачивается к Чимарозе и надевает ему цепь.

Самозванка: А вас, любезный маэстро, я посвящаю в рыцари и повелеваю преданно и верно служить мне.

Зала гудит, поляки недовольно крутят усы, остальные гости восхищенно кричат и славят Самозванку. Она садится за клавиесин и играет поднесенную сонату. Чимарозо выбегает вперед, держа в руке свисающий с шеи крест.

Чимарозо: Святой Боже! Я рыцарь! Я рыцарь ордена святой принципессы Елисаветы... Боже, я чувствую, как моя душа низвергается в ад. Ах, прощай, истинная Елисавета. Нет мне теперь прощения.

Самозванка заканчивает играть. Окружающие восхищенно и вразнобой бурно рукоплещут и кричат.

Гости: Шарман!.. Любо!.. Брави!.. Экселлант!.. Какой талант!..

Радзивилл приближается к Чимарозе, держась неприязненно.

Радзивилл: Откуда ты взялся, пан сморчок?

Чимарозо: О чем вы, синьор? Я вас не понимаю...

Радзивилл: Щупленький. Тощенький!.. Поди, жид италианский. Ты какой веры, пан сморчок?

Чимарозо: Единственно верной и святой. (*В сторону*) Изыди, нечистая... Чур меня...

Радзивилл: Ишь, какой прыткий! А ну-ка, потанцуй, пан сморчок. Посмотрим, какой ты веры и национальности.

Радзивилл выхватывает из ножен кривую саблю, он колет острием в зад Чимарозы. Чимарозо подпрыгивает и бежит. Радзивилл бежит за ним и колет.

Чимарозо: Как вы можете?.. Что вы себе позволяете, синьор?

Радзивилл: Ха-ха-ха! Хе-хе-хе! Ухо-хо-хо! Скачет, как лягушка.

Иезуит: А не шпион ли он московитский?

Радзивилл: Ха-ха-ха! Хо-хо-хо!.. Пан сморчок, я тебя покупаю у принчипессы. Велю тебе танцевать лягушачьи танцы. Ха-ха-ха!.. Скакать и квакать будешь. Хо-хо-хо!..

Из толпы выходит Самозванка.

Самозванка: Как у вас весело, господа.

Радзивилл: Принчипесса! Этот сморчок забавно танцует. Продайте мне его.

Самозванка: Нет, любезный принц. А вас, маэстро Чимарозо, благодарю за столь милый подарок. В ответ на вашу любезность дарю вам пост придворного композитора и капельмейстера. По восшествии моем на российский престол милости прошу в Санкт-Петербург, в эту прекрасную северную Пальмиру, и велю сочинять большие серьезные оперы в святые дни и малые комические по праздникам.

Гости: О, какая царственная щедрость!.. О, как она великолепна!.. Какая милость!.. Какое великодушие!..

Самозванка: Вам, маэстро, предстоит небольшая аттестация. Знакома ли вам модная парижская опера «Алина, королева голкондская»?

Чимарозо: О да, ваше императорское высочество. Я знаком с манускриптом маэстро Монсиньи. Эта опера прекрасна, ваше императорское высочество.

Самозванка: А можете ли вы исполнить ее?

Чимарозо: Сыграть ее я могу, но запоминание текста выше моих сил, ваше высочество, прошу простить меня за то.

Самозванка: Играйте, маэстро, для того я и пригласила вас. А спеть я могу сама. Ведь эта опера была поставлена в мою честь.

Чимарозо играет, а Самозванка, сложив руки на груди, поет.

Самозванка: Романс Алины, королевы голкондской!

В одной стране с тобою,
Пастушкою простою
Родилась я на свете
Пятнадцати быв лет.
Любовь я презирала
И... вдруг скучать всем стала,
Бежала пастухов,
Скрывалась в глушь лесов,
Но видела везде любовь.

Блестящий красотою,
 И родом, и душою,
 Сенфар в стране той жил.
 Сенфар меня любил:
 И – нежностью исканий,
 Ласк, просьб и увещаний,
 Волшебством страстных снов –
 Он душу дал мне вновь
 И заслужил мою любовь.

Гоним своей роднею,
 Разстался он со мною,
 Меня ж судьбина зла
 В Голконду привела
 И тронем наградила.
 Но, ах! Не прохладила
 Мою кипящу кровь,
 И здесь, среди трудов,
 Я чувствую еще любовь!

Гости: Шарман! Брависсимо! Любо!..

Чимарозо (*искренне*): Ваше императорское высочество, я потрясен вашим пением! Боже, никогда не слышал столь прекрасного пения.

Самозванка: Спасибо. Королева голкондская я и есть сама, и потому эта опера обо мне, и написана была в мою честь. Пока же, маэстро, пока российский престол подлю узурпирован коварной немкой, велю вам сопровождать меня и наполнять мой двор звуками вашей чарующей музыки.

Гости: О, как она прекрасна!.. Как царственна!..

Чимарозо: Ваше высочество прекрасная принчипесса, я ваш преданный раб.

Чимарозо низко склоняется, целует поданную руку, затем садится за клавиш и играет.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Появляется Рибас, быстрым шагом обходит окружающих, пристально вглядываясь в их лица. Иезуит шепчется с Радзивиллом, временами показывая из-под плаща кинжал.

Иезуит: Вот московитский шпион. Я чую это за версту. Надо бы его незаметно вытащить отсюда и прирезать.

Радзивилл: Это какой-то бандит. Он тебя сам быстро и незаметно прирежет.

Иезуит: Матка боска, ведь чую шпиона за версту. Не к добру его появление.

Радзивилл: Стой за его спиной и не отходи ни на шаг. В удобный момент пырни в бок.

Иезуит: Прирежу, как цыпленка.

Иезуит пристраивается к Рибасу, которого замечает Самозванка и, улыбаясь, подходит к нему. Рибас становится на одно колено и целует сначала край ее платья, а затем руку.

Самозванка: Вот истинно преданный мне и российскому престолу подданный. Дамы и господа, позвольте представить вам лейтенанта русского флота Рибаса. Лейтенант прибыл с известием о том, что средиземноморская эскадра готова присягнуть мне, единственной законной по крови наследнице русского престола.

Гости: Да здравствует русская императрица Елисавета Вторая!

Самозванка: Мой флот прибудет сюда завтра, и я взойду на борт флагманского корабля. Мы поднимем паруса и возьмем курс на Стамбул, где мой союзник турецкий султан готовит стотысячную армию для вторжения в южные рубежи России, а флот под началом адмирала Гассан-бея ждет меня. Тем временем, армии моего брата маркиза Пугачева должны выдвинуться из-за Урала и освободить старую исконную столицу Москву.

Гости: Да здравствует императрица Елисавета Вторая! На Россию! Смерть москвитам! Смерть узурпаторше русского престола!..

Голос (*с немецким акцентом*): Ваше императорское высочество! Что ожидает нынешнюю императрицу Екатерину?

Самозванка: София Августа Фредерика фон Анхальт-Цербст Дорнбург, захватившая престол путем подлого убийства моего брата законного императора Петра Третьего, будет выслана в Пруссию, в свой родной город Штеттин. Я не желаю ее крови, я желаю лишь восстановления на российском престоле истинной династии Романовых, последней и единственной представительницей которых я являюсь.

Голос (*с немецким акцентом*): Ваше императорское высочество, но зачем она нужна нам? Вы уж увольте нас от такой чести.

Самозванка: Хорошо, будьте спокойны. Я поселю ее в морской крепости Кронштадт за крепкими стенами бастионов.

Гости: Слава императрице Елисавете Второй!

Самозванка: Лейтенант Рибас, за преданную верную службу присваиваю вам звание контр-адмирала. По возвращению в законные руки российского престола велю вам занять пост генерал-коменданта морской крепости и порта Кронштадт. Велю вам верой и правдой, не щадя живота своего, надежно охранять морские подступы к моей столице Санкт-Петербурх и сам Кронштадт.

Рибас: Ваше величество, клянусь отдать свою жизнь за один ваш взгляд. Повелевайте!

Рибас снова падает на колени и целует край ее платья.

Иезуит: Моя принчипесса! Не верьте ему, он предатель и шпион!

Чимарозо: И этот русский синьор офицер!.. Он тоже предатель. О, здесь все предатели и преступники.

Чимарозо с отчаянием смотрит на крест, как бы желая сорвать его с шеи, а Самозванка подходит к Иезуиту и снимает с его шеи бриллиантовый крест на длинной цепочке.

Самозванка: За неводержанность я лишаю вас ордена святой принципессы Елисаветы. А вас, мой любезный адмирал, я посвящаю в рыцари. Велю именоваться отныне синьором Дерибасом!

Она поворачивается к Рибасу и надевает ему цепь.

Гости: Слава императрице Елисавете Второй!

Иезуит: Принципесса, он предатель! Вы погибнете!..

Самозванка: Оставьте нас вдвоем.

Окружающие отступают. Самозванка и Рибас остаются на авансцене.

Самозванка: Говорите, где Орлов и что с ним?

Рибас: Ваше величество, адмирал Орлов ваш преданнейший слуга.

Самозванка: Можно ли ему верить?

Рибас: Если вы желаете достигнуть своей высокой цели, то вам не обойтись без его помощи.

Самозванка: Вы не ответили на вопрос, адмирал. Можно ли верить Орлову?

Рибас: Вы сами знаете, что его старший брат был любовником немки и немало способствовал ее возвышению. Сейчас же Орлову-старшему дана полная отставка, он не допускается ко двору, и братья опасаются, что новый фаворит Потемкин изничтожит соперников.

Самозванка: Вот как? Кто такой Потемкин?

Рибас: Он безродный пьяница и кутила из конногвардейцев. Ненавидит Орлова-старшего и желает сжить его со света.

Самозванка: Ого, господин адмирал, какую приятную новость вы мне доставили. За вашу преданность и усердие я хотела бы наградить вас по-царски. Этой ночью повелеваю вам незаметно явиться ко мне и оставаться в моих покоях до утренней зари.

Рибас достает из рукава письмо.

Рибас: Я ваш преданный раб, ваше величество. Дабы вы могли удостовериться в истинности моих слов, я похитил у адмирала письмо.

Самозванка: Похитили? Ах, как я люблю столь романтическое занятие. «Алехан! Совсем мамка от рук отбилась. Этого поганого кобеля Потемкина ни на шаг не отпускает от своей царственной особы»... Так... Ах, как интересно. «А этот гад Потемкин по пьянке похвалялся, что вскоре изничтожит нас, и что меня, своего соперника и лютого врага, хочет сделать своим денщиком, а тебя, Алехан, Чесменского победителя, похвалялся назначить главным евнухом своего гарема»... Ха-ха-ха! Вот так номер.

Рибас: Адмиралу Орлову обидно сие читать, ваше императорское величество. Орлов собрал офицерское собрание и зачитал это письмо вслух. Офицеры эскадры, все как один, начиная от юных мичманов и заканчивая адмиралом Грейгом, поклялись Орлову в верности, ибо морская честь и морская косточка не позволят им видеть, как безродный пьяный фаворит изничтожит любимого всеми графа Алексея Григорьевича. Офицерское собрание средиземноморской эскадры единодушно решило присягнуть вашему величеству и возвести вас на трон.

Самозванка пристально смотрит в глаза Рибасу.

Самозванка: Правду ли молвите, адмирал Рибас?

Рибас: Клянусь жизнью, говорю истинную правду, ваше величество. И не только средиземноморская эскадра, но и весь российский флот, несущий свой флаг на четырех океанах, с радостью присягнет вам, если вы, ваше величество, взойдете на престол об руку с Орловым.

Самозванка: Как это возможно, господин адмирал?

Рибас: Офицерское собрание просило Орлова пасть к вашим царским ногам.

Самозванка: Орлов не мальчик! Я вам не верю.

Рибас: Орлов тайно носит на груди ладанку с вашим портретом.

Самозванка: Ладанку? Что это за чертовщина?

Рибас: Иконку, ваше величество, самый заветный амулет.

Самозванка: Это правда? О, я совсем не знала об этом. Что ж, господин адмирал, мне есть о чем подумать. Не забудьте ночью явиться ко мне, чтобы доказать свою преданность.

Рибас падает на колено и целует подол платья Самозванки. Она подает ему руку и указывает на свое плечо, а затем на полуобнаженную грудь, куда Рибас поочередно почтительно целует.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Демарен: Пани и панове, дамы и господа! Адмирал русского флота его светлость граф Орлов собственной персоной!

В зале оживление, слышны дамские голоса «Где он?», «Ах, не заслоняйте этого героя, я хочу видеть его!» и прочее. В залу не спеша и с достоинством входят русские офицеры в белом и с букетиками цветов в руках, поочередно подходят к Самозванке и, низко кланяясь, подносят ей цветы и представляются.

Самозванка: Где же Орлов?

Рибас: Господа флотские офицеры, смирно! Его сиятельство адмирал российского флота граф Орлов!

Русские вытягиваются в струночку в линию и прикладывают ладони к вискам.

Входит Орлов.

Самозванка: Ах, какой красавец. Какая порода! Какая статья...

Орлов медленно приближается, пожирая Самозванку взглядом, и преклоняет перед нею колено.

Орлов: Ваше императорское высочество цесаревна Елисавета Иоанновна!

Благославите меня на подвиг во благо российского престола!

Самозванка: Встаньте, любезный адмирал. Встаньте, вы среди друзей.

Самозванка протягивает Орлову руку и поднимает его. Орлов прикладывается к ее руке в долгом почтительном поцелуе.

Самозванка: Какие новости из Петербурга, дорогой адмирал?

Орлов: Простите меня великодушно, ваше высочество. Волнение от встречи с вами сжимает мне грудь. Я готов разрыдаться от безмерного счастья припасть к вашим царственным стопам.

Самозванка: Вина адмиралу Орлову. Самый большой кубок!

Орлов: За здоровье ее императорского высочества наследницы престола цесаревны Елисаветы! *(Он залпом опрокидывает кубок.)* Пусть вместо меня говорит флот!

В залу вбегают российские моряки в белых форменках. Гости в панике кричат и пытаются выбежать из залы, но матросы выстраиваются в три линии, и гости успокаиваются.

Хор средиземноморской эскадры о быстром младом Орле

Быстрый млад Орел, птица мощная,
 Царь пернатого царства славного,
 И птенцов своих нежной друг-отец,
 Как доведался, что яр – черный вран
 Прилетел в его область мирную,
 Прилетел с своей стаей жадною,
 Утесняет, бьет его детушек,
 Не щадит, злодей, пола, возраста,
 Не щадит, злодей, красы, голоса,
 Раззоряет их теплы гнездышки,
 Разсыпает их перья по ветру,
 Точит кровь их ручьем по воздуху.

Встрепенулся тут быстрый млад Орел,
 Он послал своих соколов в полет,
 Усмирить яра – черна ворона,
 Наказать его стаю хищную,
 Отомстить за кровь милых детушек,
 За их гнездышки, житье теплое.
 Потемнел вдруг свет от полета их,

Ветры шумные раздались от крыл.
 Понеслись в путь ясны соколы,
 А пред ними сам быстрый млад Орел.

Как настиг Орел черна ворона,
 Как пустил Орел соколов своих.
 Как ударили – разметали все...
 И яр – черный вран пред Орлом не смог,
 Пал, ударился о сыру землю.
 В нем забилося сердце чорстное,
 Содрогнулася душа мрачная.
 Ждет он гибели неизбежная,
 Но быстр млад Орел – чужд отмщения,
 Не хотел убить хоть врага – птицу,
 Притупил лишь ей когти острые,
 Но оставил жизнь – для разскаiania.

Не летать было черну ворону
 В леса мирные возмущать покой,
 Не ходить было гаду подлому
 На святую Русь с злобным помыслом.
 Орел Севера соколов пустил,
 И без крыльев стал вражий черный вран.

Закончив петь, матросы выбегают, другие вбегают с огромными плетеными корзинами с цветами, которые ставят вокруг трона. С рейда раздаются оглушительные залпы, и в открытые окна врываются густые клубы порохового дыма. Среди оружейной пальбы слышны громовые крики «Ура!», «За матушку цесаревну Елисавету!», «Виват графу Орлову!» и «Да здравствует российский флот!»

Занавес падает.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Занавес опущен. Тревожная темная ночь. Справа выходит Рибас в длинном черном плаще, в шляпе с большими полями и с черной повязкой, закрывающей лицо ниже глаз. Он внимательно осматривается, осторожно ступая, доходит до середины сцены, затем прислушивается и внезапно исчезает в складках занавеса.

Мгновение спустя слева появляется Иезуит, тоже закутанный в длинный плащ и в широкополой шляпе, осматривается и прислушивается. Пройдя сцену, он скрывается в правой кулисе, затем появляется снова и начинает внимательно исследовать складки занавеса. Наконец, он успокаивается.

Иезуит: Проклятая Алина! Проклятая любовь... Пагубная страсть... О, как я страдаю. Страдаю и люблю с самого того сладкого и проклятого мига, как я увидел ее.

Он снимает с шеи медальон, открывает и любит портретом, временами прикладываясь к нему губами.

Она божественно прекрасна. Она дьявол. О, ради нее стоило жить. И умереть. Ради нее покинул я родину, дом, родителей, службу, я позабыл свой долг. Лишь только она взглянула на меня своими зелено-изумрудными глазами. Ее глаза это смертельный омут, в котором так сладко тонуть... И лживые слова, которым веришь всей душой.

Достает из-за пазухи письмо, разворачивает и читает, временами раздражаясь дьявольским смехом.

Ведь знаю, что ложь, но так хочется верить. Лишь четыре слова. «Приходи... Я твоя... Алина». Ах, как я бросился к ней, сломя голову. Ведь оказалось, что письмо было не мне, что пишет она такие же дюжинами, и это попало мне по ошибке. И ведь она даже глазом не моргнула, а сразу же уложила меня в постель. А затем, написав новое письмо, все те же четыре заветных слова, послала меня исправить ошибку. Сколько раз я проклинал себя за то малодушие! Сделав раз, затем я повторил тысячу раз. Я стал ее посыльным, безропотно разнося тайные послания знати, лицам духовным, банкирам, военным, зачастую совсем не умным господам, но всегда — богатым и влиятельным. Франция, Германия, Италия...

Он снова всматривается в медальон, затем поет.

Ты ль сумненьем укоряешь
Сердце страстное тобой?
Ты ль себя не уверяешь,
Что тобою жив одной?

Жив, питая душу страстью,
Кою ты вселила в ней,
Положа предел ей к счастью
В взгляде красоты твоей.
В взгляде, в коем обретая
Мира прелесть для себя,
Ощуцаю сладость рая,
Преселя мой дух в тебя.

Нет, не верю, чтоб не знала
Сил своей ты красоты,

Что владычицею стала
Навсегда моею ты.

Все в тебе – ах! – все являет:
Вздых мой, слово, каждый взор,
Что восторг мне составляет,
Прелестей твоих собор!..

И ведь безразлично ей, оказывает ли она милости католику, лютеранину, безбожнику еретику или даже магометанину. Ведь как ловко она вытряхнула огромный баул индийских изумрудов из турецкого адмирала Гассан-бея. Мурлыкала ему головокружительные слова, красила ему хной бороду, пела сладчайшим голосом, извивалась перед ним в танце живота, а я, ее верный раб, на коленях униженно прислуживал им. Я на коленях перед Гассан-беем, самолично отрезавшим головы у сотен христиан!..

Что вселенная не может
Потушить мой жар в крови,
В цель себе хотя положит
Быть врагом моей любви.
Пременишь к тебе мне чувства
Неспособен целый свет –
Мудрым нет на то искусства,
А тиранам – силы нет.
Зреть тебя – и быть в свободе,
Зреть тебя – и не любить,
Бог чудес таких в природе –
Бог не в силах сотворить.

Или должен прежде в льдины
Претворить он все сердца,
Чувствий пременишь причины,
Скрыть в себе всех благ творца.
Нет, так мыслить не дерзаю,
Наслаждаюсь, любя,
Бога – без любви не знаю,
А любви – без тебя!..

Он прячет медальон и хмуро продолжает.

На этой неделе она приняла одиннадцать разных господ. Двух французов, затем польского посла Античи, трех итальянцев, включая его преподобие кардинала Альбани, одноглазого жирного турка, лживого грека, старого костлявого англичанина, испанца-авантюриста и господина без национальности. Сейчас в ее покоях предается утехам адмирал Рибас, значит, он двенадцатый. Адмиралу Орлову – быть тринадцатым...

Боже!.. Всему есть предел. Я так больше не могу. У меня нет ни сил, ни мужества бросить Алину, уехать и позабыть все, как сон. Остается – смерть. Но уйду я с поднятой головой. Я убью Орлова. О, как я ненавижу русских! Ненависть к ним бросила меня в объятия Алины. Теперь же, когда на сцену вышел красавчик Орлов, с кем никто не в силах тягаться, она навсегда потеряна для меня. Да, не мне тягаться с могущественным русским. Но я могу убить его, утащить его с собою в ад.

Да, в ад! Ибо эти зеленые глаза обещали мне краткое счастье земного рая и вечное адское пламя. Я не возроптал, а принял с радостью и благодарностью сей неравный договор. Несколько незабываемых ночей с тою, кто сейчас именует себя наследницей русского престола. Волшебные ночи Саломии!.. Кому была дана такая честь?

Из складок занавеса возникает Рибас. Он срывает с лица повязку.

Рибас: Мне, номеру двенадцатому в вашем длинном амурном поминальнике.

Иезуит: Ты? Проклятый шпион!

Рибас: Я правосудие господне. Аз воздам грешнику по заслугам его. Аминь.

Иезуит: Ты заказал обедню по себе и по своему вельможному покровителю?

Рибас: Все будет исполнено по чину, сластолюбивый отче. Ваш час пришел. У вас есть лишь миг, чтобы вспомнить свои злые дела и помолиться об их прощении. Да, кстати... Ваша хваленая красавица, которой вы преданы своею черною душою, не столь сладка, как вы уверяете.

Иезуит выхватывает из-под плаща длинную шпагу и кинжал.

Иезуит: Предатель! Не смей порочить принципессу. Она святая!

Рибас: Принципесса? И даже святая? Ваша зеленоглазая авантюрьера дочь ничтожнейшего нюрнбергского булочника, и час возмездия для нее тоже настал. Ее ждет трон, утыканный раскаленными жалами, в самом дальнем углу ада.

Иезуит: Врешь, подлая собака. Ты продался москвитам. Я тебя убью, как безбожника!

Рибас обнажает шпагу и мгновенно пронзает врага. Тот падает, как подкошенный.

Рибас: Какой вы неуклюжий, отче. Видимо, вы в первый раз имели дело с человеком военным.

Иезуит: Ненавижу тебя! Будь ты проклят... Люблю ее... Алина!..

Он умирает.

Рибас: Отказался от Бога – пристал к сатане. Аминь.

Рибас оглядывается, затем, ухватив убитого за ноги, исчезает в складках занавеса. Через мгновение появляется и собирает с земли оружие.

Жил тайно, скрытно и подло, и так же сгинул, незнаемо где, неизвестно как и неведомо почему.

Рибас поднимает шляпу Иезуита и смотрит на нее.

Однако... За два дня я отправил на тот свет двух нечестивцев. Дорога им в ад.

Рибас крестится и снова исчезает в складках занавеса.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Ночной сад отеля «Ривьера», ярко освещенный луной. Справа налево быстрым шагом сцену пересекает Рибас и прячется за деревом. Справа распахивается дверь, и на сцене появляется дорожка света. Медленно и расслабленно выходит Орлов, в батистовой рубашке навывпуск, дышит свежим воздухом, смотрит на звезды.

Орлов: Ах, моя несравненная Лиза!.. Не идет из сердца твой милый облик.

Орлов поет.

Пчелка золотая!
Что ты жужжишь?
Все в круг летая,
Прочь не летишь?..
Соты ль душисты
В русых власах,
Розы ль огнисты
В алых устах?..

В свете двери появляется Самозванка.

Самозванка: Любимый мой! Ты звал меня? Орлов: Мне просто что-то почудилось.

Самозванка в длинной прозрачной ночной рубашке высказывает из двери, подходит к Орлову и обнимает его.

Самозванка: Что же почудилось, любимый?

Орлов: Смотрел я на ту звезду, и вдруг вспыхнула она ярким светом, ослепила меня. И я вскрикнул твое имя нечаянно.

Самозванка: Повтори еще раз!

Орлов: Ах, Лиза... Ах, моя Елисавета!

Он притягивает ее за плечи и целует.

Самозванка: Ах, еще!..

Она припадает к Орлову и сливается с ним в долгом поцелуе.

Самозванка: Милый мой, адмирал Рибас ...

Орлов: Кто?

Самозванка: Адмирал Рибас ...

Орлов: Рибас – всего лишь лейтенант, дьявол его поberi.

Самозванка: Я возвела его в ранг контр-адмирала и назначила комендантом Кронштадта. За личную преданность.

Орлов: Возвышение Рибаса должно быть объявлено по эскадре, чтобы вступило в законную силу.

Самозванка: Ну так повелеваю тебе сделать это утром же.

Орлов: Повинуюсь вам, ваше величество.

Самозванка: Ах, оставь, моя любовь, называть меня величеством. Называй своей любимой, своею Лизой.

Орлов: Будет исполнено, моя любимая, моя Лиза.

Самозванка припадает к его устам.

Орлов: Что же с этим дьяволом Рибасом, ты не договорила, Лиза?

Самозванка: Адмирал Рибас донес мне, что ты будешь у меня с визитом завтра, а явился ты неожиданно сегодня.

Орлов: Он прав, Лиза. Но не мог я дожидаться завтрашнего дня. То попутный ветер счастья и любви вмиг примчал меня к твоим ногам.

Самозванка: Как это прекрасно. Ведь ты мне снился не одну ночь, долгие годы, хоть не знала тебя и не представляла, как выглядишь. Снились мне твои объятия, твоя сила, твоя мощь. Ты мой герой, любимый.

Орлов: Ты мне тоже снилась.

Самозванка: Адмирал Рибас донес мне, что хранишь ты ладанку с моим портретом.

Орлов: Да, моя любовь. Давно уж берегу ее и молюсь на нее, как на заветное сокровище.

Самозванка: Покажи!

Орлов достает из-под сорочки золотой медальон, усыпанный сверкающими алмазами.

Орлов: Вот он.

Самозванка: Я в тюрбане с перьями. Где ты взял этот портрет? Ведь он сделан давным-давно.

Орлов: Это чесменский трофей. Подарил мне его адмирал Гассан-бей в обмен на три тысячи пленных турок. Императрица осерчала на меня за этих пленных и не дала мне награды за неслыханную викторию. С тех пор не снимаю. Ведь как взглянул на него, так словно пушечное ядро в моем сердце взорвалось. Спать не мог, аппетит пропал, лишь хотел увидеть тебя живую и припасть к твоим ногам, словно раб.

Самозванка: Ах... Я и не знала! Теперь я верю тебе, верю твоей любви и всем словам, которые шептал мне.

Она целует Орлова.

Орлов: А не боишься ты своего предназначения? Не откажешься от намерений? Или лучше не начинать задуманного дела.

Самозванка: С тобою хоть на край света. Ничто не устршит и не остановит меня. Хочу лишь вместе с тобою взойти на престол.

Орлов: Брат мой Григорий мечтал о том же.

Самозванка: Обманула его подлая немка. Использовала она вас, Орловых, и выбросила за ненадобностью.

Орлов: Не хотелось бы и мне такой участи.

Самозванка: Ну что ты, милый! Надо бы обвенчаться поскорее, а затем ты сможешь считать отвоевание престола своим личным делом.

Орлов: Не откажешься, Лиза, от своих слов наутро?

Самозванка: Клянусь, нет! Священным именем матери своей императрицы Елисаветы клянусь.

Орлов: Клянись, либо железная цепь, либо золотая.

Самозванка: Клянусь. Богом клянусь. Клянусь своим народом и империей!

Орлов: Рибас! Дьявол тебя поberi!

Тот неслышно выступает из-за дерева.

Рибас: Я здесь, господин адмирал.

Орлов: Ты исполнил приказание?

Рибас: Так точно, господин адмирал. Обошел все храмы, церкви и приюты. Нет в Неаполе и во всей округе ни единого православного батюшки.

Орлов: Коли нет здесь попа, так все равно бог сверху все видит. Что ж, Елисавета, коли ты твердо намерена исполнить свою клятву, то придется повенчать нас поутру корабельному батюшке. На борту «Трех иерархов».

Самозванка: Да, милый. Завтра же утром, не медля.

Орлов: Лейтенант Рибас, немедленно отправляйтесь к адмиралу Грейгу и сделайте приготовления к обряду. Также составьте приказ о досрочном возведении вас в чин контр-адмирала. Мы с Грейгом подпишем его сразу же после венчания. Исполняйте.

Рибас: Господин адмирал, только что вернулась «Слава». Капитан-лейтенант Войнович ждет дозволения рапортовать об исполнении вашего поручения.

Орлов: Ни днем, ни ночью не даст покоя эта проклятая служба. Давай сюда чертова Войновича, чтоб он провалился с новостями.

Из темноты возникает Войнович.

Войнович: Позвольте доложить, господин адмирал.

Орлов: Говори.

Войнович: Прибыв на Корфу по вашему распоряжению, я немедленно нашел там нужную особу, ибо она не скрывается и не таится, и вступил с нею в сношения. Оная женщина купеческая жена из Константинополя, знаема была прежним и нынешним султаном по дозволенному ей входу в сераль к султаншам для продажи всяких французских мелочей. Сия означенная особа поперва хотела каким нибудь образом меня обольстить и всячески подкупить, чтоб я неверным ея императорскому величеству сделался. Но издержав много денег насчет будущей удачи, она в отчаянном положении сделалась. Тогда за небольшую сумму изложила мне существо дела, мною записанное и запротоколированное, а ею засвидетельствованное собственноручной подписью. Злого умысла либо политического расчета мною в ее речах не усмотрено, а посему ей было велено держать язык за зубами, а наипаче навсегда позабыть о своих претензиях.

Орлов: Молодец, капитан. Ловкий ты малый. И нечего было тащить ее сюда на наше довольствие. Хвалю за службу. Завтра я венчаюсь с цесаревной Елисаветою, и вы будете вместе с Рибасом моими друзьями. Напьемся в смерть. А сейчас оба отправляйтесь к Грейгу.

Офицеры отдают честь Орлову, низко кланяются Самозванке и удаляются.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Самозванка и Орлов.

Самозванка: Что за дело было поручено этому капитану?

Орлов: Объявилась на Корфу дерзкая самозванка, посмевавшая назваться Елисаветою, дочерью покойной императрицы.

Самозванка: Ах, какая подлая! Почему же он не захватил ее и не доставил сюда для сурового суда?

Орлов: Милая моя! Самозванок, именующих себя твоим именем, столь много, что не хватит тюрем и тюремщиков, чтобы держать их взаперти. Каждый божий день я посылаю своих соколов, чтобы проверить слухи и взглянуть на претенденток.

Самозванка: А та, что с Капри?

Орлов: С Капри? О ком ты, милая?

Самозванка: О той, что именуется принчипессой Елисаветою. О той, в чью честь ты вчера палил из пушек на виа Ривьере.

Орлов: С чего ты взяла, что она именуется Елисаветой?

Самозванка: Такова молва! В Неаполе только и говорят о прекрасной белокурой русской принчипессе, изредка прибывающей с Капри. Говори как на духу, кто она?

Орлов: Ах, ты об этой... Она немка, девица Августа Драганова двадцати одного года от роду. Живет здесь инкогнито потому, что является незаконнорожденной дочерью императрицы Екатерины.

Самозванка: Екатерины? Как сие возможно? Не могу в это поверить!

Орлов: За год до рождения цесаревича Павла от своего фаворита Салтыкова Екатерина родила до сроков девочку, объявленную мертворожденной из-за того, что ваша матушка отказалась признать ее наследницей престола. Ее тайно вывезли в Германию, на родину Екатерины, а последние двенадцать лет она проживает на Капри.

И никогда не было слыхано, чтобы она заявляла о своих правах на престол, ибо ее имени нет в родовых списках царской фамилии.

Самозванка: Дочь Екатерины? Не Елисаветы? Не врешь ли?

Орлов: Да, она дочь Екатерины и твоя племянница. И твоего возраста.

Самозванка: О, как я ее ненавижу!

Орлов: Почему, Лиза? Она тебе не ровня и не соперница.

Самозванка: Потому, что ты видишься с нею!

Орлов: Лиза, что с тобою?

Самозванка: Да! Ты ведешь двойную игру, лаская одной рукою меня, а другою ее, гадюку!

Орлов обнимает Самозванку.

Орлов: Ну что ты, милая. Я лишь исполнил повеление Екатерины пресечь появления ее тайной дочери в Неаполе. Мною она доставлена назад на Капри с высочайшим повелением никогда более не покидать острова, и потому ее резиденция сейчас тщательно охраняется. Вчера я видел ее в первый и последний раз, ибо завтра мы с тобою взойдем на борт флагмана и навсегда покинем Италию, и вскоре она позабудется, исчезнет из твоей памяти.

Самозванка: Адмирал Орлов! Я не могу позволить, чтобы дочь Екатерины, моя ровесница, осталась здесь здравствовать в покое и достатке. И ранее, когда я жила в нужде и лишениях, эта девица Тарканова...

Орлов: Августа Драганова, не Тараканова.

Она колотит Орлова в грудь и по плечу.

Самозванка: Тараканова! Я сказала Тараканова! Велю ей быть отныне Таракановой!

Орлов: Пусть будет Тараканова...

Самозванка: В тяжкие дни моих лишений эта злоющая девица Тараканова жила в достатке, припеваючи. Горька мне эта мысль! И еще горше знать, что теперь, когда я нахожусь в силе и в надежде, она, эта подлая Тараканова, остается за моею спиною как змея... Как гадюка подколодная!

Орлов: Лиза, бог с нею. Неопасна она для тебя. Слишком богомольна сия девица, занята лишь мыслями о боге и услужении ему, и намерена покинуть мир, навсегда укрывшись в монастыре.

Самозванка снимает с пальца перстень с большим рубином.

Самозванка: Нет, не позволю я ей благоденствовать. Вот... Это старинное персидское кольцо. Под его камнем скрыт смертельный яд, от которого нет противоядия. После обряда бракосочетания должен ты, адмирал, немедленно отправиться на Капри и подсыпать этот яд ей в угощение, а затем вернуться со срезанной прядью волос в доказательство ее смерти.

Орлов: Разрази меня гром, ваше высочество! Я не убийца.

Самозванка: Ты не убийца? А кто, как не ты, своими руками придушил моего брата императора Петра Третьего? И кто клялся мне в том, что готов пойти на все ради моей любви? *(Она топает ногою.)* За что я отдала тебе, клятвопреступнику, свои красоту и молодость, девичьи прелести и изысканные ласки?

Орлов: Невинная девица не император!

Самозванка: Оставив ее в живых, я оставляю ту, кто будет стремиться отомстить мне в будущем. Мне и тебе! Ее следует заранее, предусмотрительно уничтожить. Такова моя воля и повеление тебе, извергу.

Орлов берет из рук Самозванки перстень и рассматривает его.

Орлов: Хорошо, ваше высочество. Она будет тихо и тайно умерщвлена. Но не моей рукой. Отправлю Рибаса. Его рука не дрогнет. А мы с тобою будем почивать в неге и любви. *(Он целует Самозванку.)* Обвенчаемся и устроим морскую баталию с адской пальбой, и парусную регату, и прохождение кораблей в линии на виду у Неаполя. *(Снова целует ее.)* И позабудешь ты злую девицу Тараканову, милая.

Самозванка: Нет, адмирал! Исполнишь мою волю ты самолично, а Рибас будет свидетелем умерщвления. Быть по сему! *(Она целует Орлова.)* А правда, что однажды ты ради развлечения неаполитанцев сжег свои линейные корабли, утопив вместе с ними матросов?

Орлов: Была такая забава, Лизанька. Екатерина повелела мне найти знаменитого мариниста Гакерта, дабы он запечатлел на полотне Чесменскую баталию. Пришлось устроить в Кратере натуру, чтобы все он увидел воочию. Мы палили из пушек целый день и взорвали линейный корабль и несколько фрегатов. Правда, сто нижних чинов погибло, сгорело, утонуло или пропало, прости меня господа.

Орлов крестится, а Самозванка приникает к нему.

Самозванка: Бог с ними, с нижними чинами, пусть тонут тысячами, несчетно. А вот не взорвешь ли ты меня завтра вместе с «Тремя иерархами» на потеху неаполитанцев?

Орлов: Ну что ты, Лиза, как сие возможно? Ведь ты послана мне богом, на веки вечные.

Он обнимает Самозванку и поет. Через миг она подпевает ангельским голосом.

Орлов: Доволен я судьбою,
И милою богат,
О, Лиза! Кто с тобою
И в бедности не рад?

Дуэт: С тобою жизни бремя
Меня не тяготит,
С тобою, друг мой, время
Как молния летит!

Орлов: Не зная, что есть слава,
Я славлю жребий свой,
Труды с тобой – забава,
В глазах твоих покой...

Дуэт: Ты взглянешь – забываю
Суровость мрачных дней,
В печалах оживаю
Улыбкою твоей...

Орлов: Когда ты скажешь: Милой!
Проходит грусть моя,
Светлеет взор унылой,
Спокоен, весел я!..

Дуэт: Тот беден, кто в сем мире
Живет лишь для себя,
Я был бы и в порфире
Несчастлив без тебя!..

Орлов: Но если рок ужасный
Нас, Лиза, разлучит?
Что буду я несчастный?
Сырой землей покрыт?..

Мечтательно спев, Орлов отстраняется и спрашивает.

Орлов: Расскажи мне лучше, моя любовь, почему тебя именуют Алиной и где и почему бедствовала?

Самозванка: Ты сам знаешь, что родилась я по великой тайной любви моей матери и вельможного принца Разумовски. Жила я и воспитывалась в Петербурхе, в большом белом палаццо с колоннами на реке Фонтанов. О, какой роскошью была я окружена! Сотни слуг исполняли любое мое желание. А какие милые шпицы и быстрые борзые следовали по моим пятам, ожидая косточку. Но моя любимая мать умерла, а наследовавшего ее трон брата Петра Третьего злодейски убили. Ты его задушил, мой милый, не отказывайся. И после смерти брата именно я должна была взойти на трон, но сего не произошло, ибо случилось неслыханное злодеяние, и следующей жертвой гадины Екатерины должна быть я. По восшествии на престол немки добрые люди, дабы спасти меня, бедную малую сироту, от ее погибели, вывезли сначала в Польшу, а затем в Швейцарию.

Орлов: Кто они были, Лиза? Кого я должен отблагодарить за твое спасение?

Самозванка: То был принц Радзивилл! Он поручил своим верным слугам воспитывать меня. От чумы ли, от холеры ли, или от другой напасти, но мои благодетели умерли, когда мне не было и десяти. После их смерти я сильно бедствовала и попала в дом булочника, где мне приходилось работать вот этими руками.

Она протягивает руки Орлову, тот их обцеловывает.

Самозванка: Затем и булочник разорился и умер, и мне пришлось стирать белье в дешевой гостинице до тех пор, пока в ней не остановился прусский король Фридрих. Ему-то я открылась, и он отослал меня в Париж.

Орлов: Но как старый лис поверил тебе? Показала ли ты ему какие-то бумаги?

Самозванка отвечает гордо, вызывающе.

Самозванка: К тому времени я набралась красоты лица и тела, и красота моя есть и всегда будет поручительством лучше любых бумаг. Я не просила короля Фридриха поверить мне. Я этого потребовала!

Орлов: Но почему же он не отвез тебя в Берлин?

Самозванка: Русские побеждали турок, и я должна была убедить французов общими усилиями помочь вернуть мне трон. А из Парижа я прибыла сюда, где жду корабли Гассан-бея.

Орлов: Но я же спалил весь его флот, оставив Гассан-бею лишь грудку обугленных головешек!

Самозванка: Сжег, но французы послали султану советников и инженеров, и уже новый, более мощный флот должен взять меня на борт и отправиться к берегам России. С твоею эскадрой мы присоединимся к ним, и ты отвоюешь трон у гадины немки для меня и себя.

Орлов: Хорошо, моя Лиза. Или Алина?

Самозванка: А Алиной я назвала себя потому, что первой книгой, которую прочла, была сказка «Королева голкондская» о приключениях красавицы Алины. Ты читал ее, любимый?

Орлов: Я военный, Лиза, и книжек для чувствительных барышень не читаю, а тем паче сказок и басен.

Самозванка: Вот как? Что же ты читаешь, дорогой?

Орлов: Трижды на день морской устав отца-основателя российского флота императора Петра Великого. Утром на день грядущий, в полдень в адмиральский час и перед сном, дабы крепко спать.

Самозванка: Что? Морской устав, и трижды каждый божий день? Да ты рехнулся, любимый!

Орлов: Не рехнулся я, а лишь исполняю свой воинский долг, Лиза. Мореходец, службою живущий, глядит в устав на сон грядущий. И поутру, от сна восстав, опять читает свой устав. Так велено твоим дедом императором Петром, и так будет на российском флоте в веках. Посему бить мы, русские, будем врага на море всегда, везде и насмерть.

Самозванка: Бог с тобою, милый. Читай свой устав, коль так приспичило. А я люблю «Королеву голкондскую», ведь это сказка из «Тысячи и одной ночи»... Как, ты никогда не слышал о тысяче и одной ночи? О, мать божья! Угораздило меня влюбиться. Так вот слушай, я повелела написать оперу «Алина» своему придворному капельмейстеру Чимарозо.

Орлов: Кому, Лиза? Чима... Как ты назвала его?

Самозванка: Какая же тебе разница, коль ты не слыхал об Алине. А ведь я была совсем маленькой, и страстно верила и желала, чтобы сказка эта была обо мне, и что все-все-все, изложенное в ней, обязательно сбудется.

Орлов: Да о чем же сия противная побасенка?

Самозванка: Слушай, милый. Прекрасная Алина похищена алжирскими пиратами и продана ими в восточный сераль. Она попадает в сказочную Голконду, в царство золота и драгоценных камней, где, благодаря красоте, благородству и кротости, становится единственной правительницей, любимой миллионами подданных королевой. Но живя в благоденствии и правя по справедливости, она тоскует по далекой родине.

Орлов: И это все? Как можно это читать, и тем более любить? Ведь скучно до смерти, коль нет ни битв, ни сражений, ни драк.

Самозванка: Нет, это не все. В Париже в мою честь дали роскошные балы в Версале и показали оперу «Алина», где, дабы угодить мне, сказка выглядит совсем по-иному. В ней есть большой балет и много танцев, но главное – к голкондским берегам пристал французский фрегат, на котором прибыл возлюбленный Алины, генерал Сенфар.

Орлов: Генерал! Бьюсь об заклад, что он бросил бомбы в Голконду и освободил Алину.

Самозванка: Ну что ты, милый, совсем нет. Ведь он француз. Учтивый и обходительный галантный кавалер. Он совсем как ты! И потому – все, все сошлось. Завтра мы обвенчаемся, как в опере, и отправимся на милую, далекую родину.

Орлов: Что же за генерал Сенфар? Я никогда не слышал его имени. А самый искусный полководец у французов принц Мориц.

Самозванка: Ты дурак, Орлов. Ты болван! Ведь это восточная сказка, а не морской устав. Но ведь главное в том, что ждала я тебя на чужбине долго-долго, как Алина своего героя. И вот явился ты, как Сенфар сойдя с корабля, и так же подвергаем мы друг друга испытаниям любви и верности. Все сбылось!

Орлов: Да, сбылось.

Она притрагивается к Орлову.

Самозванка: Что-то холодно стало... Озябла я. Пойдем в постель, любовь моя.

Пойдем, и я одарю тебя неслыханной нежностью, тайны которой знаю лишь я одна.

Ведь я истинная королева сказочной Голконды.

Орлов: Ты поди, Лиза, а я побуду на воздухе. Мне надо подумать хорошенько, как исполнить все, нами задуманное, в самом лучше виде. Иди, любимая.

Самозванка: Запомни, адмирал! Я – королева голкондская, сказочного царства золота. Все, все будет нашим, моим и твоим, все богатства России. О, как давно я мечтала об этом! Скоро мы будем купаться в золоте, есть на золоте, спать на золоте. Я повелю покрыть себя и тебя толстым слоем золотой амальгамы. А сейчас жду тебя в постели, в нетерпении. Поторопись!

Они целуются, и Самозванка выходит. Орлов один.

Орлов: Святые праведники! Как мне устоять в своей любви к цесаревне и преданности престолу? Ведь это настоящая змея-искусительница! Ведь лишь только запела она, и голос ее проник в самую мою душу. И странные мысли начали бродить... Что если бежать с нею куда-нибудь? Может, взять ее на корабль, да не в Кронштадт, а махнуть куда-нибудь всей эскадрой... В далекую Голконду.

Нет! Нет, нет и нет. Изыди, сатана в юбке и бес без юбки! Сгинь прочь, нечистая сила. Хотя не ангел я, но все же чту всевышнего. И, кажется, стою я на самом краю бездонной пропасти. Сил моих больше нет. Святой Николае-угодник, добрый помощник и защитник моряка, дай мне силы выбраться из этого ада. Поддержи меня, бедного сиротинушку, не дай пойти ко дну на съедение сей хищной акуле. Ведь Господь знает, что она сделает в следующий миг, и в чем будет моя погибель. Спаси, Боже...

Раздается серебряный звон колокольчиков. Танцую, извиваясь, как змея, появляется закутанная в прозрачные покрывала Самозванка. Постепенно она сбрасывает их одно за другим и, наконец, танцует обнаженной. Пораженный, Орлов не может оторвать от нее глаз. Наконец, она падает ему на руки.

Орлов: Боже, Лиза, что это было? Пляска ли голкондская?

Самозванка: Нет, милый, не пляска голкондская, а танец прекрасной Саломии. Слышал о такой или читал о ней в морском уставе? Ведь она тоже мой кумир, мой идол, ибо была столь прекрасной, что оставила о себе добрую память на вечные времена.

Орлов: Саломии? Но к чему же она? Зачем? Почему?

Самозванка: Ты помнишь, любимый, что танец Саломии был столь чувственным, что царь Ирод Антипа поклялся исполнить ее любое желание?

Орлов словно загипнотизирован.

Орлов: Да, Лиза, помню.

Самозванка: Поклянись же ты также исполнить любое мое желание.

Орлов: Да, Лиза, клянусь.

Самозванка: Ты помнишь, что потребовала Саломия?

Орлов: Да, Лиза, помню. Голову Иоанна Крестителя.

Самозванка: Я требую того же, милый. И должен ты принести мне не прядь волос Таракановой, но твоими руками отсеченную голову.

Орлов: Что? Как ты можешь требовать этого, Лиза? К чему такая жестокость?

Самозванка: Не жестокость, а моя священная месть. Я велю тебе доставить мне свадебный подарок – голову моей племянницы на золотом подносе. И пусть потом ее хоть святой объявляют, ведь главное, она будет мертва. Ты поклялся, Орлов. Коль нарушишь клятву, так быть тебе завтра же прилюдно казненным. Помни, любимый – либо ее голова, либо висеть тебе на рее «Трех иерархов».

Орлов: Я не в силах этого исполнить. Казни меня сейчас же.

Самозванка: Боже, неужели ты столь немощен? Сейчас велю тебе взять меня на руки и отнести в покои, где доказать свою силу и выносливость. А утром – повенчаемся с богом.

Орлов берет Самозванку на руки и выносит. Дверь за ними закрывается, световая дорожка исчезает. Занавес падает.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ.

«Расплата»

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Комната Августы. Утро. Августа с распущенными волосами и в длинной ночной рубашке стоит на коленях перед образами. Тихо входит Иоанна, кланяется образам, открывает окна, затем подходит к Августе, крестит ее в спину и выходит. Затем осторожно входит Шувалов. Он вполголоса окликает дочь.

Шувалов: Ваше императорское высочество!.. Ваше высочество! Августа!

Из двери выглядывает Иоанна и машет ему рукой.

Иоанна: Отец!.. Батюшка... Поди, поди прочь, не буди нашего ангела. Поди-ка отсюда, изверг окаянный...

Шувалов выходит. За окном раздается хор матросов, поющих вполголоса.

Хор матросов о почивающей юной красавице Лизе

Не играй, зефир, листьями,
Перестань их колебать,
Погодите меж древами,
Птички, вы теперь порхать!..

Красно солнце, закатися
Или жар умерь ты свой,
В ближню рощу удалися,
Соловей, и тише пой!..

Не журчи, источник, боле,
Орошая сей лужок,

Пусть другое будет поле
Твой внимати быстрый ток...

Пусть безмолвье совершенно
Вся природа сохранит,
Место днесь сие священо,
Здесь прелестна Лиза спит...

Хор матросов стихает. Августа встает и с удивлением осматривается, затем подходит к окну и смотрит на море.

Августа: Уже утро. Как быстро промелькнула ночь. Такая мучительная ночь. Орлов – клятвопреступник. Я это знаю и чувствую наверняка. Я сама упала в его объятия, по своей воле. Сама! Желая познать незнаемое. И вот, теперь знаю, что все, что говорится в писании о грехопадении – все истинная правда. Права Иоанна. Грехи любезны доводят до бездны.

Но зачем же он поклялся, что любит только меня и будет верен мне? Ведь он, я знаю, я чувствую, я явно вижу это, сейчас, в этот миг ласкает эту падшую женщину, именующую себя моим именем. Впрочем, я тоже падшая. И негоже мне оскорблять ту, другую за желание любви. Что ему я, что она? Я сижу здесь под замком, в одиночестве, в уединении, и он не вправе похвастаться своею победой надо мною, слабой и убогой, ибо будет ему за то любая смерть. Зато самозванка, эта мое второе я – прекрасна, порочна и свободна, Орлов может блистать с нею перед тысячами завидующих горящих взоров. Да, тут он прав, и она сильнее и привлекательнее меня, слабой и убогой. В чем же еще различие между мной и ею? Все, все в нас то же самое, кроме одного – души. Но могу ли я представить ее страдания, через которые она прошла? В моем ли праве осуждать ее? Может быть, мне следует не проклинать, а молиться о спасении ее души? Как женщины и как соперницы, да. Я могу понять и простить ее. Но самозванство... Вот это – несмываемое преступление. Самозванство – это желание взять, присвоить себе то, что ей не принадлежит. Мое честное имя, и имя моей матери, и... И даже Орлова!

Орлов! Он клятвопреступник. И цареубийца. Ради своей выгоды ни душа его, ни рука его, ни сердце его не дрогнут. И ведь это я отлично знала сама. Я бы ни слова ему не сказала бы в укор, коль он взял бы меня, а затем отбыл к той, другой. Но он поклялся, и я его не остановила! Почему? Не остановила потому, что мне сладко было слышать его слова, сладко было пить этот яд из его лживых уст. Я ему позволила лгать, и в этом моя вина, вина только моя, не его. Ибо он лишь следовал своим инстинктам, но не разуму и не велению души. Ах, Боже! Вот что такое есть грех святотатства. Один не может остановиться, а другой не может остановить его. Господь велик, но слаб человек, а я есть самая презренная из грешниц, ибо живу, как в раю, а его не достойна.

И должна ли я презирать Орлова? Нет! Презрения достойна я сама. Себя я обманывать не могу.

И, ужас... Мой дорогой родитель... Ведь его сердце будет навсегда разбито. Хотя, он, конечно же, ничего не узнает. Но я ведь обязана доложить ему всю правду, ибо, если утаю, то грех мой возрастет многократно, а последствия его могут быть для отца моего самыми ужасными.

А вдруг...

Августа хватается за сердце, затем кладет руку на живот.

Вдруг я понесу?... О, ужас! Я этого не перенесу.

Августа подбегает к образам и падает на колени. За окном матросы по-прежнему поют гимн. Снова входит Шувалов. В руках его пышный букет ярких роз.

Шувалов: Ваше императорское высочество... Дорогая Августа!

Августа поднимается с колен. Шувалов с радостью устремляется к ней.

Августа: Простите меня, батюшка, за треволнения, которые я доставила вам своим безумным характером. Словно недобрый стих иногда на меня находит.

Шувалов: Ну что вы, ваше высочество, какой стих, какие треволнения? Самое доброе вам утро! Хотя вы изволили совсем не спать этой ночью. Ни на миг единственный не сомкнули свои прекрасные небесно-голубые очи. Не желаете ли отдохнуть сейчас? И вот... Окажите милость, полюбуйтесь этим чудесным букетом. Свежесрезанный. Ах, какой свежий аромат. Божественный средиземноморский парфюм.

Августа: Ах, батюшка, спасибо вам, но не спалось мне всю ночь. Вспоминала я любимую матушку. Сейчас уже все хорошо, и по-прежнему я ваша любящая и верная дочь.

Шувалов: Осмелюсь доложить вам, что, несмотря на рань, прибыл маэстро Чимарозо и настоятельно просит вас принять его.

Августа: Чимарозо! Мой учитель Дементий. Я ждала его. Пусть немедленно войдет. И, пожалуйста, позаботьтесь об его завтраке.

С поклоном Шувалов выходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Вбегает Чимарозо и падает перед Августой на колени, опустив голову.

Августа: Дементий, что с вами? Здоровы ли вы?

Чимарозо: О, ваше императорское высочество принчипесса...

Августа: Почему же вы снова называете меня высочеством? Боже, что с вами случилось?

Чимарозо показывает крест на свисающей с шеи золотой цепи.

Чимарозо: Принчипесса, я теперь рыцарь. Я больше недостоин вашего внимания!

В замешательстве Августа подходит и рассматривает крест.

Августа: Орден... Святая... Божественная... Августейшая... Елисавета... Храни... Спаси... Иисус Христос... Боже, что же это? Дементий, где вы это взяли?

Чимарозо: Она посвятила меня в рыцари своего императорского ордена. Теперь этот крест жжет мне сердце, а цепь гнетет шею. Ах, зачем, зачем же я вернулся к ней?

Августа: Дементий, объясните мне, где вы были и что с вами стряслось? И, пожалуйста, по-прежнему зовите меня Елисаветой. Елисаветой?.. Боже мой. Какая дерзость!

Чимарозо: Это ведь лишь по вашей высочайшей просьбе я отправился к донне Велате.

Августа: Дальше! Продолжайте дальше, Дементий.

Чимарозо: По вашей настоятельной просьбе я преподнес ей сонату...

Августа: И?..

Чимарозо: И она посвятила меня в рыцари своего преступного ордена.

Августа: И?..

Чимарозо: А затем, вдобавок, назначила придворным композитором и капельмейстером.

Августа: Придворным?.. Что за двор?

Чимарозо: В Санкт-Петербурге.

Августа: Боже мой! Как? Невозможно в это поверить. Как она смеет?

Чимарозо: Я словно бы в аду побывал. И, знаете что... Она запела. Именно так пели сирены Одиссею, от того позабывшему все на свете. И я бы тоже пропал, но этот рыцарский крест жег мне грудь. Как бы ни был он преступен, но вознес я его над собою и вскричал – помоги мне, господа!

Августа: Невероятно. Поскорее спрячьте этот безбожный крест, Дементий, дабы вас не арестовали и не отослали в кандалах в Петербург с обвинениями в заговоре против российского престола.

Дрожащими руками Чимарозо снимает цепь и прячет далеко за пазуху.

Чимарозо: По-правде, следовало бы арестовать весь русский флот. А адмирала немедленно предать самой-самой жестокой казни. Адмирала Орлова нужно изжарить живьем и порубить на мелкие кусочки.

Августа: Почему же это? За что?

Чимарозо: Адмирал нанес донне Велате официальный визит и назвал ее законной наследницей, а корабли салютовали сто одним залпом и затем пускали фейерверки до поздней ночи.

Августа: Успокойтесь, Дементий. Флот слепо предан престолу. Это была лишь игра по захвату донны Велаты.

Чимарозо: Нет, ваше императорское высочество. Адмирал изменил вашей государыне. Он остался у донны Велаты на всю ночь. Мне было велено до самой зари играть под ее балконом самые чувственные сонаты. Только аморозо! И танец семи покрывал беспутной Саломии.

Августа: Почему же Саломии, Дементий? Ведь то не христианская музыка и отвратна нашему господу.

Чимарозо: Сие мне не ведомо, милостивая принчипесса. Я играл на клавишине, а русские матросы звенели серебряными колокольчиками и стучали деревянными ложками.

Августа: Это тоже была игра, хитрый замысел. Ведь адмирал Орлов не пропускает ни одной юбки, поверьте мне, Дементий. Таков уж он молодец.

Чимарозо: А на утро русский адмирал женился на донне Велате.

Августа: Вот этого не может быть. Это неправда, Дементий, этому я не верю.

Чимарозо: О, принчипесса! С раннего утра набережная Неаполя была усыпана народом. Под пушечную пальбу донну Велату в золотом кресле подняли на борт флагманского корабля, где на верхней палубе был произведен обряд венчания. Сотни лодок окружили русские корабли. Неаполитанцы преподнесли новобрачным корзины цветов, а в ответ им спустили угощение. На набережную доставили бочки с царской водкой, и город огласился криками «Да здравствует Елисавета!» и «Да здравствует адмирал Орлов!» Весь Неаполь пьян и возбужден, сиятельная принчипесса.

Августа: Теперь я вам верю. Вы правы, адмирал Орлов клятвопреступник и цареубийца.

Чимарозо: Донна Велата это дьявол, принчипесса. Любой, даже самый праведный, кто взглянет в ее зеленые глаза, немедленно забывает свой долг и предает святыни. А как она поет! Так люди не поют, это недоступно человеческим возможностям. В ней я вижу погибель мира.

Августа: Похоже, что это так. Дементий. Мне необходимо прийти в себя от новостей, принесенных вами. Прошу вас, присядьте в это кресло и подождите. И ни в коем случае не отходите от меня, чтобы не быть арестованным.

Августа подходит к окну и замирает в размышлениях. Чимарозо садится подле клавишны и напряженно ждет.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

За окном раздается протяжный крик.

Вахтенный: Зюйд-ост-ост!.. Вижу паруса эскадры!..

Раздаются свистки и топот бегущих ног, коротко и звонко поет горн. Августа подбегает к окну.

Августа: Вахтенный! Что там? Почему шум?

В дверь вбегает матрос в белой форменке, козыряет и замирает.

Августа: Что за суматоха, любезный?

Вахтенный: Ваше императорское высочество! От Неаполя на всех парусах приближаются две колонны. Наша левая в порядке из пяти кораблей и двух фрегатов во главе с «Иерархами» под флагом его сиятельства адмирала Орлова. Эскадра расцвечена флагами и выпелами. Параллельным курсом в двух кабельтовых по левому борту ее сопровождают англичане.

Августа: Что делают англичане? Почему англичане?

Вахтенный: Не могу знать, матушка. Наши беспрестанно палят обоими бортами, англичане не отвечают.

Августа срывает розу и подает Вахтенному.

Августа: Хорошо, спасибо вам. Немедленно докладывайте обо всех маневрах.

Вахтенный: Слушаюсь, матушка!

Вахтенный берет цветок, целует руку Августы и пулей вылетает. Входит Шувалов с длинной подозрительной трубой в руках, которую наводит на море.

Шувалов: Ваше высочество, на горизонте эскадра Орлова. Посмотрим этот парад. Граф большой мастак устраивать зрелища. Красиво идут! Словно на императорском смотре в Ораниенбауме.

Августа: Батюшка, вы считаете, что это какая-то игра? Или дело серьезное, и эскадры будут драться?

Шувалов: Несомненно, ваше высочество, тут кроется большая политическая комбинация. Не думаю, что дело дойдет до стрельбы, ведь у англичан пороха не хватит остановить Орлова. Наши пушки тоже заряжены. По периметру виллы установили единороги, а на крышу подняли карронады. Еще я припас для англичан невиданный ими сюрприз – двухпудовые гаубицы. Пороху, ядер и картечи достаток. С радостью обстреляем британца. Чтобы неповадно было.

Августа: Отец, вы слышали последние новости из Неаполя?

Шувалов: Да, ваше высочество. У Орлова невиданный праздник. Ведь даже Чесму так не справлял. Граф Орлов объявил регату и парад Средиземноморской эскадры в присутствии дипломатического корпуса и всех подданных неаполитанского королевства.

Августа: Значит, все было заранее известно?

Шувалов: Да, ваше высочество. Орел птица царская. Алексей Григорьевич энергично исполняет высочайшее повеление захватить дерзкую самозванку.

Августа: А вам, отец, известно о венчании Орлова с этой дерзкой преступной особой?

Шувалов: О венчании? Признаться, нет. Ох, и хитер Орлов. Изобретателен. Вот же настоящий шельма. Алексей Григорьевич кого угодно проведет.

Шувалов снова направляет трубу на море.

Вахтенный: Ваше императорское высочество! Дистанция десять кабельтов!..

Шувалов: Вахтенный, читай семафор!

Вахтенный: Слава расейскому флоту! Слава Елисавете! С нами бог!

Шувалов: Это шифр. Она схвачена. Вахтенный, спроси адмирала, как самочувствие принцессы?

Они напряженно ждут. Вахтенный протяжно докладывает.

Вахтенный: Слава богу... Слава вам... Ее императорское высочество... В добром... Здравии... Изволит пребывать... И благословляет... Расейский флот... И выражает... Высочайшую благодарность... Всем истинно преданным... Офицерам и нижним чинам!.. Британской эскадре... Ее высочество... Принцесса Елисавета... Выражает... Высочайшую признательность... И просит... Изменить... Галс... Спасибо... За участие... В регате!..

Шувалов: Все как по нотам. Орлов великий композитор морских сонат. Ну прямо маэстро Паисиелло. Мастак. Ай да мастак! Чесменский победитель. А уж безумную девицу-то обведет вокруг пальца как неразумное дитя.

Августа: Неужели сейчас мне доведется увидеть эту Велату?

Шувалов: Ваше высочество! Наша эскадра маневрирует. А англичане сменили галс и... Англичане делают поворот оверштаг. Англичане ложатся на обратный курс на Неаполь.

Вахтенный: Ваше императорское высочество! Англичане салютуют флагом! Наши легли в дрейф, якоря не бросают!.. «Иерарх» спускает шлюпку!..

Шувалов: Кто в шлюпке? Кто на верхней палубе?

Он наводит трубу. Раздается дальний залп, затем дружные крики «Ура!»

Вахтенный: Его светлость адмирал российского флота граф Орлов изволит пребывать в полном парадном мундире при лентах, орденах и шпаге. Его светлость изволит спускаться по трапу!

Шувалов: А Грейг?.. Вахтенный! Ты видишь особ женского полу?

Вахтенный: Адмирал Грейг на юте в парадном мундире при лентах и золотой шпаге. Адмирал Грейг отдает распоряжения! Посторонних особ на верхней палубе не видно!

Августа: Слава богу, ведь ее присутствия я бы не перенесла.

Шувалов: Ну что же, подождем-с.

Августа берет у него трубу, смотрит в нее, затем треплет свои волосы.

Августа: В монастырь... Только в Иоанновский.

Шувалов: Вы что-то изволили сказать, Августа?

Августа: Нет-нет, батюшка. А впрочем... Расскажите мне о подвиге старицы Досифеи Китайгородской.

Шувалов: О старице Досифее? Боже, ваше высочество, вы изволите шутить надо мною.

Августа: Отец, расскажите, умоляю вас.

Шувалов: Но ведь сто раз рассказывал, а сейчас такой неподходящий момент.

Августа: Самый подходящий. Я велю вам!

Шувалов: Кхм... Кхе-кхе... Простите меня, Августа. Не извольте так сердиться. На вас лица нет. Виноват...

Августа: Говорите же!

Шувалов: Сейчас, сейчас, дорогая доченька. Не извольте гневаться на меня, старика. Ваша августейшая матушка, Августа, была праведной и богомольной, и больше всего в жизни после танцев любила она поговорить с людьми духовного сана и совершать паломничества по монастырям, приглашать и беседовать со странниками и подвижниками. И лишь один подвижник не явился на ее зов.

Августа: Мнимый старец Досифей.

Шувалов: Да, матушка моя, вы сами прекрасно знаете. То была знатного звания девица, скрывавшая под рясою свой пол. Воспитывалась она в малых годах своею теткой монахиней при Новодевичьем монастыре, с детства ела черствый хлеб и пила только ржавую воду. Спала девочка только на голых нетесаных досках. Читала только псалтырь и святые жития. А когда пришло ее время на выданье, то вернули ее в отчий дом, где противна ей была роскошь и ничего неделанье. И в самую ночь перед свадьбой сбежала она, переодевшись в мужскую одежду. Долго скиталась она по монастырям, нигде надолго не задерживаясь, пока не вырыла руками келью-пещеру на Китай-горе да под Киевом. Имя она взяла Досифей, и вскоре по всей России пошла слава о пещерном пустыннике, никого до себя не допускающего и творящего великий подвиг во славу господина. Потому твоя матушка призвала к себе Досифея, но ответа не было. И собрались тогда мы с императрицей в Киев, долго лезли на карачках на Китай-гору. Ваша матушка была единственным живым существом, кого видел сей старец за долгие годы подвига.

Августа: И, батюшка... Расскажите-ка вы самое главное.

Шувалов: И после того изволили милостиво появиться на божий свет вы, словно ясное солнце, словно небесный ангел...

Августа: Ах, не об этом я вовсе, батюшка!

Шувалов: Кхм... Кхе...Ваша матушка пожелала одарить подвижника златом, но он не принял подношения, и даже не позволил мне внести деньги в пещеру. Пришлось высыпать монеты на землю у входа в подземелье. Говорят, что сей праведный Досифей повелел монахам забрать деньги, и на них был возведен храм.

Августа: Сие мне хорошо ведомо, и не об этом прошу вас вспомнить.

Шувалов: О чем же вам угодно еще спросить? Ведь вы все знаете наизусть.

Августа: Я спрашиваю о том, что был ли старец Досифей действительно девицей?

Шувалов: Истинно так, Августа. Вот вам крест, как на духу.

Августа: Так значит, девица тоже может во имя всевышнего господа свершить молитвенный подвиг?

Шувалов: Кхм... К чему вы изволите сие спрашивать, Елисавета Иоанновна, сиречь Августа Матвеевна, как высочайше велено мне именовать вас?

Августа: Ах, не спрашивайте меня.

Снова раздается бортовой залп.

Вахтенный: Его светлость адмирал граф Орлов изволит причалить!

Шувалов: Вахтенный, а почему наши пушки молчат? Почему нет салюта?

Раздается оглушительный залп, все застилает густым едким дымом. Шувалов кашляет и обмахивает Августу своей шляпой.

Шувалов: Ну, слава богу, знатно пальнули, аж в голове звон. Как вы, Августа, небось, тоже совсем оглохли? Сейчас сам новобрачный явится. Вам следовало бы облачиться, ведь негоже встречать адмирала в пеньюаре.

Августа: Ах, действительно. Извините меня, отец. Дорогой маэстро Чимарозо, вам лучше подождать в соседней зале.

Августа выходит. Чимарозо кланяется Шувалову и следует за ней.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

За окном слышны громовое «Ура!» и три пушечных залпа. Входят Орлов, Рибас и Войнович. Хор матросов вполголоса исполняет гимн о быстром младом орле.

Шувалов: Любезнейший граф, вы выглядите свежим огурчиком. Милости прошу вас – дорогой гость хозяину почесть.

Орлов: Слава богу, Иван Иванович, дело сделано. Орлы мух не ловят.

Орлов снимает шляпу и передает Рибасу.

Шувалов: Ох уж, и изобретательны вы, граф. С вами в карты играть не садись – надуете. А что делали англичане, почему они сопровождали вас?

Орлов: Бог их знает, сердешных. Такое уж это подозрительное племя британцы, прости их господа. Лорд Гамильтон, посол при неаполитанском дворе, повелел своей эскадре воспрепятствовать аресту известной вам преступной особы. Пришлось устроить большой огненный машкерад. Наши канониры с радостью устроили пальбу и салютом опалили паруса англичан, из-за чего они не смогли во время сняться с якорей. Пришлось им замешкаться, пришлось побегать, поскакать по реям словно обезьяны.

Шувалов: Где же воровка, причина вашего карнавала, граф?

Орлов: Сия вавилонская блудница арестована вместе с сопровождавшими ее лицами. Для заману ее пришлось мне ожениться и из пушек палить. А как святой обряд произвели, так я тихо удалился, а ей передали, будто бы Грейг арестовал меня за измену. Почувствовав западню, она попыталась выброситься за борт, но Рибас ухватил ее за ноги и спас для предания справедливому суду. Грейгу велено не спускать с нее глаз. Весьма отчаянная особа. Опасная и непредсказуемая. Чуть не откусила палец Рибасу, а Войновичу намеревалась выткнуть глаз.

Шувалов: А польские магнаты Радзивилл и Огинский?

Орлов: О, ваша светлость, то не столь важные преступные персоны. Радзивилл, как мною установлено, намеревался бракосочетаться с сей девицей, дабы предъявить права на российский престол. А Огинский просто влюблен в нее, ведь он поэт. Он посвящает ей глупые оды и бессмысленные песни. Говорят, некоторое время он был ее любовником, но она дала ему отставку, позволяя лишь ежедневно сочинять стихотворные восхваления. Дьявол Рибас и черт Войнович сбросили обоих панов за борт, дабы охладиться и подумали о своих подлютах супротив российского престола.

Шувалов: Почему же вы не заковали их в железо?

Орлов: Я имею высочайшее повеление только насчет девицы с ближайшими лицами, Иван Иванович. А для шляхты у меня на борту нет хлеба, пусть кормятся сами. Нам они не опасны, потому что имения их изъяты, отчего они в нужде прозябают.

Шувалов: Ах, Алексей Григорьевич, я вас поздравляю. Государыня по-царски вознаградит вас за усердие. Я немедленно отправлю в Петербург письмо с подробным докладом.

Орлов: Спасибо, дорогой друг. Мы слуги царские, и деяния наши должны способствовать укреплению силы и славы государства. Не забудьте приписать об отчаянных смельчаках капитан-лейтенанте Войновиче, сербе, и лейтенанте Рибасе неустановленной национальности.

Шувалов: Непременно, Алексей Григорьевич. Бойкую вы набрали команду. А почему эскадра легла в дрейф? Иль вы намерены отбыть немедленно?

Орлов: Да-с, Иван Иванович. Не могу медлить ни часа. Гибралтар следует миновать, пока англичане не опомнились. Давеча от них отделился бриг и на всех парусах поспешил с донесением на вест. Не стоит терять времени, а надобно как можно скорее выйти в Атлантику. Будем прорываться через Гибралтар с открытыми пушечными портами. Пусть нарвутся на кулак своими рылами.

Шувалов: Вы считаете, что Англия так близко принимает судьбу этой наглой безродной побродяжки?

Орлов: Все, что в ущерб российским интересам, есть в радость и к выгоде британской империи. Коль встретим их флот у Дувра, то придется уклониться и идти в Архангельск. А для того у нас недостаточно припасов. Надо надеяться, что наш посол в Лондоне сможет утрясти все недоразумения.

Шувалов: Вы правы, Алексей Григорьевич. Я пошлю донесение в Лондон.

Сейчас же отправлю курьера с повелением гнать лошадей безостановочно.

Орлов: При любой же угрозе захвата пленницы, мне велено выбросить ее за борт с камнем на шее. Корабль же государыня велела взорвать, чтобы никаких следов преступницы не осталось, и в том приведены к присяге все офицеры и нижние чины эскадры.

Шувалов: Не приведи, господи, до крайностей, дорогой граф.

Орлов: Мы уж за ней присмотрим, глаз не спустим со злодейки. Что ж, батюшка вы мой Иван Иванович, позвольте откланяться вам. Хотелось бы у вас попить, да пора снова воевать.

Шувалов: Попутного ветра, любезной Алексей Григорьевич. Семь футов под килем! Держите порох сухим. Коль надо, могу одолжить дюжину дальнобойных единорогов.

Орлов: Спасибо, Иван Иванович. Хорошо бы, да нет времени. Коль разрифим паруса, то британцы вмиг отстанут, ибо у них на борту провизии и припасов меньше нашего. С богом, Иван Иванович, прощайте!

Орлов, Рибас и Войнович откланиваются, Шувалов крестит их.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

В дверях появляется Августа. Все низко склоняются перед нею.

Августа: Господа! Поздравляю вас с выполнением вашей миссии.

Орлов: С божией помощью и во славу российского престола, ваше императорское высочество.

Шувалов: Мы за вас, Алексей Григорьевич, пудовую свечку поставим, чтобы кораблики ваши до дому катились как по маслицу.

Августа: Граф Орлов, значит, вы с эскадрой отбываете немедленно?

Орлов: Так точно, ваше императорское высочество. Во исполнение приказа ее императорского величества.

Августа: Вы не желаете доложить мне о вашей операции. Почему же? Ведь дело напрямую связано со мною.

Орлов: Увы, ваше императорское высочество, горе мне. Сие есть строжайшая государственная тайна. Я немедленно поднимаю паруса и отбываю в Петербург. Как изволил повелеть ваш великий дед император всероссийский Петр Алексеевич – говори кратко, проси мало, уходи борзо.

Августа: Тогда бог в помощь вам, граф Орлов. Пожалуйста, от моего имени объявите благодарность эскадре. Попутного ветра!

Орлов: Впрочем... Ваше императорское высочество, у меня есть к вам поручение.

Августа: Докладывайте.

Орлов: Дозволите ли вы на минуту остаться с вами с глазу на глаз?

Шувалов и офицеры низко кланяются и выходят.

Августа: Мы одни. Я вас слушаю, любезной граф.

Орлов: Ваше императорское высочество! Милостиво умоляю вас...

Августа жестом прерывает его.

Августа: Говорите по делу.

Орлов: Должен донести до вашего сведения, что известная вам преступная особа замышляла злодейское, мерзкое покушение на вашу бесценную жизнь.

Орлов снимает с пальца большой перстень.

Орлов: Под камнем кольца смертельный восточный яд, который она подговаривала меня подсыпать вам в яства. Следует ли мне присовокупить сие посягательство на вашу жизнь к делу подлой самозванки?

Августа: Вот как?.. Вчера у вас этого кольца не было, и я уж подумала, что оно обручальное.

Орлов: Как вы можете так помыслить, ваше императорское высочество? Я всецело предан только вам одной.

Августа: А сладки ли объятия самозванки? Глубоки ли ее зеленые глаза, столь смертельные для любого существа мужеского пола?

Орлов: О, боже.

Августа: Вы мне клялись, хоть я вас и не просила о такой чести. Отдайте мне это кольцо и навсегда позабудьте о моей особе. Уж я сама решу, отравиться мне или нет. Клятвопреступник и царевубийца.

Орлов падает на колени.

Орлов: Ваше императорское высочество! Лиза...

Августа: Лиза? Вы нагло смеете меня называть Лизой? Именовали ли вы, граф, лаская этой ночью, так же и самозванку

Лизой? И, небось, пели дуэтом. Я слышала, что у преступницы самый чарующий тембр, заставляющих смертных позабыть обо всем на свете.

Орлов: О, ваше высочество, не будьте так жестоки. Ни на миг я не мог позабыть ваши красоту, стать и милость.

Августа: Вы слепое орудие в руках государыни. И, исполняя царскую волю, вы слишком быстро забываете об ином, высшем долге. О своем долге перед всевышним, именем которого вы легко расточаете свои коварные клятвы.

Орлов: Ваше высочество, вы убиваете меня.

Августа берет перстень и, не сводя глаз с Орлова, надевает себе на палец.

Августа: Граф Орлов, ваше место подле вашей повелительницы российской государыни. Не смейте больше являться передо мною. Счастливого вам плаванья, и ни на миг не спускайте глаз с доверенной вашей опеке особы. Я позволяю вам наполнить ее последние дни радостью и счастьем. Но только не вздумайте исполнять ей гимн в честь юной красавицы Лизы. Кстати, был ли соблазнитель танец Саломии?

Орлов: Боже и праведники... Сия преступница повелела мне доставить вашу голову.

Августа выдергивает из-за пояса Орлова богато украшенный камнями кинжал.

Августа: Мою голову? Вот смертельное жало! Сделайте милость, освободите меня от сего грешного мира. Рубите и доставьте своей любимой! Я простила ее, я все простила ей. Я желаю ей счастья и вас умоляю скрасить последние дни ее жизни, ныне висящей на тонком волоске.

Августа откидывает волосы набок и, склонив голову, протягивает кинжал Орлову. Тот, обхватив голову руками, стремительно выбегает. Занавес падает. Хор матросов постепенно стихает.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Через четыре месяца. Царские покои в Коломенском. Екатерина, в золотом платье и с Андреевской лентой через плечо, разбирает бумаги. Евдокия играет на клавесине.

Екатерина: Ты что играешь, милая? Иль зубы болят? Так я позову зубодера.

Евдокия: Простите, матушка Екатерина Алексеевна. Это новая модная парижская ария.

Екатерина: Это кто же к нам из Парижу заявился?

Евдокия: Не из Парижу, ваше величество. Новый капельмейстер Паисиелло очень услужлив. Он и снабдил меня этой чудесной музыкой.

Екатерина: Паисиелло?

Евдокия: Так точно, ваше величество. Иван Иванович Паисиелло. И музыка эта прекрасна.

Екатерина: Ну так играй, а не страдай. И спой.

Евдокия: «Алина, царица голкондская».

В одной стране с тобою,
Пастушкою простою
Родилась я на свете
Пятнадцати быв лет, Любовь я презирала
И... вдруг скучать всем стала,
Бежала пастухов,
Скрывалась в глушь лесов,
Но видела везде любовь...

Екатерина: Так и знала, что в твоей прелестной головке лишь амуры кружатся.

Евдокия: Так ведь это опера, ваше величество.

Екатерина: Именно что опера. Опера есть музыка величественная, и должна воспевать высокие чувства, а не пастушеские пасторали. А выписала сего Паисиелло для переложения на музыку царских деяний. Ведь воспел он подвиги Александра Македонского, и потому повелела я ему основать у нас новую традицию пения на театрах о славе российской земли. О Минине с Пожарским, о святом князе русской земли Александре Невском.

Евдокия: Не извольте гневаться, матушка Екатерина Алексеевна, ведь сию арию я выпросила лишь спеть перед московской родней. Ведь ждали они меня, и следовало показать им, чему научилась в Северной Пальмире.

Екатерина: А как твои бабки поживают? Не грешат ли, старые? Ведь твоя бабка Прасковья урожденная Милославская?

Евдокия: Точно так, матушка. Кроме нее все нарышкинские старушки. Живут не тужат, ваше величество, и об вашем здравии земные поклоны кладут.

Екатерина: Небось, целыми днями молятся, да жрут, да сплетничают.

Евдокия: Ничего не поделаешь, матушка Екатерина Алексеевна, ведь Москва же.

Екатерина: А о чем сплетничают?

Евдокия: О его светлости графе Алексее Григорьевиче. Говорят, что связался он в неметчине со страшной злою колдуньей, что та опоила его дьявольским снадобьем, и он сейчас неспособен по мужеской части. И потому не любимыми своими игрищами занят, а целыми днями ворон стреляет. Палит из пистолета и ружья прямо по маковкам Донского монастыря. Бабки шепчутся, что должен он пристрелить самую главную Ворон-царицу, и тогда спадут с него дьявольские чары, и он опять забренчит на своей гитаре в угождение женскому полу.

Екатерина: Верно, верно бабки московские говорят. И откуда все знают-то?

Евдокия: Бабка Прасковья Борисовна то в Рождественской церкви слышала. Пришла со службы и беспрестанно крестится. Чур меня, чур злое воронье, приговаривая.

Екатерина: Рождества пресвятой богородицы Зачатьевского монастыря, ведь там она поклоны кладет? Ну и Москва, старая богомольная столица. Ведь коль не нагрешат бабки, так замаливать нечего. А сама-то что думаешь об Орлове, милая?

Евдокия: Я-то, матушка? Я думаю, что страшный он. Аки библейский зверь.

Екатерина: Это граф Орлов страшный? Да он первый красавец империи.

Евдокия: Вот и я говорю, матушка, – первый он красавец, и потому страшный. Приснилось мне, что не ворон он стреляет, а младенцев, и по ночам пожирает их. В глазах его пламень, а шрам на лбу есть печать нечистого. Страшно мне, матушка государыня, жутко мне. Почто господь посылает мне такие сны?

Екатерина: Ну и дура, вот так дура. Шрам потому, что он воин, а не баба. И сны твои такие потому, что кровь бурлит, пора тебе замуж, да рожать младенцев. Пошла бы за него? Ведь Алехан холостяк, а тебе самая пора – ты девка в самом соку. Империи воины нужны, защитники.

Евдокия: Замуж за Алексея Григорьевича? Упаси меня, господи, ведь я сразу со страха помру насмерть. Пощадите меня, матушка Екатерина Алексеевна, не губите мою молодость.

Евдокия падает на колени и крестится на угол с образами.

Екатерина: Дура ты, милая моя. Поешь о пастушках, в голове только любовь, о счастье мечтаешь. А как знатный жених явился, так помирать собралась. Поди прочь, поостынь, ополоснись холодной водой. И позови канцлера.

Евдокия выходит. Тихо появляется Панин с большой папкой под мышкой.

Екатерина: Есть новости? Что о самозваной блуднице?

Панин: От фельдмаршала Голицына о ней рапорт, ваше величество. От канцлера Шувалова письмо. Орлов третий день ждет высочайшей аудиенции. Адмирал Грейг умоляет отпустить его к флоту. Говорит он, что не может жить в Москве. Ему морской качки не хватает, на суше спотыкается, словно старый конь.

Екатерина: Орлов пьянствует?

Панин: Пьет в черную, устраивает кулачные бои на лугу и стреляет ворон вокруг Донского монастыря. Обыватель опасается проезжать мимо его дома в Шаболовской слободе.

Екатерина: Что так?

Панин: Плачется, что вы, матушка, его до руки не допускаете. Пьет и палит беспрерывно.

Екатерина: Ну что ж, пусть еще поплачется. Авось, перестреляет воронье московское, все же дело нам удобное. Коль подстрелит Ворон-царицу, так набить тушку соломой и послать в кунсткамеру. А Самуила Карловича Грейга отпустить, назначив комендантом Кронштадта. Давеча он развеселил меня, рассказав, как самозванка возвела лейтенанта Рибаса в адмиралы и назначила на Кронштадт, пожелав заточить меня в Кронштадте. Экая неслыханная наглость. Передай еще Грейгу, что как только вернусь в Пальмиру, так самолично буду в Кронштадте. Пусть готовит угощение на пущечной палубе.

Панин: Слушаюсь, ваше величество. А лейтенанта Рибаса тоже следует наградить. Он отличился преданностью, отчаянной ловкостью и дьявольской изобретательностью, ваше величество. Во всех донесениях и рапортах так и отмечено: он дьявол в человеческом облики. Одно слово – гишпанец.

Екатерина: Сие мне ведомо, Никита Иванович. Присвоить ему звание капитана и женить на русской дворянке. В средиземноморскую эскадру не отпускать, а послать на юг к Румянцеву. Против турок нужны изобретатели, а особливо гишпанския дьяволы. Где рапорт Голицына?

Панин подает бумаги, Екатерина читает его.

Панин: Курьер за полночь прибыл, будить вас не стали. Пленницу Грейг сдал фельдмаршалу князю Голицыну по предъявления вашего именного повеления. Из Кронштадта она ночью тайно доставлена на императорской яхте в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. Голицын прислал рапорт о первом допросе самозванки от 26 мая. Имя так и не назвала. Откуда родом тоже неясно.

Екатерина: Безумная!.. Безумная. Эта воровка продолжает играть свою комедию. Нагло подписалась Елисаветой. Пиши князю Голицыну. *(Диктует.)*

«Передайте пленнице, что она может облегчить свою участь одною лишь безусловною откровенностью и также совершенным отказом от разыгрываемой ею доселе безумной комедии, в продолжение которой она вторично осмелилась подписаться Елисаветой. Примите в отношении к ней надлежащие меры строгости, чтобы наконец ее образумить, потому что наглость письма ее ко мне выходит из всяких возможных пределов». Написал?

Панин: Да-с, матушка, написал.

Екатерина: Припиши от себя, чтобы отобрали все предметы, которыми она может себе навредить, и отправь. Что еще о ней?

Панин: Фельдмаршал передал ей книги. По-русски она не понимает. По-аглички, французски, немецки и польски читает легко. По-персидски прочесть не смогла, хоть уверяет, что бегло говорит на всех восточных языках.

Екатерина: Значит, Голицын уличил ее во лжи?

Панин: Никак нет, матушка. Фельдмаршалу она сказала, что книга написана столь безграмотно, что понять ее она не в состоянии и что автор книги самозванец и лгун. А книга та есть «Аль-Коран» аравлянина Магомета.

Екатерина: Знамо, нахалка. Это все о ней?

Панин: Никак нет, матушка. Просит доставить ей клавесин.

Екатерина: Что? Клавесин? Господи, для чего ей клавесин в Алексеевском равелине? Ведь в холодном каземате одни крысы ей сотоварищи. Поди, здоровые грызуны, словно боровы, и музыке не обучены.

Панин достает из папки нотный манускрипт.

Панин: Воровка имеет намерение играть сонату.

Екатерина: Она совсем рехнулась. «Соната ля минор. Прекраснейшей из прекраснейших, сверкающей Полярной звезде, юной русской принципессе Елисавете. Маэстро Чимарозо». Это кто таков сей Чимарозо?

Панин: Начинающий неаполитанский композитор двадцати пяти лет от роду, автор двух комических опер.

Екатерина: Еще один любитель тайных заговоров и дворцовых переворотов?

Чей он протеже? Арестован ли?

Панин: Он невиновен, ваше величество. Если позволите, то о нем чуть позже.

Екатерина откладывает сонату в сторону.

Екатерина: Что еще о подлой обманщице?

Панин: Фельдмаршал доносит, что воровка беременная.

Екатерина: С этой любительницы удовольствий станется. Известно, от кого?

Панин: Она сама уверяет, что от графа Алексея Григорьевича Орлова.

Екатерина: Да ну? Горазда она врать, был бы слушатель.

Панин: Утверждает, что понести могла лишь по большой любви, и что до Орлова никого не любила, а лишь баловалась. И что провела она с ним лишь одну ночь.

Екатерина: Да... Орлов мастер на такие дела. Плодит, кобель, направо и налево, а мне расхлебывать.

Панин: Это не самая большая новость, ваше величество.

Екатерина: Ну что там еще напридумала эта безумная? Надоело уже слушать ее капризы. Грейгу следовало бы утопить ее в Атлантике. Якорь на шею, да в пучину.

Панин: Новость, матушка моя, от нашего италианского посланника Ивана Ивановича Шувалова.

Екатерина: От кого? О самозванке от Шувалова? Это что-то новое, ведь вроде давно уже все написал. Ну, обрадуй меня, Никита Иванович.

Панин: Любезной Иван Иванович пишет, что недоглядел, и вверенная его попечению благодетельная девица Августа Драганова беременная.

Екатерина: Что?.. Что ты сказал, подлый? Кто посмел? Заговор против меня? Всех, всех велю удавить. Всех на дыбу. В Сибирь!..

Она бьет Панина по лицу, тот роняет папку и со страхом мнетя с ноги на ногу.

Панин: Шувалов пишет, что сия праведная девица призналась ему, что провела одну ночь с графом Алексеем Григорьевичем. Вернее, не ночь, а лишь полчаса.

Екатерина: С Алеханом?

Панин: Увы...

Он осторожно поднимает папку.

Екатерина: Казнить Орлова. Немедленно! И вели притащить всех братьев, пусть любят.

Панин: Матушка... Да как же это возможно? За что же казнить Орлова? Ведь Алексея Григорьевича по-царски наградить следует. Надо бы лишь выбрать момент, когда он ворон перестреляет да немножко протрезвеет.

Екатерина: Наградить? Да ты в своем уме, Никита Иванович? Где письмо от Шувалова? (*Берет письмо и читает.*) Ты сам читал это?

Панин: Да, матушка...

Екатерина: Иван Иванович просит простить ее. Но ведь как простить? Бог с нею, с безумной самозванкой и ее подлым плодом, можно удавить обоих, да и дело с концом. Но это известие! Ведь теперь дитя это, царских кровей, носимое дочерью блаженной памяти императрицы Елисаветы Петровны, неожиданно и нежданно становится на пути российского престолонаследия.

Панин: К письму Шувалова приложено обстоятельное собственноручное письмо от девицы Драгановой.

Он подает письмо, которое Екатерина внимательно читает.

Екатерина: Удивительно. Ни единого слова об Орлове. А просит за маэстро Чимарозу. Вот послушай. «Ваше императорское величество, в захваченных бумагах самозваной особы должна находиться пиеса авторства неаполитанского маэстро Доменико Чимарозо с посланием к юной русской принцессе Елисавете. Пиеса эта была посвящена лично мне моим педагогом музыки маэстро Чимарозою, каковую я своею собственной рукою и по своей инициативе переслала вышеупомянутой преступной особе, дабы

ввести ее в заблуждение и, через означенного маэстро Чимарозо, быть в курсе происходящих злодейств и творимого беззакония в кругу этой особы. Для удостоверения истинности моих слов отсылаю вам оригинальный манускрипт сонаты, писанный рукою самого маэстро Чимарозы, и прошу вас не считать сего маэстро Чимарозу врагом российского престола. Более того, осмеливаюсь рекомендовать вам этого композитора музыки для службы в Санкт-Петербургских театрах и при дворе, дабы наполнить их божественными звуками его сочинений».

Панин достает из папки сонату.

Панин: Вот она, ваше величество.

Екатерина: «Соната ля минор. Прекраснейшей из прекраснейших, сверкающей Полярной звезде, юной русской принципессе Елисавете». Никита Иванович, ты играешь на клавесине?

Панин машет руками.

Панин: Бог с вами, матушка. Чай, не скоморох я, а столбовой дворянин. Чур меня.

Екатерина: Ничего вы не можете. Бездельники и белоручки! Все приходится делать самой.

Екатерина подходит к клавесину и играет, затем спрашивает.

Екатерина: Что скажешь о пиесе, Никита Иванович?

Панин: Пiesa как пiesa, матушка.

Екатерина: Господин канцлер, ты дурак. Тебе медведь на ухо наступил. О любви эта пiesa! О великой трагической любви. И, обрати внимание, именно о любви женской. Истинный глас сердца, мучимого любовью. Клянусь богом, они обе понесли от Орлова, сыграв эту пiesу. Сыграли ее, затем у них сладко закружилась головушка, и тут как тут подвернулся наш герой, и они понесли. Подкрался, изверг, в минуту сердечной тоски и обрюхатил.

Панин: Быть такого не может!

Екатерина: Дай бог, и я понесу этой ночью.

Она весело смеется.

Панин: Да уж, куда вам, матушка моя, чай вы не девица уже.

Екатерина: Вот посмотрим поутру. Коль понесу я вторым наследником, так осыплю сего Чимарозу алмазными и золотыми розами с головы до ног. Велю непременно пригласить его. Пиши ему письмо в Неаполь.

Панин: Так ведь приглашен уже знаменитый неаполитанец Паисиелло. Будет как-то неловко, матушка моя.

Екатерина: Ну так пригласите его после Паисиелло. Душа раскрывается от чимарозиной музыки Ах!.. Какая красота. Ну впрямь самый раз вызвать сейчас этого кобеля Орлова.

Панин: Матушка, вы не дочитали письмо девицы Драгановой.

Екатерина: Дочитала. Просит простить ее. Написала, что всегда мечтала укрыться здесь, в Москве, в Китай-городе, в дорогом ее сердцу Иоанновском монастыре, а теперь, зная свою страшную вину, просит простить ее, дозволив стать простой инокиней. Ах ты ж, боже... Бабоньки мы, бабоньки. Такова уж наша судьба, отвечать за ваши мужеские игрища.

Панин: Что же ответить Шувалову?

Екатерина: Господин канцлер, слушай меня внимательно и запоминай, а записывать сие не следует.

Панин: Я вас слушаю и запоминаю.

Екатерина: Вы лично головой отвечаете за исполнение моего повеления. Отошлите воровке клавесин, пусть музицирует в удовольствие, коль так приспичило. И сонату отошлите. И проследите, чтобы она не родила. Больше про ее беременность мне не упоминать. И чтобы слухов не было.

Она бросает под ноги Панину манускрипт.

Панин: Слушаюсь, ваше величество.

Екатерина: Повелеваю, чтобы о беременности девицы Драгановой также не было известно. Строжайшая государственная тайна. Бить нещадно кнутом, вырвать язык любому, кто о сем разносит будет, и сослать туда, где только дикий зверь живет.

Панин: Слушаюсь, ваше величество. А как быть с ее благородным дитем?

Екатерина: Ребенка ее царских кровей после родов немедленно отобрать, а самой объявить, что родился мертвым. Буде ребенок родится мужского полу, то доставить его в Петербург и записать в гвардию под фамилией Тараканов.

Панин: А имя, ваше величество?

Екатерина: Имя? Имя дай свое. Пусть будет Иваном Никитичем.

Панин: Слушаюсь, ваше величество.

Екатерина: А буде уродится ребенок женского пола, то тогда воспитать в Смольном, а по достижении возраста замуж не выдавать, а послать в самую строгую обитель.

Панин: В какую, матушка?

Екатерина: В московский Иоанновский, куда же еще. Чай строже нет на Руси богоугодного заведения. Ведь Елисавета Петровна, на свои средства восстановив монастырь после пожара 1748 года, повелела быть монастырю наистрожайшим и за то подарила ему два пуда червонного золота и алмазный наперсный крест настоятельнице игуменье Елене.

Панин: А как назвать изволите повелеть, коль прибыток буде девочкой?

Екатерина: Елисаветою! Как бабу и мать ее. И настрого пресечь любую возможность общения с мужеским полом, от самого рождения и до гробовой доски. Ведь кровь у нее бурлить будет царскими страстями. Исключить сие на корню, напрочь. Ты все уразумел, Никита Иванович?

Панин: Так точно, матушка. Слушаюсь и повинуюсь.

Екатерина: Таким образом, я смогу исполнить мечту девицы Драгановой, доставившей столько хлопот мне. После сообщения о смерти новорожденного объявить ей мое прощение и высочайшее дозволение постричься в Иоанно-Предтеченском монастыре. Хоть за морем теплее, а у нас светлее. И проследи, чтобы инокия с дочерью там не общались и друг о друге не ведали. Сейчас в Иоанновском служит игуменья Елизавета. Пошли ей золотой оклад с камнями на соборную икону Иоанна Чудотворца, средства на открытие приюта для грудных сирот и мое повеление самолично принять Драганову.

Панин: Слушаюсь, ваше императорское величество. Это все?

Екатерина: Нет не все. Повелеваю тебе завтра же начать учиться игре на клавесине и куртуазному пению. Вменить композитору Паисиелло обязанность дважды в неделю обучать вас, балбесов, оперным премудростям. Всех придворных и сенат. А гвардию, пожалуй, не стоит, чтобы не взбунтовались молодцы.

Панин: Пошади, матушка Екатерина Алексеевна! Стар я и слаб умишком, ни клавесина, ни пения не осилю.

Екатерина: Ты слушай, господин канцлер, ибо я еще не закончила. Отозвать из Италии Шувалова и поручить открыть при моем дворе театр. Из придворных! Трагедии и комедии давать раз в месяц в моих покоях, а не за границей. Самого Шувалова назначаю на роли благородных отцов и государственных мужей, а остальным бездельникам-боярам амплуа распределит придворный пиит Сумароков.

Панин: Не губи ты нас, родимая, Христа ради.

Екатерина: Коль петь и играть не будешь, Никита Иванович, так поедешь в холодной кибитке на Соловки читать псалтырь и разводить огород. Запомнил? Это все.

Панин: Матушка, все запомнил и исполню. А граф Орлов?

Екатерина: Ну что ж, давай сюда этого кобеля.

Панин выходит, а Екатерина садится за клавесин и снова играет Сонату ре минор в честь прекрасной юной русской принцессы Елисаветы.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Входит Орлов.

Орлов: Матушка Екатерина, дозволю верноподданнически припасть к твоим августейшим стопам.

Екатерина: Руку целуй, герой. К ногам припадать не стоит, не по чину тебе. Ну, победитель Чесменский, рассказывай о своих забавах.

Орлов: Что ты, матушка, смотришь так на меня? О чем рассказывать, о каких забавах?

Екатерина: Рассказывай, как волю мою царскую исполняешь, как мимоходом девок брюхатишь, аж пыль столбом, дым коромыслом от заморского Неаполя да до самой Москвы.

Орлов: Да о чем ты, матушка, о каком коромысле? Не могу я на девок смотреть.

Противны они мне все. Как увижу подол, так воротит меня, словно грибов объелся.

Екатерина: С каких это пор, друг ты мой любезный? Ведь ты, пострел, везде поспел.

Орлов: Да уж давно, матушка. Отвратно мне думать об угождении глупым и капризным девицам.

Екатерина: А ты не угождай им, ты правом своим пользуйся. Правом победителя.

Орлов: Что-то я не могу в толк взять, матушка-государыня, к чему ты клонишь. Хотел я самолично тебе доложить о трудном и хлопотном деле по захвату дерзкой преступницы. А тут такие дела... Непонятные.

Екатерина: Доклад твой и все письма с рапортами я изучила. Побил ты всех турок, как чурок, как надобно. А с девицами ты, брат, перестарался.

Орлов: Ох уж, знамо, хлопотное это дело заморские девицы. Виноват.

Она берет стопку бумаг и читает.

Екатерина: «Свойство же оной женщины описано, что она очень заносчиваго и вздорнаго нрава, и во все дела с превеликою охотою мешается и всех собою хочет устращать, объявляя при том, что она со всеми европейскими державами в переписке...» Так, верно ты подметил. «Угодно было вашему императорскому величеству повелеть доставить называемую принцессу Елизабету, которая находилась в Неаполе. Я со всеподданническою моею рабскою должностью, чтобы повеленьи вашего величества исполнить, употребил всевозможныя мои силы и старанья, и щестливым теперь зделался, что мог я оную злодейку захватить со всею ее свитою на корабли, которая теперь со всеми ними содержится под арестом на кораблях, и разсажены по разным кораблям. Захвачена она сама, камармедхем ее, два дворенина польских и несколько слуг, которых имена при сем осмеливаюсь приложить, а остальная свита распущена.» Все исполнено тобою правильно, верно и надежно, и за это, граф Алексей Григорьевич, достоин ты высочайшей награды. Все правильно исполнил ты, кроме одного.

Орлов: Кроме одного чего?

Екатерина: Ну-ка, подойди ближе.

Орлов подходит. Екатерина смотрит ему прямо в глаза.

Екатерина: Ты, когда с этой преступной девкой в постели нежился, что ей на ушко ласково шептал? О чем миловался?

Орлов: Матушка, знамо дело, мы с нею о любви ворковали. То да се, сама то знаешь, чай не девица.

Екатерина: О превеликой любви?

Орлов: Истинно так, матушка.

Екатерина: И о свержении меня, законной императрицы, с престола?

Орлов: Так ведь то была политическая игра! Так ведь я должен был заманить ее на борт «Трех иерархов», дабы захватить ее тайно и надежно. Как поднялась она на борт, так провели обряд бракосочетания двое ряженных матроса, а затем заперли ее, силу не применяя, и глаз не спускали ни днем, ни ночью. Отчаянная она авантюрьера. До самого Кронштадта пребывал я в страхе, что придумает, как помешать исполнить твой наказ. И я, и Грейг оба спали на бочках с порохом и с заряженными пистолетами, чтобы в любой миг корабль взорвать. А когда зашли в Портсмут для пополнения воды и провианта, то пленница обманом выбралась на палубу и с криками бросилась в воду, желая добраться до аглицких лодок. Пришлось открыть пушечные порты, чтобы отогнать любопытных, а затем спешно покинуть рейд. Я все это описал в рапортах, ничего не утаив. Рапортовал тебе всю истинную правду, дабы ты была в курсе всех моих усилий по услужению тебе и престолу.

Екатерина: Обо всем рапортовал? Ничего не утаивая?

Орлов: Вот тебе истинный пресвятой крест!

Екатерина: Князь Голицын доносит, что твоя любезная зазноба, заключенная в крепость, беременная и смеет утверждать, что именно ты повинен в сем ее несчастном положении.

Орлов: Виноват, матушка. Но действовал я в твоих интересах. Готов понести любую кару, коль намерена ты наказать меня.

Екатерина: Ладно уж. Поигрался ты с нею в свое удовольствие, да и дело с концом. Твое дело простое – уложить воровку в постелю, да сладким голосом нашептать ей коварные словечки. Тут ты мастак, и потому я тебя избрала для исполнения трудного дельца. В сем я не вижу вины. Мало ли ты до нее ублюдков наплодил в своих амурных подвигах.

Орлов: Спасибо тебе, матушка. Что теперь будет с самозванкой?

Екатерина: А ничего не будет. Ты передал ее в руки дознавателей, да и забудь о ней. С сего дня велю тебе позабыть об этой особе.

Орлов: Слушаюсь, ваше величество.

Екатерина: Велю тебе все позабыть, о ней ни с кем речей не вести и отныне Москвы не покидать. Стреляй ворон на Шаболовке, а я тебе бочку самого лучшего аглицкого пороху пришлю.

Орлов: Сидеть здесь в Москве? Да за что мне такая немилость? Я, матушка, к флоту хочу. Турка, ведь, добить надо. Хочу Гассан-бея за рыжую бороду потаскать, да отрубить ее. Да и британцев следует хорошенько проучить, чтоб не ложились в дрейф поперек нашего курса.

Екатерина подходит к Орлову и снова в упор смотрит ему в глаза.

Екатерина: Знатно поешь, Алехан. А ты на клавишине играешь?

Орлов: На клавишине? За кого ты меня принимаешь-то?

Екатерина продолжает пристально смотреть на ошеломленного Орлова.

Орлов: На гитаре, знамо дело, матушка моя, играю. На дудке, на рожке могу. А клавишин есть не мужское занятие.

Екатерина тычет ему сонату.

Екатерина: Знакома тебе сия пиеса? Играл ее с кем-либо?

Орлов: «Соната ля минор. Прекраснейшей из прекраснейших, сверкающей Полярной звезде, юной русской принчипессе Елисавете». Что сие есть, матушка? Клянусь, в первый раз вижу.

Екатерина: А коль ты, Чесменский герой и бабский победитель, нот не понимаешь, так хоть в буковки вникни!

Орлов: Русской принчипессе Елисавете... Принчипессе Елисавете... Так себя самозванка именовала.

Екатерина: Я тебе повелела позабыть и не сметь упоминать сию преступную особу!

Орлов: Прости, матушка. Но ничего не понимаю. Не могу вникнуть в сию музыкальную грамоту.

Императрица наотмашь бьет Орлова по лицу и кричит.

Екатерина: Кто девицу Драганову обрюхатил?

Орлов: Что ты, матушка?

Орлов падает на колени, а Екатерина хватает его за волосы.

Екатерина: Спал ты с нею? Говори, враг!

Орлов: Матушка, не наговаривай на меня лишнего.

Екатерина отходит от него и успокаивается.

Екатерина: Говори всю правду, злодей. Говори как на духу, гад.

Орлов: Мне нечего сказать тебе. Казни.

Екатерина: Сегодня же и казню. На Болоте, как твоего сообщника маркиза Пугачева. Голову на кол, а остальное повелю сжечь и развешать. Гад ты, предатель.

Екатерина садится за клавесин и играет. Затем подходит к Орлову.

Екатерина: Ну как, вспомнил?

Орлов: Нет! Не слышал.

Екатерина: Значит, не желаешь свидетельствовать против милой тебе девицы Драгановой?

Орлов: Видел я ее один раз. Исполняя твой приказ воспрепятствовать ее неосторожным появлениям в Неаполе.

Екатерина: И больше ни-ни?

Орлов: Больше ни-ни. Ей богу.

Екатерина: А твое прилюдное прощание с нею на Капри, когда эскадра покидала Неаполь?

Орлов: Прости меня, матушка, запамятовал. Видел ее во второй раз при прощании.

Екатерина: А о чем вы тогда беседовали, уединившись? Ты сам просил ее о беседе с глазу на глаз.

Орлов: Особа, о которой мне не велено упоминать вслух, покушалась на жизнь цесаревны, о чем я ее и уведомил.

Екатерина: А почему не уведомил об этом меня?

Орлов: Цесаревна запретила. Простила она авантюрьеру и повелела мне умолчать.

Екатерина: Да понимаешь ли ты, что мелешь? Это сокрытие государственного преступления!

Орлов: Ах, матушка, простила она ее. Не держит зла. Ведь Драганова богомольная.

Екатерина (*в бешенстве*): Да я совсем не о ничтожной дочке булочника. Я тебе говорю о тайном сговоре графа Алексея Орлова и девицы Августы Драгановой с целью захвата престола!

Орлов: Ваше величество! Да как же вы можете такое подумать? Ведь я ваш преданный слуга и раб, самый верный и надежный. А Драганова день и ночь проводит в молитвах, и ни до любви ей, ни до заговоров ей дела нет.

Екатерина: Это ты, Алехан, завлек в свои преступные сети невинную девицу Драганову, слепо преданную богу и престолу, и сбил ее с праведного пути. Говори!.. Это правда?

Орлов: Нет, ваше величество, неправда это. Чей-то злой поклев на девицу Драганову и меня. Да, злой вор я и ничтожный холоп. Но не притрагивался я ней, ибо она царских кровей. Не по чину мне.

Екатерина бьет Орлова по лицу.

Екатерина: А плод вашей любви? Что теперь делать прикажешь?

Орлов: Матушка! Убей меня хоть сейчас же. Не могу я в это поверить. Убей! Я не повинен в том.

Екатерина: Господи, да кто же, как не ты, кобель? А коль Драганова подтвердит? Будет ли то правдой?

Орлов: Цесаревна, кровь Петрова, не может молвить неправду!

Екатерина ходит по зале, затем останавливается перед Орловым.

Екатерина: Каков наглец. Твое счастье, злодей, что она ни одним словом не обмолвилась о тебе.

Она берет со стола письмо Августы и перечитывает.

Екатерина: Эх, сладкая чимарозина музыка.

Перечитав, она откладывает письмо.

Екатерина: Слушай мое повеление, дорогой друг, и суровый приговор тебе, ворогу.

Орлов: Я ваш раб, государыня. Повинуюсь беспрекословно.

Екатерина: Девица Драганова, по ее настоящему желанию упокоиться на родине, прибывает в Москву, где навсегда укроется в Иоанновском девичьем монастыре. Тебе, граф Алексей Григорьевич, в наказание за твою дерзость наистрожайше запрещается приближаться к сему монастырю ближе, чем на сто сажень.

В случае нарушения запрета последует твоя мучительная смерть по обвинению в государственном заговоре, как и мучительная смерть новоприбывшей инокини, по обвинению в сообщничестве тебе. Ребенок, буде он родится живым и здоровым, будет передан в надежные руки, и тебе наистрожайшим образом запрещается связываться с ним, почему до конца дней твоих тебе запрещено покидать Москву. Московскому обер-полицмейстеру Архарову велю приставить к тебе архаровцев следить за каждым твоим шагом. Ты меня понял?

Орлов: Слушаюсь и повинуюсь, ваше величество.

Екатерина: Все, все забудь. Вычеркни из памяти. Ни самозванки нет, ни Драгановой, ни цесаревны. Стреляй ворон, любых девок брюхать, а не смей появляться в Китай-городе.

Екатерина топает ногой и бьет манускриптом сонаты по столу.

Екатерина: Что, не нравится? Так я сейчас же тебя оженю. Канцлер! Кто там из фрейлин в сенях? Зови мне девку на рыло самую страшную и нравом сварливую.

Появляется Панин.

Панин: Фрейлина вашего императорского величества Евдокия Лопухина.

Екатерина: Давай ее сюда.

Входит Евдокия. Екатерина толкает ее в ноги Орлову.

Екатерина: Вот тебе девка на выданье девятнадцати годов из старинного московского рода, близкого царской фамилии. В ней примирение вековой вражды Лопухиных и Нарышкиных. Лицом кругла, нравом ласкова. Люба тебе?

Орлов: В первый раз вижу такого крокодила.

Екатерина: А ты не на нее смотри, а на сваху. Иль боишься, что не совладаешь, что пороху не хватит взять приступом? Так я велю ей ворота перед тобою держать открытыми. Ну-ка, невестушка, сыграй сию нуптиальную музыку.

Екатерина вручает Евдокию Чимарозину сонату, та играет.

Екатерина: Как тебе сия музыкантша?

Орлов: Спасибо, матушка. Я ею доволен. Женюсь, коль велишь, а не шутишь.

Екатерина: Ну то-то. Даю в приданое сию пиесу, она приплod приносит.

Женись, седи здесь в Москве, и помни мой указ.

Орлов: Рысаков могу завести, чтоб с тоски не помереть?

Екатерина: Хоть табуны заводи, да рысачь, но только не по Ивановской. Резвись на той стороне реки, а на этой не вздумай. Падишах прислал лучших своих жеребцов по имени Шах и Дракон – дарю на свадьбу. Теперь иди. И не забудь завтра быть на празднествах в честь усмирения Польши и Турции.

Екатерина обнимает и крестит горько рыдающую Евдокию. Занавес падает.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Усадьба Троицкое графа Румянцева. На заднике подмосковный пейзаж. Слева потешная крепость, справа дворец в восточном стиле. Под рокот барабанов слева выходят турецкие солдаты в красных фесках, артиллеристы выкатывают пушки. Заняв позиции перед крепостью, турки замирают. Внезапно из-за кулисы раздается пушечный выстрел, затем громкие крики «Ура!», и с ружьями наперевес выбегает русская пехота. Турецкие офицеры взмахивают саблями, и орудия палят по русским. Русские захватывают пушки и взбираются на крепость, водрузив знамя. Сцена заволакивается дымом, раздаются крики «Ура!», «Слава матушке императрице!», «Слава русскому оружию!» и «С нами бог!»

Сверху опускается триумфальная арка. С обеих сторон выбегают девицы в античных хитонах, украшают арку цветочными гирляндами, устанавливают вокруг вазы и корзины с цветами, затем замирают по сторонам арки в живописных позах. Раздается торжественная музыка, стены дворца раздвигаются, и из него выходит русский двор. Все облачены в золоченые и серебряные латы, на дамах под латами длинные платья ярких расцветок.

Под пушечную пальбу справа выходит Екатерина в сопровождении Потемкина Панина. Раздаются крики «Да здравствует матушка Екатерина!» и «Боже, храни императрицу!»

Панин: С божьей помощью и силой русского оружия враги российской империи замирены! Мир и благоденствие снова воцарились в пределах нашего государства! Да здравствует императрица Екатерина! Слава русскому оружию!

Крики «Ура!», затем пение «Тебя, бога, хвалим!» и залпы пушек.

Панин: Согласно договора о разделе Польши Россия получила Ливонию, а также Полоцкое, Витебское, Мстиславское и часть Минского воеводств! Польша замирена!

Выходят поляки во главе с князем Радзивиллом и танцуют мазурку.

Панин: Православные Закавказья больше не притесняются, а Грузия избавилась от унижительной повинности отсылать в Турцию пленников!

Грузины танцуют лезгинку.

Панин: Таврия отделена от Османской империи, а Молдавия и Валахия восстановили автономию!

Танцуют молдаване с валахами.

Панин: За сии великие ратные подвиги графу Румянцеву жалуются титул Задунайский!

Екатерина вручает Румянцеву звезду Андрея Первозванного, маршальский крест и золотую шпагу.

Панин: Бунт изменника Пугачева пресечен, казацкие станицы успокоились, а татары, башкиры и калмыки замиренны!

Поочередно танцуют казаки, башкиры, татары и калмыки.

Панин: Граф Суворов за верность престолу награждается золотой шпагой с бриллиантами!

Екатерина награждает Суворова.

Панин: Флот одержал невиданную викторию при Чесме и освободил от турецкого ига греческий Архипелаг!

Греки танцуют сиртаки.

Панин: Графу Орлову за усердие и преданность жалуются титул Чесменский!

Екатерина вручает Орлову лишь похвальную грамоту.

Орлов: Матушка государыня, и это все? Только бумажку мне разноцветную?

Екатерина: Все, что можно было, ты, граф, взял сам. И даже лишнего!

Под пушечный салют занавес опускается.

ЭПИЛОГ

«Много лет позже»

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Московский Донской мужской монастырь, окруженный зубчатыми красными стенами. При стечении народа происходит крестный ход, бьют колокола.

Монахи: Верую во единого Бога Отца,
 Вседержителя,
 Творца небу и земли,
 Видимым же всем и не видимым.
 И во единого Господа Иисуса Христа,
 Сына Божия, едиnorodного,
 Иже от Отца рожденного прежде всех век:
 Свет от Света, Бога истинна от Бога истинна,
 Рожденна, Не сотворенна, единосущна Отцу,
 Им же вся быша.

Нас ради человек и нашего ради спасения
 Сшедшаго с небес
 И воплотившагося от Духа Свята Марии Девы,
 И вочеловечшася.
 Распятого же за ны при Понтийстем Пилате
 И страдавша, и погребенна.
 И воскресшаго в третий день по писанием.
 И возшедшаго на небеса, и сидяща одесную Отца.
 И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым,
 Его же Царствию не будет конца.

И в Духа Святаго, Господа, животворящаго,
 Иже от Отца исходящаго,
 Иже со Отцем и Сыном спокланяема и славима,
 Глаголавшаго Пророки.
 Во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь.
 Исповедую едино крещение во оставление грехов.
 Чаю воскресения мертвых, и жизни будущаго века
 аминь.

Процессия скрывается за монастырскими стенами. Горожане и богомольцы кладут поклоны, в толпе раздаются крики и пересуды.

Народ: Храни господь нашего кормильца, русского богатыря графа Орлова-Чесменского, победителя турок и опору трона... Алексей Григорьевич истинный герой, чесменский лев, мы с ним турок побиваша, там-то я ногу потерял... Божию милостию графиня разродилась, храни их бог... Люди, не расходитесь, барин сейчас выставит выпивку и угощение... Храни его господь за милости и щедроты...

Входит Крестьянка с детьми.

Крестьянка: Вот, чадунюшки, самое святое место в Москве. Помолимся. Отче наш, сущий на небесах, да святится имя твое. да придет царствие твое, да будет воля твоя и на земле, как на небе, хлеб наш насущный дай нам на сей день, и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим, и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Ибо твое есть царство и сила и слава во веки.

Девочка: Аминь. Красиво здесь, и много люда.

Мальчик: Матушка, это стольный кремль?

Девочка: Нет, братец, иль не видишь ты золотые кресты на луковках, а не царские орлы? Знать монастырь это, а не кремль.

Мальчик: Все ты знаешь, сестрица. А что за красный монастырь?

Крестьянка: Сей монастырь воздвигнут в честь святой Донской иконы, давшей чудодейственную силу русскому воинству на поле Куликовом, где было посечено сто тысяч басурманского войска. Того, кто прикоснется к этой святыне, никогда не одолеет враг.

Мальчик: Неужто сто тысяч?

Девочка: Бесчисленная тьма тьму-тараканская.

Крестьянка: Перед сечей крестный ход с Донской иконой наполнил наши рати божественною силою, и они стали непобедимыми. Москве быть непокоренной, пока стоит целым Донской монастырь.

Девочка: Матушка, тут всегда шумно, иль праздник какой?

Крестьянка прислушивается к народу.

Крестьянка: Добрые люди говорят, что у самого большого московского барина прибавление, и что барин будет угощать честной народ.

Девочка: Храни господь барина, его жену и приплод.

Мальчик: Угощать народ? А нас?

Девочка: И нас, братец.

Мальчик: Неужто и нас угостят? А не прогонят? Уж я набью брюхо!

Выбегают Цыгане, поют и танцуют.

Цыган: Полюбуйся, красна девица,
Небом ясным, голубым.
В нем увидишь ты, красавица,
Ясну звездочку одну.

В этой звездочке красуется
Пламень ясный голубых очей,
В ней небесного светила блеск,
В ней я вижу лик священный твой.

Долго ль будешь ты сиять красой?
Золотистая звезда моя,
Долго ль будешь ты томить меня?
Красна девица, душа моя!

Цыганки идут по кругу, тряса плечами и взбивая юбки.

Цыганки: Дайте крылья мне перелетная,
Дайте волю мне, волю сладкую,
Полечу в страну чужеземную,
К другу милому я украдкою.

Не страшит меня путь томительный,
Я помчусь к нему, где бы не был он.
Чутьем сердца я доберусь к нему,
Я найду его, где б не скрылся он.

В воду кану я, в пламя брошусь я,
Одолею все, чтоб узреть его.
Отдохну при нем от кручины злой
Разцвету душой от любви его.

Дайте крылья мне перелетная,
Дайте волю мне, волю сладкую,
Полечу в страну чужеземную,
К другу милому, я украдкою.

Из монастыря выходят гайдуки, ливрейные слуги, отставные инвалиды и мелкие дворяне.

Народ: Кормилец идет! Наш батюшка Алексей Григорыч...
Пади ниц! Это граф Орлов, именинник!..

В окружении военных, монахов, слуг и собак выходит Орлов.

Народ: Батюшка наш Алексей Григорыч, долгие тебе лета!

Орлов: Люди православные! Божию милостию супруга моя матушка графинюшка Евдокия Николаевна разрешилась от бремени здоровым дитя женского полу. Посему возношу хвалу господу и каюсь перед вами, добрые люди православные, за тяжкие грехи своя. Прошу вас слезно простить меня, грешника, за бесчинства, злодеяния и воровство, учиненные не корысти ради, а от худого ума и угождения страстям. Каюсь, люди дорогие, пред вами принародно. Бо творил непотребства не со зла, а из молодечества. Простите меня, лихого злодея, люди, и примите мои угощения.

Празднуйте и просите у отца нашего небесного здравия и благополучия супруге моей и новорожденной дочери, крещенной и нареченной святым именем Анна в честь покровительницы нашей матери пресвятой Богородицы. Простите меня, честные люди! Гуляйте, православные, и не поминайте меня злым словом.

Орлов встает на колени и кланяется. Гайдуки выкатывают бочки и выбивают из них днища, слуги выносят столы с угощением.

Народ: Храни господи батюшку нашего Алексея Григорыча! Здоровья графинюшке Евдокие Николавне и новорожденной дочери ея Анне Алексеевне!

Орлов идет в народ и раздает монеты. Он подходит к Крестьянке.

Орлов: Здравствуйте, матушка, и да хранит вас господь. Откуда вы прибыли к нам и куда путь держите?

Крестьянка: Батюшка Алексей Григорыч, сами мы сырия богомолцы из села Люткино тверской губернии. Чада мои болезные, хворые, и хотим помолиться об их здравии в святых московских местах. Бог вас храни, Алексей Григорыч.

Орлов: Значит, вы мои людишки?

Крестьянка: Ваши, ваши мы, истинно так, батюшка родимый Алексей Григорыч. Каждодневно молимся за ваше драгоценное здравие, трижды на день Отче наш, перекрестясь, читаем. Отче наш, суший на небесах, да святится имя твое. да придет царствие твое, да будет воля твоя и на земле, как на небе, хлеб наш насущный дай нам на сей день, и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим, и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Ибо твое есть царство и сила и слава во веки.

Орлов: Аминь, матушка вы моя. Какие места хотите посетить в Москве, ведь здесь несчитано монастырей и церквей, вам их за жизнь не обойти.

Крестьянка: Ох, батюшка, то не ведомо. Как люди укажут на святое место, так туда мы пойдем бить поклоны.

Орлов: За рекою-Москвою, в Белом городе у Кремля, на Ивановской горке у соляных заводов, есть стародавний Иоанновский девичий монастырь. Слезно прошу посетить его, поклониться святым мощам в соборе Иоанна Крестителя и пожертвовать десять золотых червонцев. Вот вам деньги на пожертвование, и один червонец вам и вашим детям. Храни и помогай вам господь, матушка.

Крестьянка: Благослави вас бог, отец вы наш родной и кормилец Алексей Григорьич. Всенепременно сейчас же отправимся туда и поклонимся, и поднесем ваше пожертвование.

Орлов: Ни в коем случае не упоминайте мое имя, матушка. Передайте деньги настоятельнице игуменье Елисавете от неизвестного лица. Храмов в Иоанновском два – соборный в честь Усекновения главы Иоанна Предтечи с двумя приделами в честь Казанской иконы Богоматери и во имя святого Николая Чудотворца, моего небесного покровителя, и во имя праведной Елисаветы, которой хотел бы поклониться и сделать богатые подношения. Но мне, мужчине, вход в монастырь заказан, и потому слезно прошу вас оказать мне милость.

Крестьянка: Все сделаю, батюшка вы мой Алексей Григорьич. И помолимся мы, и пожертвуем.

Орлов: Храни вас господь, матушка, и ваших деток.

Крестьянка: Храни и вас господь, батюшка Алексей Григорьич, вашу супругу и вашу новорожденную дочь Анну.

Орлов крестит Крестьянку. Она прикладывается к его руке, низко кланяется, крестится на монастырь и выходит. Дети следуют за нею, а Орлов идет дальше.

Цыгане: Пыль столбом крутится, вьется
По дороге меж полей,
Вихрем мчитя и несется
Тройка борзая коней.

А ямщик, разгульный малый,
Шапку на ухо надел
И с присвистом разудалый
Песню громкую запел.

Соловьем он заливался
И в дали глуши степной
С песнью русскою сливался
Колокольчик заливной.

Долго, долго пыль крутилась,
Долго песню слышал я,
И от песни сердце билось
Так тревожно у меня.

Тройка мчалась пред горою,
Вдруг ямщик коней сдержал,
Встал, слегка махнул рукою,
Свистнул, гаркнул и пропал.

Только пыль лишь разостлась
Вдоль по следу ямщика,
Песня смолкла, но осталась
На душе моей тоска.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Входят, отряхиваясь от дорожной пыли, Иван и Чимарозо.

Чимарозо: Вся дорога от Петербурга состоит из адских ухабов. Словно душу вытрясли.

Иван: Привыкайте к нашим расейским дорогам, дорогой маэстро. Извините, это не Италия.

Чимарозо: Уф... Я ни жив, ни мертв. И напоследок стукнулся головой на самом зверском ухабе. Звон никак не проходит.

Иван: Звон сей не в вашей голове, маэстро, а от монастырских колоколов.

Видно праздник в Москве. Этот город богомольный, здесь каждый день бьют колокола.

Чимарозо: Боже, как красиво. Это кремль?

Иван: Это Донской монастырь, святое место для каждого русского человека.

Здесь хранится икона, благодаря которой навсегда были изгнаны татары.

Чимарозо: Не перестаю удивляться красоте колокольного боя. Надо бы написать оперу с колоколами. Да никак не пишется музыка, не складывается в единый гармонический ряд. Это из-за грехов моих. Было бы болото, а черти найдутся.

Иван: Вот прибудем в Иоанновский, там-то вас излечат, маэстро Дементий Иванович. Изгонят дьявола из вас напрочь веселые московские монашки.

Чимарозо: А далеко ли осталось, Иван Иванович, до монастыря Джованни Баптисты?

Иван: Москва стоит на семи холмах. Видите ли вы вот ту горку за рекою? И подле нее золотые купола? То один из семи холмов Ивановская горка и святой Иоанновский монастырь, цель нашего путешествия.

Чимарозо: Наконец-то! Наконец-то мы совсем рядом! Не медлим ни минуты, Иван Иванович. В путь!

К ним подходит Орлов.

Орлов: Добро пожаловать в Москву, гости дорогие. Хлеб-соль вам, путешественники. Вы прибыли к нам в самый счастливый день моей жизни, за что вам низко кланяюсь. Прошу вас отведать угощения в честь моей новорожденной дочери Анны Алексеевны, графини Орловой-Чесменской.

Чимарозо: Господи праведный, так вы есть знаменитейший во всем христианском мире адмирал граф Орлов, укротитель турок?

Орлов: Я есть граф Орлов собственной персоной и ваш покорный слуга.

Иван: Ваше сиятельство, имею честь доставить вам личное письмо от обер-камергера императорского двора Шувалова.

Орлов: От какого Шувалова, милостивый государь? От Александра, Петра или племянника их Ивана?

Иван: От Ивана Ивановича, ваша светлость.

Иван подает письмо, Орлов читает его.

Иван: Имею честь представиться, ваша светлость. Я Иван Шувалов, тенор петербургских императорских театров. Со мною явился капельмейстер ея императорского величества Дементий Иванович Чимарозо.

Орлов: Прошу вас быть моими гостями, милостивые государи. Эй, люди! Стол сюда, питье и яства!

Слуги и гайдуки вносят стол, лавки и угощения.

Иван: Прошу позволения поднять бокал за здоровье вашей бесценной супруги и новорожденной дочери, ваше сиятельство!

Чимарозо: Имею честь присоединиться к здравью, ваша светлость

Орлов: Слышал о вас, маэстро Чимарозо. Пью за ваше здравие.

Чимарозо: О, мадонна, обо мне? Но ведь я только-только поступил на службу.

Орлов вынимает из ножен кортик.

Орлов: Прочтите гравировку на клинке.

Чимарозо: Демон зла парит в небесах над нами... Разя молнией невинные души. Что это, ваша светлость, русская молитва?

Орлов: Прочтите гравировку на другой стороне клинка.

Чимарозо: Во спасение души, счастья и добра... Чимарозину сонату слушай. О, пресвятая мадонна! Я ничего не понимаю.

Орлов: Это подарок адмирала Рибаса. И он приказывает играть корабельному оркестру вашу Сонату ля минор при каждой морской виктории, а их у него было не мало.

Чимарозо: О, боже! Не ожидал я такой славы в далекой России.

Орлов: Сия ваша соната спасла жизнь одной принцессе и принесла ей расположение императрицы. А на меня обрушила весь монарший гнев.

Чимарозо: Как так, ваша светлость, дозволите узнать ли?

Орлов: В России под страхом обвинения в государственной измене запрещено упоминать имя знакомой вам принцессы, но она столь любима и почитаема среди знати и между простолюдинами, что, желая отдать ей должное, не упоминая ее, все лишь насвистывают и напевают именно вашу сонату, именуемую «Сонатой невинной инокини». А особенно, флотские.

Чимарозо: Боже мой, я не знал об этом.

Орлов: А саму вашу сонату ее величество подарила мне на свадьбу, сказав, что при прослушивании ее женщины немедля брюхатеют. И это правда – бог и ваша музыка даровали мне дочь.

Чимарозо: Соната ля минор... То была страстная, неумная молодость. Начал я весело, но живу в печали.

Орлов: Да, десять лет прошло. Уплыли годы, словно вешние воды.

Чимарозо: Десять лет... Истрадался я, все мне опостылело.

Орлов: Тяжко жить, коль бабушка не ворожит.

Иван: Не тужите так, маэстро, у вас все впереди.

Чимарозо: Спасибо, дорогой Иван Иванович. Как я был молод! Как я мечтал. В тот миг, когда представили меня принцессе Елисавете и ее благородному родителю, я увидел истинную красоту. Не лица ее, а внутреннего света. Воистину, она мадонна.

Иван: Давно она здесь, но за все годы так и не довелось встретиться с ней, хотя, я знаю, она тайно посетила оперу «Дева Солнца», которую синьор Паисиелло посвятил ей.

Чимарозо: Посвятил ей? Но ведь ее имя запрещено здесь.

Иван: Маэстро сказал мне, что сделал это в душе. На титуле же стоит посвящение ея императорскому величеству.

Чимарозо: Я часто вспоминаю принцессу, но, признаться, не могу написать чего-то, достойного посвящения ее милости.

Орлов: Не горюйте, маэстро. В Петербурге вы найдете вдохновение. Такой прекрасный город. Не зря именуют его Северной Пальмирой. Ах, как прекрасны белые ночи. Ваши итальянские архитекторы возвели бесчисленные дворцы, парки и проспекты в строгом, благородном духе классицизма. Стоят шпалерами дома, итальянские хоромы.

Чимарозо: Это мне ведомо, ваша светлость, ведь живу я в шуваловском палаццо на Итальянской. Вот только, боюсь я русского мороза. Мне даже страшно представить эти глыбы льда вокруг.

Иван: Маэстро Паисиелло все свои меха и шубы оставил вам, Дементий Иванович. Мороза не стоит бояться, в мороз лишь язык не высывай, чтоб не отвалился. Он, мороз, бодрит и веселит душу. Вы будете восхищены катаниями на тройках по льду Невы.

Орлов: Я вам, батюшка Иван Иванович, пришло беговые дрожки да борзого рысака Громобоя. Коль живете вы на Итальянской, то станете зимним королем Фонтанки. Порысайте со свистом от Летнего сада до Коломны.

Чимарозо: Не могу представить это. А вдруг лед треснет, и ты окажешься в смертельно ледяной воде. Ведь вмиг промерзнешь насквозь!

Орлов: Именно мороз делает русских такими непонятными для вас, жителей юга. Вот, к примеру, возьмем его светлость обер-камергера Шувалова. Ум его сильнее моего богатырства. Он и в карты банк сорвет, и в опере царя споет.

Чимарозо: Его высокопревосходительство мне как родитель. Он так милостив, так внимателен, и был так щедр ко мне и ко всем вокруг в Неаполе. На Капри он принимал художников, съезжающихся в Неаполь со всего мира, и покровительствовал им. Но не так, как лорд Гамильтон, скупающий итальянское искусство и вывозящий бесценные полотна в Англию, а способствуя расцвету живописных искусств. Он открывает новые имена, и щедро. Именно с неслыханной щедростью поддерживая молодых художников.

Орлов: За его вежливой и услужливой обходительностью скрывается государственный деятель, пекущийся о расцвете своего народа. Ведь Шувалов основатель и первый президент русской академии художеств.

Чимарозо: Что вы говорите?

Орлов: Помимо сего, он основал первый русский университет. Московский!

Чимарозо: Вот как? Не удивительно, что принципесса столь милостива и образована.

Орлов: Ходят слухи, что покойная императрица подарила ему сей университет в честь рождения дочери. Воистину, царский подарок! Подыдем же тост за тех, кто печется не о собственном благополучии, а о процветании искусств и знаний. Таковых вы, маэстро Чимарозо, во множестве встретите в Петербурге.

Иван: Главное – вы найдете у нас вдохновение. Ведь в Петербурге, в новом месте, его будет в избытке.

Чимарозо: Да-да, истинно так. Там, в тиши и в уединении, маэстро Паисиелло написал лучшую оперу, которую хотел бы передать в руки принципессы Елисаветы. Возможно, нам удастся свидеться с нею. Вот она.

Он достает из саквояжа большую стопку рукописного текста.

Чимарозо: Он не хочет публиковать оперу до того, пока милостивый взгляд нашей принципессы не коснется этих страниц. Коль доведется нам свидеться с нею, то передать ей с заверениями глубочайшего почтения к ней. Эта опера заветная, и очень дорога ему.

Орлов: «Нина, или От любви с ума сшедшее творение»... Значит, вы направляетесь в Иоанновский монастырь?

Иван: Мой батюшка с огромным трудом и слезными просьбами добился от ея величества этого посещения.

Орлов: Вы сын Шувалова?

Иван: Имею честь быть таковым, ваша светлость.

Орлов: Значит, вы брат благоверной мученицы Елисаветы Ивановны?

Иван: Прошу вас не говорить так, ваша светлость, ибо недостойн так именоваться.

Орлов: О чем сия опера? Признаться, я больше люблю вертких, словно змеи, цыганок, чем толстых примадонн.

Чимарозо: Опера сия о бедной девушке-пейзанке, потерявшей любимого и оттого сошедшей с ума, а затем обретшей его вновь и чудесно исцелившейся силою любви.

Орлов: Я могу оставить себе оперу, как когда-то вашу детородную сонату?

Чимарозо: Никак нет, ваше сиятельство. Но синьор Шувалов может ее спеть.

Иван: Мне нравится каватина героя, который грустит от разлуки с Ниной. Слушайте.

Здесь то Нина повседневно,
 Здесь прекрасно отдыхать.
 Здесь печаль ее терзает,
 Здесь вздыхает в ней любовь.
 Тихой луг пустой душистый
 Меня ваш вид терзает
 Весь мне вид напоминает
 Так бывал щасливым я.

Здесь сидела Нина,
 Но что я чувствую в крови
 Но что мой дух стеснился?
 О небо! Или здесь святилище любви?

Прости могуща мое ты заблужденье
 Пробуди несчастным свой поправ.
 Скончай ты двух сердец мученье
 Все сильней любовь!
 Зажги светильник животворной
 Пусть побледнетвует просвет
 И мне драгую возрати.

Орлов: Да, здесь дитя не родится, а, скорее, ноги протянет.
 Слишком жалобно, не по мне сие.

Чимарозо: В том-то и дело, ваша светлость, что это трагедия, а не комедия. А что было дальше с...

Орлов: С кем, со мною?

Чимарозо: Нет, ваша светлость. Что случилось с самозванной авантюрьерой?

Орлов: С блудницей? Она утонула. Уж хотел утопить ее в Атлантике, да пожалел, но господь по-своему решил.

Чимарозо: Утонула? Неужели была помилована, освобождена и погибла на пути в Европу?

Орлов: Ах, совсем нет, маэстро. Ее заключили в подземный каземат самой страшной крепости для особо опасных преступников, и погибла она там, в застенке, в наводнение.

Чимарозо: Боже мой, святая мадонна. Крепость та в далекой Сибири?

Иван: Совсем нет, маэстро, крепость как раз стоит через реку прямо напротив императорского дворца. Помните ли золотой шпиль за Невой? Всех преступников спасли из воды и некоторых даже тут же помиловали, но к ее решетке никто не посмел притронуться. Лишь комендант крепости стоял у ее камеры до последнего мига, дабы убедиться в ее смерти и о том составить рапорт. За свое усердие был он по-царски награжден и назначен комендантом дальнего гарнизона.

Чимарозо: Ужасная смерть. А у нас ходили слухи о том, что ее насильно отдали в суровый монастырь в Сибири, дабы до последнего дня отмаливала свои грехи, а скрыли там под татарским именем Дара... Нет, Тара... Бара...

Иван: Под именем принцессы Таракановой? У вас все напутали, маэстро. Впрочем, это явно по наущению русских. Эта тайна должна быть похоронена в путанице самых противоречивых сведений. Ведь это истинная Елисавета по своему желанию укрылась в московском монастыре под именем Таракановой.

Чимарозо: А под каким именем погибла самозванка?

Иван: Под именем принцессы Таракановой.

Чимарозо: Святая мадонна. Как-то странно и запутанно.

Орлов: Вы слишком взволновались, маэстро. Это такая печаль, по какой печалиться не стоит.

Иван: Поверьте, маэстро, русские знают, что делают. Через сто лет никто не сможет отличить правды от вымысла. И...

Чимарозо: Ваша светлость, ведь я десять лет молился, чтобы именно наша принципесса была жива, а утонула та, другая. И прошу вас, синьоры, держать в тайне то, что синьор Паисиелло написал свою лучшую оперу именно о ней. Пусть считают, что сюжет о безумной героине нынче в большой моде.

Иван: Возможно, сегодня мы увидим нашу праведную Августу. Не хотите ли вы, ваша светлость, что-то передать ей?

Орлов: Нет, Иван Иванович, ни в коем случае. Все прошло. Все минуло. Как вешние воды. Эх, учился я читать да писать, а научился лишь петь и плясать. Эй, цыгане!

Их окружают Цыгане. Под их пение Орлов танцует.

Цыгане: Мне все равно, страдать иль наслаждаться,
К страданиям я привык давно.
Готов и плакать и смеяться,
Мне все равно! Мне все равно.
Готов я плакать и смеяться,
Мне все равно! Мне все равно.

Мне все равно, враги ли мне найдутся,
Я к клеветам привык давно.
Пускай бранят, пускай смеются,
Мне все равно, мне все равно.

Мне все равно, сердечная ль награда,
Любовь забыта мной давно,
Меня не любят, и не надо,
Мне все равно.

Мне все равно, мне не страшна могила,
Со смертью свылся я давно,
Жизнь для меня давно постыла,
Мне все равно, мне все равно.

Занавес опускается.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Москва. Подворье Иоанно-Предтеченского девичьего монастыря. На заднике белеет собор Иоанна Предтечи с ослепительно золотым куполом. В левом углу в стену вмурована железная клетка с надписью «Мучительница и душегубица», в которой на всеобщее обозрение навечно заточена Салтычиха. Она с рычанием бросается на посетителей монастыря. Сторож пикой отгоняет ее вглубь клетки. В разгаре воскресная ярмарка, торговля происходит через крохотные отверстия в монастырской стене. Шитье монахинь бойко расходуется, покупательницы поют.

Бабий хор Ивановской нитяной ярмарки

Салтычиха, Балтычиха,
И Покровская дьячиха,
Власьева, Герасимовна,
Дмитриевна, Васильевна,
Саввишна, давишня барышня.

А у нас пироги
Горячи, горячи,
С рыбкой, с вязичкой,
С говядиной, с яичком.

Пожалуйте, у нас для вас
В самый раз.
В нашей лавке
И атлас, и канифас,
ситцы с полуситцами,
Шпильки и булавки,

И чирьи, бородавки.
Салтычиха, Балтычиха,
И Покровская дьячиха,
Власьева, Герасимовна,
Дмитриевна, Васильевна,
Саввишна, давишня барышня.
Заходите, покупайте,
На товары налетайте.

Появляется Крестьянка с детьми.

Крестьянка: Красиво здесь, любо. Чуете, какая разливается благодать? Это монастырские насельницы трудами да молитвами господа угождают.

Мальчик: Маманя, я есть хочу.

Крестьянка: Не гневи господа в таком месте страстями чревоугодия, сынок.

Ведь ты же давеча у Донского монастыря целый пирог с зайчатиной умял.

Девочка: Матушка, ему в брюхо еда проваливается. Все мало.

Мальчик: Что ты, дура, понимаешь? Ведь с утра двадцать верст оттопал, а ты на возу сидела.

Крестьянка: Не богохульствуй в намоленном месте. Ну-ка, положим земной поклон святым угодникам.

Они крестятся с поклонами.

Мальчик: Перекрестился, а есть пуще прежнего захотелось. Маманя, ну дай хоть краюху.

Крестьянка: Грех живот набивать здесь. Ты лучше молись.

Мальчик: Молюсь я, маманя, а перед глазами корка хлеба стоит.

Девочка: Матушка, пожалейте вы его, Христа ради. Ведь не отстанет.

Мальчик: Самую малость, маманя. Чуть-чуть.

Крестьянка: А если святые сестры увидят? Ведь стыд-то будет. Прости мя, господи.

Мальчик: А я незаметно. Вот вам святой крест.

Девочка: Матушка, он не отстанет от вас. И в кого такой прожорливый уродился?

Мальчик: Ну, ты, дура! У меня живот сводит.

Крестьянка крестится и сует руку в котомку.

Крестьянка: За ради святого мученика Иоанна Чудотворца даю тебе краюшку хлебушка. Но чтобы никто не видел. Прости, господи, за грехи неразумного дитяти.

Девочка: Матушка, а кто эта страшная старуха, что рычит, аки дикий зверь?

Крестьянка: Тише ты! Люди говорят, что это царская дочка.

Девочка: Царская? Матушка, неправда то. Ведь страшная, злая и толстая, как бочка дегтя.

Крестьянка: Тише ты, глупое дитя, не богохульствуй! Кроткая праведная царевна это, дочь блаженной памяти императрицы Елисавет Петровны. Взяла она на себя все грехи родительские и наши. А их столь много, что господь лишил ее человеческого облика. Такой ее тяжкий крест. Страдает она за всех нас с вами, искупает наши прегрешения. Помолимся за нее, нашего невинного ангела.

Крестьянка с дочерью низко кланяются Салтычихе, а мальчик подбегает к клетке.

Мальчик: Моя царевна, праведный чистый ангел! Верни господь тебе красоту и человеческий облик!

Салтычиха вырывает у него хлеб и пожирает, издавая жуткие звуки. Выбегает Сторож и колет Салтычиху пикой. Бьет колокол, и подворье пустеет. Сторож выталкивает Крестьянку, но она упирается. Выходит Изуменья, поворачивается к собору, низко кланяется и осеняет себя крестом.

Игуменья: Спасти мир пришедшаго во плоти Христа бога благовестил еси и сущим во аде, якоже бо денница, предходящая солнцу, осветил еси во тьме и сени смертной сидящих. Отонюду же вскоре господем изведен был еси со всеми от века праведными, поя ему, яко избавителю и победителю смерти: аллилуиа.

Крестьянка: Матушка игуменья, мир вам. Смиренно прошу вашего благословения и хочу сделать пожертвование монастырю.

Игуменья: Храни вас господь, добрая душа, дочь божия. Здесь десять золотых червонцев. От чьего имени записать сей богатый дар?

Крестьянка: Матушка, пожертвование сделано его сиятельством батюшкой графом Орловым Алексеем Григорьевичем от имени неизвестного ему лица. Так он сам повелел передать вам и слезно просил вас помолиться за него самого перед праведной Елисаветою, покровительницею вашей обители.

Игуменья: Прости вас всевышний за упоминание сего безбожного имени в святом месте. Анафема ему. Тьфу.

Крестьянка: Безбожного? Матушка игуменья, сегодня он, наш барин, словно грешник, на коленях покаялся перед московским людом в честь рождения дочери своей, нареченной Анной. Посему просил он и вашего прощения и милости.

Игуменья: Господь велик, он простит. Что с вашими детьми?

Крестьянка: У дочери моей сильные головные боли, а сынок, моя надежда и отрада, припадочный. Спасите их, матушка, Христа ради, коли можете.

Игуменья выходит и появляется с золотым обручем. Она поочередно возлагает его на головы детей и читает святую молитву.

Игуменья: Сей венец святого мученика Иоанна Чудотворца снимает головные боли и изгоняет видения. Словес твоих ради святых прощение даждь ми владыко и длины всех грехов отпусти и жизни причастника мя сотвори с всеми святыми оугождьшими ти от века и ныне и присно в веки веком. Аминь.

Девочка: Матушка, в голове прояснилось! Я вижу пресвятую Богородицу, склонившуюся над обезглавленным Иоанном! Я вижу святое чудо, матушка! Ведь она такая живая, и слезы ее чистые, как жемчуг, капают и звенят, как жемчуг.

Мальчик: Маманя, и я излечился! А царевна превратилась в красавицу! Храни ее господи!

Крестьянка: Земной поклон вам, матушка, за излечение непутевых чад. Господь храни ваш монастырь.

Игуменья: Дочери вашей явилось святое видение, и потому должна она остаться при нас послушницей божией. А сами вы с чадом можете остаться на неделю в гостевом доме при приюте для сирот.

Девочка: Благословите меня, матушка, на подвиг послушания. Даю обет отмолить прегрешения раба божьего Алексея Григорьича ежедневными, ежечасными, ежеминутными молитвами перед образами мученика Иоанна Чудотворца и пресвятой Елисаветы.

Крестьянка: Благослови тебя господи, чадо мое. Аминь.

Сторож выводит Крестьянку с детьми. Игуменья кланяется на собор и осеняет себя крестом, затем выходит. Через мгновение она появляется в сопровождении Августы.

Августа: Благочестивая матушка Елисавета, храни господь вас и всех насельниц и инокинь и прихожан благочестивых.

Игуменья: Дочь моя Досифея, ея величество земная владыка Екатерина дочь Алексеевна дозволила вам, сестра, свидеться с мирянами, но свидание сие должно остаться в строжайшей тайне. Прости, господи, грехи наши.

Игуменья кланяется соборному кресту и выходит.

Августа: Ах ты ж, господь милосердный, услышал ты мои молитвы. Как не батюшка мой любезный вспомнил о своей грешной дочери и простил ее прегрешения?

Она поворачивается к собору и осеняет себя крестом. Входят и приближаются к ней Иван и Чимарозо, с обнаженными головами. Подойдя к Августе, оба опускаются на колени. Она, не глядя на них, крестит обоих.

Иван: Благочестивая сестрица Досифея, наконец-то нам высочайше дозволено посетить вас, помолиться вместе о вашем здравии и получить из ваших святых рук отпущение мирских грехов наших. Я Иоанн, ваш старший брат.

Августа: Брат Иоанн, а где наш батюшка, что с ним? Почему он никак не вспомнит свою грешную дочь, или он нездоров?

Иван: Слава всевышнему, досточтимый родитель наш в добром здравии изволит пребывать. Государыня не позволяет ему покинуть столицу, велит ему на театре играть вместе с другими боярами и сановниками. Еще ему вменено играть с государыней в карты каждую ночь перед сном. Но наш батюшка не оставляет своих ежедневных постоянных богоугодных усилий в помощи бедным, слабым и увечным, ежечасно возводя к небесам свои молитвы и о вашем, моя любимая сестрица, здравии.

Августа: Ах, брат, грешна я, и боюсь, что мои грехи...

Иван: Да что вы, сестрица Досифея! Нет на свете существа благочестивее вас.

Августа в первый раз поднимает взгляд.

Августа: Как вы смеете так говорить, братец? Говорит в вас гордыня, а не благочестие. Господь по силе крест налагает, а мои силы самые убогия, а грехи тяжкия.

Иван благоговейно приникает к ее руке.

Иван: Сестрица, простите меня! Ах как я мечтал всю жизнь встретиться с вами.

Сорок лет уж мне, любимая сестрица, а вас вижу в первый раз.

Августа: Пути всевышнего неисповедимы, братец Иоанн. Молюсь я за вас и за нашего родителя денно и ночью, за ваше здоровье и благополучие. И дабы грех миновал ваши души. Жив господь, живы и вы будете.

Иван: Аминь. Сестрица, известный вам итальянский маэстро Паисиелло написал в вашу честь оперу «Дева Солнца», и когда я пел в ней героя Пизарро, то видел напротив себя ваш благочестивый лик. Ах, как это было прекрасно!

Августа: Мирское это. Пение должно идти от сердца, а не из горла, братец Иоанн. Посему молчите, не пускайте нечистого в стены обители упоминаниями лицедейских страстей.

Иван: Совсем не мирское, ибо когда я пою Паисиелло, то душа и сердце мои наполняются добрым светом. А особенно в «Деве Солнца».

Августа: Мирское это, братец, и богопротивное. Ведь Дева Солнца была язычницей, и за свои грехи была приговорена к жертвоприношению такими же язычниками, нехристями-басурманами.

Чимарозо: Значит, то правда, что вы, достопочтенная сестра, тайно посетили оперу, коль знаете, о чем она?

Августа: Человек предполагает, а господь располагает.

Иван: Маэстро Чимарозо также желает припасть к вашей руке, сестрица. Может быть, вы помните такого?

Августа: Как же не помнить мне брата Дементия, невольного соучастника моего прегрешения?

Она подает руку Чимарозе, тот с благоговением прикладывается к ней.

Чимарозо: Сестра... Сестра Досифея, я словно бы возрождаюсь, видя вас в добром здравии.

Августа: Господь с вами, брат Дементий. Как вы, и как вам сочиняется?

Чимарозо: Не могу я писать музыку, сестра Досифея. Мучим я сильными головными болями с разными жуткими видениями. То последствие страшной истории, случившейся со мною в вашем присутствии десять лет назад.

Августа: Я вас излечу сейчас, брат Дементий. Господь милостив ко всем.

Она выходит и сразу же возвращается с золотым терновым венцом, который возлагает на голову преклоненного Чимарозы.

Августа: Сей венец святого мученика Иоанна Чудотворца снимает головные боли и изгоняет видения. Словес твоих ради святых прощение даждь ми владыко и длеги всех грехов отпусти и жизни причастника мя сотвори с всеми святыми оужождшими ти от века и ныне и присно в веки веком. Аминь.

Чимарозо: Принчипесса! Боль как рукой сняло. Вы святая!

Августа: Как вы смеете меня так именовать? Тише, брат Дементий, или вас сейчас же выведут за ворота. Или не выведут, а закуют в цепи.

Она бросает короткий взгляд на беснующуюся Салтычиху и осеняет себя крестом. Чимарозо с оторопью смотрит на Салтычиху и начинает беспрерывно быстро и мелко креститься.

Чимарозо: Боже и все святые!

Августа: Жизнь людская упорядочена всевышним, и мирские страсти должны быть усмирены для его угождения... Благодарни суще недостойнии раби твои, господи, и твоих великих благодеяний на нас бывших, славяще тя хвалим, благословим, благодарим, поем и величаем твое благоутробие, и рабски любовью вопием ти: благодетелю спасе наш, слава тебе.

Она крестится, Иван следует ее примеру.

Чимарозо: Страсти какие адовы.

Он беспрестанно крестится, не в силах отвести взгляда от Салтычихи.

Августа: Праведнии возрадуются, а грешнии восплачутся, тогда никтоже возможет помощи нам, но дела наши осудят нас, темже прежде конца покайся от злых дел твоих.

Иван и Чимарозо: Аминь.

Августа осеняет их, шепча про себя святую молитву.

Чимарозо: Стремился я припасть к вашим стопам не для горьких воспоминаний, а по просьбе почитающего вас за вашу чистоту и святость известного вам маэстро Паисиелло, который сотворил необыкновенную оперу, дань всем молодым влюбленным, потерявшимся, но благодаря чистому и светлому чувству, вновь воскресшим для взаимного почитания. Сию заветную оперу он просит вас благословить и, тем самым, вдохнуть в нее жизненную силу, правду и свет.

Чимарозо достает из-под плаща манускрипт и передает Августе.

Августа: «Нина, или От любви с умасшедшая творение».

Она перелистывает манускрипт.

Августа: Как придет любезный мой
К Нине горестной – больной
И весна опять придет.
Расцветут опять цветы...

Прости мя, милостивый господь, это о больной девице. Мирское это. Коль больна она, приведите, и я, с позволения всевышнего, излечу ее от беспамятства.

Она крестится и возвращает оперу. Чимарозо не в силах сдержаться.

Чимарозо: Принчипесса! Ведь эта опера о вас.

Внезапно Салтычиха кричит визгливым голосом.

Салтычиха: Мяса!.. Мяса!.. Кроваушки хочу!

Августа крестится, а Иван и Чимарозо замирают в ужасе. Выбегает Сторож и колет пикой узнику. Салтычиха рычит, словно зверь, и пытается ухватить пикку. Неслышно входит Игуменья.

Игуменья: Сестра Досифея, время акафиста.

Игуменья выходит, унося венец Крестителя.

Августа: Пусть хранит вас милостивый господь. Брат мой Иоанн, скажите батюшке, что здесь я счастлива, более счастлива, чем вдали от родины на заморском берегу, что душа моя здесь наполнена тихим и спокойным просветлением, и молюсь я за вас всех, родных мне и близких.

Иван: Сестрица, батюшка наш все же исхлопотал отставку. Я прибыл распорядиться о расширении дома на Покровке. Он хочет упокоиться рядом с вами. Ибо простить себе не может того, что ваша жизнь сложилась столь тяжело и столь несправедливо.

Августа: Я счастлива, брат мой. Здесь моя судьба, здесь моя обитель. Так и передайте дорогому моему родителю. Прошу я прощения у него за все мирские тревоги, принесенные мною в годы моего беспечного девичества, за все грехи мои.

Занавес опускается, скрывая Августу, стоящих перед нею на коленях Ивана и Чимарозу, держащего под мышкой манускрипт паисиевской оперы, и беснующуюся в клетке Салтычиху.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ночь. Келья Августы с большой изразцовой печью с лежанкой. Всюду образы, в углу портрет императрицы Елисаветы Петровны. Августа сидит на низком стульчике и вышивает на пальцах, подле нее Иоанна вяжет носок.

Августа: Старая моя голубка, ты вяжешь лучшие на Москве носки. В воскресенье на нитяном рынке отдай сиротам. И не вздумай брать с них денег.

Иоанна: Ты о чем, Досифеюшка? Какие носки, коль снова этот нечестивец явился. Чур, дьявол рогатый!

Августа вздрагивает и оглядывается, осеняя себя и келью.

Августа: О ком ты, нянюшка? Как ты напугала меня упоминанием нечистого.

Свят, свят, свят. Очисти меня, всевышний.

Августа осеняет келью крестным знаменем.

Иоанна: Об этом Чимарозо с аморозой, будь он трижды неладен. Как бы снова вас страсти не обуяли.

Иоанна истово крестится.

Августа: Чимарозо с аморозой? Нянюшка моя, какая же ты выдумщица.

Иоанна: Чего же здесь, матушка, выдумывать-то? Все как по писанному. Явился чичероне, спел песню, сыграл на дудочке свою дьявольскую музыку, и все. Дело сделано! Изыди, сатана.

Августа: Да что же ты, нянюшка, снова меня пытаешь? Утихомирились страсти давно, слава тебе господи, все травой-муравой поросло.

Иоанна: Ну-ка, посмотрите на меня своими кроткими лазоревыми очами, матушка.

Августа откладывает пальцы и обнимает Иоанну.

Августа: Ну как, что ты видишь в них, старая?

Иоанна: Ах вы, голубка моя! Вижу только благодать. Глаза ваши, словно небо – терем божий, а в них мерцают звезды – то окошки, в которые ангелы смотрят.

Августа: Какая ты выдумщица, Иоанна. Спустись-ка на землю, милая. Ты лучше Расскажи мне о старине.

Иоанна: Чего рассказывать-то? В старине я римской веры была. Кабы не вы, душа моя, так и именовалась бы не Иоанной, а Джованной.

Августа: Так и Расскажи, нянюшка, о тех днях, когда ты была девицею Джованной.

Иоанна: Бог с вами, Досифеюшка. Намоленое это место, и вспоминать здесь надо лишь богоугодные дела.

Августа: Да разве ты в молодости только святотатствами занималась?

Иоанна: Всякое бывало, жить надо было. Ведь любой зверь по нужде линяет: в холод космат, а летом стрижен.

Августа: А ты Расскажи, няня, как на причастии.

Иоанна: Вы бы, матушка, лучше рассказали, как встретились с государыней.

Августа: Рассказывала уже много раз.

Иоанна: Расскажите еще раз, ведь ночь длинная. А потом и я о своих грехах вспомню.

Августа: Ну так слушай в сотый раз, старая. Когда батюшка повинулся императрице в моем бедственном положении, мы думали, что государыня прогневается, и гнев ее будет ужасен. Но того не случилось.

Ты помнишь, как под видом купца прибыл на Капри корабль «Ростислав» со спрятанными в трюмах заряженными пушками, как нас приняли на борт черной ночью, в страшную бурю, и как встретил нас князь Долгорукой с повелением государыни не выходить на палубу до самого Кронштадта?

Ты помнишь, моя старая голубка, как в адмиральской каюте обняла меня матушка игуменья Иоанновского монастыря Елисавета, исполнявшая приказ государыни приготовить меня к пострижению? Страшен был этот морской поход ей, кроткой служительнице господу, боялась она, что океанские чудища проглотят корабль и утащат в пучину невинные души, но молитвы и сострадание к моей падшей душе превозмогли ея страх и ужас. Ведь сама она явилась на божий свет в ту самую ночь, когда безвозвратно сгорел Иоанновский монастырь, и мать ее погибла в огне, ибо выгорела и обуглилась вся округа. Вырастили ее бесприютные сестры, нашедшие кров в пещерах на Иоанновской горе да в приютах для бедных на Варварке, и жила она лишь христовым подаянием, но с любовью к отцу небесному и благодарностью добрым людям, пока моя матушка не решила восстановить обитель в честь моего рождения. Потому благочестивая матушка Елисавета встретила меня со слезами благодарности господу и горячими молитвами о благополучном возвращении моем на родную землю.

Ты помнишь, старая моя подруга, как в Бискайе жестокий ураган неделю трепал, словно щепку, наш углый корабль, как ты умирала в каютах, а мне же князь Долгорукой дозволил подняться наверх, чтобы встретить погибель лицом к господу? Меня с игуменьею Елисаветой крепко привязали к мачте, дабы не унесли нас чудовищные волны. И когда море несло нас на камни и казалось, что конец неминуем, вознесла я молитвы господу, и было мне видение. Ярko вспыхнули холодным белым огнем кончики мачт, с треском раскололись небеса, и матушка моя, государыня Елисавета Петровна, вся в белом, словно прекрасный ангел, ведомая под руки самим Крестителем, явилась моим очам, повинилась за грехи свои и вознесла молитву за весь православный люд, а затем изрекла мне свою родительскую волю. Должна я, уцелев в жестокой буре, своею благочестивой и праведной жизнью сотворить молитвенный подвиг. И вмиг погас огонь на мачтах, спал ветер, морские воды стихли, ярко воссияло солнце, победив мрак и рассеяв тучи.

Иоанна: Ах, матушка Досифеюшка, я чуть богу душу не отдала. Ведь та буря была послана во искупление тысячи моих прегрешений, а не вашего единственного.

Августа: Господь с тобою, Иоанна. И ради миллиона твоих мелких грехов всевышний не стал бы вздымать целый океан. Ты слушай дальше, моя старая подруга.

Иоанна: Бог храни память вашей родительницы. Продолжайте, Досифеюшка.

Августа: В следующий раз я увидела небо лишь в российских водах. Мы проходили таинственный остров Тютерс, и, дабы угодить и сделать мне приятное, князь Долгорукой послал матросов нарвать цветов. Ах, как милы были те скромные полевые ромашки! Запах родной стороны – того лишена я была все долгие годы. А через неделю, не заходя в Кронштадт, «Ростислав» вошел в Неву и бросил якорь прямо напротив Зимнего. Задолго до этого обывателям было настрого запрещено выходить на набережную, а все окна на Неву велено было держать зашторенными. Потому тишь да благодать разливались над столицей. Не звонили колокола, не плыли по реке барки, не толпился вдоль набережных люд. Даже птицы, казалось, исполняли волю государыни, затаившись в своих гнездах. «Здесь заключена причина ваших несчастий», сказал Долгорукой, указав перстом на Петропавловскую крепость. Мы простояли на якоре весь долгий, томительный день, и лишь в полночь я была доставлена в Зимний, безлюдный, словно бы вымерший.

Иоанна: Я пребывала в страхе, ибо казалось всем, что вас неминуемо навечно заточат в крепость. Целую ночь весь экипаж на верхней палубе истово молился за ваше благополучие, Досифеюшка. Вы бы видели тех матросов, облаченных в белые форменки, певших «Отче наш». Коротка молитва, да помогает. Любили они вас и почитали за святую.

Августа: Ну и скажешь ты, нянюшка моя, соврешь и не моргнешь. Какая же я святая, коль торчал у меня живот, являя честному миру мой позор? Без чувств, без дыхания предстала перед государыней. К удивлению, она встретила меня как родную дочь. Не позволила приложиться к ее руке, а сама обняла меня и облобызала.

«Богомольная ты девица?», спросила она. Как есть, богомольная, отвечала я. Ну так молись перед этими образами, доставленными из всех столичных соборов. Молись не за себя, а за всю царскую фамилию. Молись, чтобы жизнь государства российского не была сотрясаема беспорядками, молись за единство народа и за веру нашу. Ведь столько горя, страданий и крови принес пугачевский бунт. Поляки и иные враги государства подбили его, безродного казака, назваться императором Петром Третьим, и потому пошел за ним неграмотный народ. Тот бунт расшатал устои государственные. Ибо одновременно султан начал войну на юге. Китай подбил миллион калмыков подняться и покинуть наши границы. А за пределами государства начали появляться самозванки, взявшие мое имя, дочери императрицы Елисаветы, и самой опасной была польская шпионка княжна Волдомирская и королева Голкондская.

«Твое имя она взяла», сказала государыня. Долго, до самого утра мы беседовали наедине. Греха в моем любовном несчастье государыня не видела, ибо все мы женщины едины в желании тепла и ласки. Но должна я – и в том мой первейший долг перед господом – воспрепятствовать использованию имени моего врагами государства. Решено было пустить в народе легенду о том, что похищена я флотом по приказу государыни, но на переходе морем корабль погиб. Потому, прости господи и упокой души погибших, был разбит на скалах близ Тулона 66-пушечный флагманский корабль «Слава России», а в числе одиннадцати утонувших указана безымянная персона женского пола, взятая на борт на Капри, в судовом журнале записанная под именем А***.

Иоанна: И все равно слухами земля полнится. Давеча была бита кнутом в посаде Пучеже Костромской губернии некая Варвара Петровна Назарова, называвшая себя дочерью императрицы Елисаветы Аркадией, и выслана в края без адреса, где живут только дикие звери. И в Казани также объявилась княжна-инокиня Лисавета, и еще одна в Уфе, а другие в Нижнем и в Екатеринбурге.

Августа: То, няня, совсем не покусительницы на устои государства, а лишь юродивые да блаженные, мучимые видениями. Государыня говорила о них жалеючи. Потому, чтобы пресечь их появление, снова и снова пускаются слухи о моей гибели. Будто бы окормлена я поляками, не через еду, а некими новомодными химическими опытами, которым хотела обучиться. Будто бы умерла

от нужды где-то в России, разодрав в кровь лицо, дабы не быть узнанной, и отправившись нищенствовать. Много разных слухов, спаси господь тех, кто им верит. Вот и все обо мне, все как на духу, словно перед исповедником. Теперь твоя очередь, рассказывай.

Иоанна: А про аморозин клавесин?

Августа: Спросила меня государыня и о Сонате в честь юной русской принцессы, и затем мы вместе играли ее. Обещала она непременно пригласить Чимарозо, а клавесин хотела послать мне в келию. Да, господи, зачем он здесь? Ведь музыка должна звучать в душе, в сердце, и играть ее должны на золотых трубах безгрешные ангелы, а не человеки.

Иоанна: Бог с ними, с клавесином и аморозою. Вы еще про портрет расскажите.

Августа: Про какой портрет?

Иоанна: Известно, про какой. Про портрет вашей благоверной матушки.

Августа: Государыня повелела портрет сжечь. Но ведь как сжечь? Ведь это единственное, что зримо связывает меня с миром.

Августа становится на колени перед портретом.

Августа: От всего я отреклась, все оставила за дверьми святой обители. Лик матушки мне словно икона. Смотрю я на него, и открывается мне моя жизнь, но не прошлая, грешная, а будущая, вечная и светлая. С каждым днем я ближе к господу и к его милостивой благодати. Одного хочу я, одного желаю – пройти свой путь до конца с честью и с верою.

Иоанна: Ах, простите меня, истинная вы праведница.

Августа: Господь милостив, он всех простит. Твоя очередь исповедоваться, старая. Рассказывай, Иоанна.

Иоанна: Эх, матушка, что же рассказать мне, коли наша жизнь столь разная, что вы и не поймете меня. Это приезжие богатые гости

восхищаются красотой Неаполя и окружающей природы, а мы, городская беднота, лишь благословляем нашего покровителя святого Януария, да гордимся босоногим Мазанеллой, имя которого запрещено произносить вслух, наподобие маркиза Пугачева, прости меня господа. Да вот еще на моем веку Везувий дважды страшно извергался, покрывая окрестности огненной каменной лавой. После первого из них я потеряла родителей и была отдана в монастырский приют, который был разрушен вторым извержением с ужаснейшим преисподним землестрясанием. Но к тому времени я была уже бойкой девицей и прислуживала в домах иностранцев. Страшно тогда было. Небеса покрылись мраком от пепла, гром и молния разили и нечестивцев, и люд кроткий и праведный... Ах, как страшно мне это вспоминать! Не приведи господь больше так грешить.

Августа: Расскажи тогда, милая, о праздниках.

Иоанна: У богатых в Неаполе каждый день праздник. И в будни им небо такое голубое, да Кратер лазурный, да дворцы беломраморные, и в воскресение. Тишь да гладь, да божественная благодать. Нас не будет, а канцонетты так и будут воспевать мою родину.

Августа: А ты знаешь, что в Неаполе искусства процветают, а художники итальянские ценятся по свету превыше всех?

Иоанна: Так и есть, Досифеюшка. Неаполь – это пуп изящных искусств, а все наши артисты выходцы из народа. Ибо богатые считают, что были бы деньги, а красоту они купят. Не было, нет и не будет среди истинных художников ни единого барина. Вот мы, неаполитанцы, любим Сальваторе Розу.

Августа: Пречудесный Роза! Батюшка мой приобрел несколько его картин и передал в Эрмитаж.

Иоанна: Он не только писал картины, но и чистую поэзию. Вспоминая родину светлую память, я всегда твержу его короткий стих о грусти:

Dolce pace del cor mio,
Dove sei? chi t'ha rubato?
Dimmi al men qual fato rio?

Fuor del sen ti discacciò?
 Quando uscisti dal mio petto,
 Ove andasti? entro qual seno?
 Torna a me, che alcun diletto
 Senza te goder non so...

Августа: Прекраснейший стих. Это о музыке! (*Повторяет эхом.*) О, сладкий мир моего сердца... Где ты? Кем ты похищен?..

Иоанна преклоняет колени, Августа следует ее примеру.

Иоанна: Da che uscii dalla cuna
 Non ha tregua nè fine il duolo mio,
 Ricordati, Fortuna,
 Che son nel mondo e son di carne anch'io.
 Venni solo alla vita
 Per stentar e patir, sudar da cane;
 E tra pena infinita
 Speme non ho d'assicurarmi un pane.
 Per me solo si vede
 Scuro il ciel, sordo il mar, secca la terra:
 Ov'io di pace ho fede
 Colà porta il gran diavolo la guerra...

Августа: Красота неаполитанского неба порождает мир и покой в душе и сердце... Но находясь в раю, мы стремимся получить больше, чем господь дарует нас своею милостью И сделав единый шаг ради удовлетворения сиюминутного, мы навечно лишаемся его благоволения... Как прав поэт!

Они часто крестятся.

Иоанна: Матушка Досифеюшка, не казните себя, все было предопределено небесами. Ведь мы вот здесь, в Иоанновском монастыре, где безгрешные монахини свои молитвенные труды посвящают страданиям Крестителя, злостно убиенного стараниями Саломии. Знаешь ли ты, матушка, как небеса отместили ей за святотатство и дурной нрав?

Августа: Не знаю я того, Иоанна, ибо молитвы посвящаю праведному страстотерпцу, а не его палачам.

Иоанна: Царство Ирода было разгромлено, а злодейка Саломия принуждена скитаться, дабы сохранить свою ничтожную жизнь. И бежала она лютою зимою, гонимая беспощадными сластолюбивыми врагами, желавшими насытиться прелестями ея беспутными, по льду реки Сикорис. И треснул под нею сей чистый лед, и провалилась она в черную стылую воду, ибо всевышний присудил ее к охлаждению пагубных страстей.

Августа: Блудница утонула?

Иоанна: Это было бы легкой карой. Прежде стылый лед сомкнулся вокруг ее прекрасной точеной шеи, и Саломия повисла в воде, дрыгая ногами, как плясала она когда-то на земле. Наконец, лед острыми краями своими отсек главу грешницы. Тело ее, столь вожденное всеми, скрылось под водой, а гонителям досталась лишь прекрасная голова. И на мертвых алых губах было обещание наслаждения, но в потухшем взгляде читался приговор тем, кто греховные страсти свои ставит превыше всего. Так свершился суд божий. Есть грех, прощаемый грешнику. Есть грех, за который жестокая кара неминуема.

Августа: Господи праведный, прости меня, ведь мой крест понять мою матушку и отмолить все то, что свершила она по неосторожности и неопытности.

Иоанна: Голубка, знаю я, как тяжело тебе было сдерживать свои страсти, когда вокруг было столь много сластолюбивых итальянцев.

Августа: Нет, нянюшка. Могла я удержаться от греха, и совсем не итальянец то был, а другой...

Иоанна: Граф Орлов? Так ведь ты оставалась с ним наедине лишь на пять минут. Как сие возможно-то? Ведь не богородица ты, а грешница, прости мя боже.

Августа: Все в воле всевышнего.

Иоанна: Вот! Это книги ваши, проклятые, которыми вы скрашивали свое уединение. Вы забывались, читая, и повторяли вслух свои девичьи мечтания. Мужчины, авторы сих романов, пишут их для уловления женских душ, а особенно неокрепших девичьих.

Августа: Какие мужчины? Каких душ?

Иоанна: Безгрешных душ! Не отцветших, не опавших, не загубленных.

Августа: Господи, матушка ты моя... Не пойму я тебя.

Иоанна: Алина, Ангелина, Селина, Нанина, Корина, Клементина, Розалина, Фьоринтина. Нет им числа, героиням ваших книг.

Августа: Моих книг? Или жизни... Была ли Алина безгрешной героиней? Увы!

Иоанна: Вот и вы, моя голубка, стали падшей героиней романа Августиною. Августиной! Царственной! Слыханное ли дело?

Августа: Алина... Августина...

Иоанна: Нечистый в образе ликующего героя является мечтательным девицам и вливает в их ушки сладкий яд своих речей...

Августа: Генерал Сенфар сошел с корабля на берег... Адмирал Орлов сошел с корабля на берег...

Иоанна: Музыка и книга должны обращать человека к господу, к красоте истинного и божественного.

Августа: И пала Алина в его объятия... И пала Августина в его объятия...

Иоанна: И только тогда душа наполняется истинным ликованием!

Августа: И обрела Алина желанное женское счастье... А Августина позабыла свое предназначение и утратила благодать...

Иоанна: Тебя, господи, хвалим!

Августа: Что есть человек? Он ничтожный червь перед ликом всевышнего.

Иоанна: Мертворождение вашего августейшего младенца императорских кровей было знаком неудовольствия божьего. Но грех ваш от того, что не по любви то было, а лишь из любопытства, следствия мирских соблазнов. Ведь последняя вы истинно романовых кровей, и посланы вы миру во искупление всему роду. На вас закончилось древнее царство, и зачалась новая империя.

Августа: Тебя, господи, за то смиренно хвалим.

Обе затворницы страстно молятся.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Сцена сумасшествия. Раздается музыка Паусиелло. Августа словно во сне сживает портрет своей матери. Вспоминая утерянную любовь, Августа играет со старинным персидским перстнем с большим алым рубином.

Августа: Как придет любезный мой!
 К Августине горестной – большой
 И весна опять придет.
 Расцветут опять цветы.
 Но любезный мой нейдет,
 Нет его... Увы! Нет... Нет.
 Если б в дальней стороне
 Воздохнул он обо мне,
 Тоб запели птички вновь
 Нашу радость и любовь.
 Голос друга моего...
 Слышу я?.. Его... Его...
 Мой чувствительный супруг!
 Милой истинной мой друг!
 Тронут он тоской моей
 Возвращается ко мне.

Тише... Он меня зовет...
 Он... Ах! Нет... Увы! Нет... Нет...

Занавес опускается.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Раздаются ружейные выстрелы. На авансцену выходит Орлов.

Орлов: Всемиловитый господь, она умерла! Супруга моя раба божия Евдокия, родив девочку, покинула земную юдоль, скончавшись в нечеловеческих страданиях. Смерть сия безгрешного и невинного существа лежит на мне, ибо много зла принес я людям своею гордынею. Все и вся давалось мне легко, а непокорных заставлял я силою. Бил я турка-ворога, брал крепости и жег корабли, и в том была честь и слава мне, воителю и защитнику отечества. Слава моя вознесла меня до небес, но тщеславие низвергло на землю, под ноги самого презренного существа. Смелостию и отвагою, рука об руку с братьями, расчистили орлы Орловы путь к престолу Екатерине. Уловив ее желание, предал я смерти императора, за что удостоился больших милостей. По велению Екатерины вывез я в Германию единственную Романову, бывшую тогда в юном возрасте. По велению Екатерины пленил я самозванку, и встретил ее – Елисавету, уже выросшую и набравшей красоты. Исполнил я долг перед Екатериной, но потерял честь перед Елисаветою. И оставаясь здесь, в Москве, я предавал Елисавету, сохраняя верность Екатерине. За то она, Екатерина, даровала мне в супруги тихую девицу Евдокию. Тихую, преданную и ласковую. Свыкся я с нею, а затем прикипел сердцем. Долго не могла моя Душечка понести, но однажды вспомнили мы о сонате чимарозиной, сыграли и – о, чудо – через музыку бог тут же услышал нас. Но не дано семейному счастью сбыться во всей полноте, ибо старые грехи в рай не пустили.

Орлов смотрит в небо.

Вот она, Ворон-царица. Будь ты проклята!

Орлов стреляет.

Нет, не убить мне ее, злодейку. Это злая тень Самозванки вороною-судьбою кружит надо мною, взывая о мести за обман. Но ведь обман тот был богоугоден! А не прощен мне иной обман – безгрешной цесаревны. Ведь навечно заточена она из-за меня. И ведь как это случается – плод Самозванки совсем не родился, ребенок Елисаветы отнят от матери и скрыт, а дитя мое от законной супруги осталось сиротой при живом отце. Потому кружит над Орлом Ворон-царица, потому нет мне ни счастья, нет ни упокоя.

Орлов снова целится и стреляет. Затем, терзаемый воспоминаниями об утерянной любви, он роняет ружье, встает на колени и поет каватину.

Здесь Августа повседневно,
Здесь прекрасно отдыхать.
Здесь печаль ее терзает,
Здесь вздыхает в ней любовь.
Тихой луг пустой душистый
Меня ваш вид терзает
Весь мне вид напоминает
Так бывал щасливым я.

Здесь сидела Евдокия,
Но что я чувствую в крови,
Но что мой дух стеснился?
О небо! Или здесь святилище любви?

Прости могуща мое ты заблужденье
Пробуди несчастным свой поправ.
Скончай ты двух сердец мученье
Все сильней любовь!
Загни светильник животворной
Пусть побледнеет просвет
И мне драгую возврати.

26 мая – 4 июня 2012 года. Амстердам

Пьеса благословлена настоятелем собора святого Апостола Андрея Первозванного в Неаполе Русской Православной Церкви за рубежом игуменом отцом Андреем и настоятельницами Иоанно-Предтеченского ставропигиального женского монастыря г. Москвы Русской Православной Церкви игумениями Афанасией и Елисаветой.
<http://ioannpredtecha.ru/>

В 2020 году пьеса издана отдельной книгой в издательстве «SUPER» (Санкт-Петербург). Книга включена в монастырскую библиотеку Ивановского монастыря, а в 2021 году автор включен к Комиссию по канонизации инокини Досифеи (в миру Августы Таракановой).

В 2020 и 2023 годах пьеса в исключительном порядке номинировалась на Международную литературную премию имени Ивана Гончарова (в длинном списке 2023 года).

В 2022 году пьеса благословлена и рекомендована к постановке православными театрами иереем Александром Владимировичем Щелкачевым, профессором и заведующим Кафедрой общей и русской церковной истории и канонического права Богословского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ, г. Москва).

Особая благодарность автора сотрудникам Отдела редкой книги, рукописных, архивных и иконографических материалов Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки, а также редакторам пьесы поэту Владимиру Иосифовичу Пальчикову (Москва) и издателю Василию Ивановичу Чернышеву (Санкт-Петербург).

Литературные консультанты пьесы: Лев Александрович Аннинский и Анатолий Анатольевич Парпара. Это было их прощальным посланием русскому театру: Л. А. Аннинский, пожелавший стать первым рецензентом премьерной постановки пьесы, ушел из жизни в 2019 году, а А. А. Парпара, пригласивший автора «Двух Елисавет» завершить трилогию о становлении Московского государства, скончался в 2020 году.

Первая опубликованная рецензия на пьесу: «Соната для двух Елизаветы», Татьяна Никольская, «Русское поле», N10, 2022.

От редактора издания 2020 года.

Сказать, что пьеса написана на том русском языке, на котором писали классики девятнадцатого и начала двадцатого столетия – это еще ничего не сказать, это так же естественно, как дыхание.

Но стоит отметить, что автор не наряжает своих героев в мнимые одежды восемнадцатого столетия и не заставляет их разговаривать на мнимом языке – они говорят как наши современники – но остаются при этом людьми восемнадцатого столетия, их эпоха строго представлена в границах их времени.

Действующими лицами являются представители всех сословий Российской империи – от императрицы Екатерины Второй до богомольной крестьянской семьи, героями драмы являются и граф Орлов, знаменитый победитель турецкого флота, и граф Шувалов, основатель Московского университета и Академии Художеств, первым директором которой он стал, граф Панин, мнимые или

подлинные дочери Елизаветы (или Екатерины?) – но писателю мы должны доверять более, чем историку, и поэтому я переживаю за судьбы тех, кто живо присутствует на сцене нашего воображения, как за судьбы подлинных людей.

Странная магия искусства: я сострадал не только так называемым положительным героям, но и «отрицательным», грешным и преступным, мне было жаль и подлинную дочь Елизаветы и Самозванку – быть может, Самозванку жалел я более, потому что ее судьба горестнее судьбы своей мнимой сестры.

Хотя – тюрьма или монастырь – для прекрасной, талантливой и умной женщины, главное предназначение которой заключается в рождении детей – не все ли равно?

Как жаль, что видел я героев драмы только в воображении, на сцене драма еще не идет – но не сомневаюсь, что это только дело времени, и Опера, Оперетта и Драматический театры будут равно спорить за право ее первого представления.

Но и читать ее – истинное наслаждение, ибо это не только драма, но особой формы роман (можно было бы сказать и так: роман в диалогах и песнопениях).

Однако – потом наступила ночь и я в конце концов уснул...

И вы думаете, что я расстался с героями пьесы – особенно с героинями?! Разумеется, нет, я вспоминал их слова, движения, романсы, во сне я точно присутствовал на представлении романтической пьесы на сцене театра.

Справедливо в этой небольшой заметке хотя бы по несколько слов уделить героям одной из самых насыщенных страниц русской истории. Только что разразилась гроза пугачевского бунта, Пугачев схвачен и привезен в Москву, и в этой драме присутствует косвенно, но его судьба не посторонняя для судеб героев, правительство и императрица тем более суровы к вероятным мятежникам, чем более они были перепуганы мятежниками подлинными.

Даже граф Орлов, всемирно известный герой русско-турецкой войны, вызывает подозрения, не поддался ли он чарам Самозванки, не обольстился ли он возможными претензиями на трон «принципессы Елисаветы». Разумеется, он обольстился – ее женскими чарами – как и чарами Самозванки.

«Вторая Елисавета» вызывает в читателе романтическое восхищение своим обаянием, образованностью, глубоким пониманием действительности – но при этом в соревновании

добродетели и порока выигрывает, как это чаще всего и бывает, именно порок. И то недоверие к искусству, то отрицание его, которое высказывает «принчипесса», став монахиней Досифеей, не вызывает удивления у читателя – императрица могла переписываться с Вольтером, но русские девушки, даже живя за границей, оставались консервативны.

Тонки и глубоки разговоры об искусстве двух композиторов, Паисиелло и Чимарозо, попадающих позднее на Российскую службу, например, Паисиелло говорит: «Пишите о том, что видите, а не о том, в чем участвуете». Я – бывший учитель, поэт, философ, критик – эти слова заставили меня задуматься, и я все еще не уверен, что разгадал их смысл. Мизансцены часто пронизаны юмором – даже когда этот юмор по Неаполитански свободен, он никогда не бывает грубым.

Драма вызывает ощущение некоего магического поля, пронизывающего происходящее, и кажется, что в происходящем заключено гораздо больше того, что на поверхности – кого из писателей или драматургов мы можем вспомнить в связи с этим? Это таинственное ощущение, что то, что есть, это еще не все в сущем, появляется в трагедиях Шекспира (я перечитывал их в одиночной камере) и в романах Стендаля. Даже если я ошибаюсь в собственных чувствах, я уверен, что Сцена, на которой будет представлено Действие драмы – не проиграет.

Василий Чернышев, 30 января 2020 года

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Использованные тексты:

«Княжна Тараканова и принцесса Владимирская», П. И. Мельников, издание Д. Е. Кожанчикова, Санкт-Петербург, 1868.

«Новый и самый всеобщий и полный пьесник», в 6 ч., Санкт-Петербург, 1819.

«Strofe per musica» и «Lamento», из «Salvator Rosa. Le Satire e le Odi», con una prefazione di G.A.M. Carducci, Istituto Editoriale Italiano, Milano, 1920.

«Избранные сонаты для фортепиано», Д. Чимароза, составление и редакция Л. Лукомского, в 2 тетрадях, Музгиз, Москва, 1961.

«Севильский цирюльник, или Безполезная предосторожность». Опера комическая, представленная на Придворномъ Театрѣ 1782

года. Переведена съ Французскаго языка на Итальянскій. Въ Санктпетербургъ.

«Нина, или Отъ любви съ умасшедшая твореніе». В одномъ дѣйствіи. Музыка Ивана Поизелло в Неаполѣ. Рукописный манускрипт.

«Королева Голкондская». С.Ж. де Буфлер. Въ тип. Артиллер. инж. кад. корпуса, у Х.Ф. Клеена, въ Санктпетербургѣ, 1780.

«Алина, Королева Голкондская». Опера въ трехъ дѣйствіяхъ. Слова Гг. Віал' и Фавіер'. Музыка Гна Бертон'. Въ Санктпетербургѣ, 1811.

«Цыганскій таборъ». Сборникъ цыганскихъ пѣсень № 76-100. Москва у П. Юнгенсона, 1882.

2. Иллюстрации:

«Лунная ночь на Капри», И. К. Айвазовский, 1841 г.

«Монахиня Досифея, старица Ивановского монастыря», неизвестный художник

Пьесы Ц. А. Балакаева, опубликованные в 2012 году в Амстердаме:

«Галатея, или Калмыки в Париже», комедия-водевиль с пением и танцами в трех действиях и с одним антрактом (*«Galathée, ou les Kalmouks à Paris», Comédie-Vaudeville en trois actes avec un entracte*)

«Тень, или Путешествие в Арзрум», лирическая поэма в трех действиях, с прологом и эпилогом (*«L'ombre, ou Le Voyage à Erzurum», Poème lyrique en trois actes avec un prologue et un epilogue*)

«Царь-плотник, или Русское посольство в Амстердаме», комедия в трех действиях (*«Czar le Charpentier, ou L'Ambassade de Russie en Amsterdam», Comédie en trois actes*)

«Влюбленный Диделот. Страница истории российского театра», комедия в трех действиях (*«Didelot amoureux, ou Un épisode des secrets russes», Comédie en trois actes*)

«Петр в Париже», веселая комедия в трех действиях (*«Pierre le Grand à Paris», Comédie en trois actes*)

«Две Елисаветы, или Соната ля минор», историческая драма в трех действиях, с прологом и эпилогом (*«Deux Élisabeths, ou Le sonate en la mineur», Drame historique en trois actes avec un prologue et un epilogue*)

«Уланова», драма в трех действиях, с прологом и эпилогом (*«Ulanova», Drame en trois actes avec un prologue et un epilogue*)

Цепен Алексеевич Балакаев

**ДВЕ ЕЛИЗАВЕТЫ,
или Соната ля минор**

*Историческая драма в трех действиях
с прологом и эпилогом*

*«Deux Élisabeths, ou Le sonate en la mineur»
Drame historique en trois actes avec un prologue et un epilogue*

Верстка В. Чернышев

Подписано в печать **13 октября 2025**
172 стр.

Издательство «SUPER»

Санкт–Петербург
2025